

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

На правах рукописи

АЙРАПЕТЯН ДАВИД АРМИКОВИЧ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В ПОСТКАПИТАЛИЗМЕ:
СТРУКТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ**

Специальность: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич

Научный консультант:

доктор экономических наук, профессор
Черкасова Татьяна Павловна

Ростов-на-Дону – 2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания анализа трансформации политических процессов в условиях посткапиталистических тенденций.....	22
1.1. Политические процессы позднего капитализма: вызовы и поиск трансформационных альтернатив.....	22
1.2. Концептуальные модели посткапиталистического перехода: конкурирующие сценарии политических изменений.....	42
1.3. Структурные и институциональные изменения в условиях посткапиталистического перехода: аналитическая связка «ресурсы – акторы – механизмы – институты».....	67
Глава 2. Структурная реконфигурация политической власти в условиях посткапиталистического перехода: гибридный субъект и дата-центричная власть.....	86
2.1. Генезис государственно-корпоративного техно-субъекта (ГКТС) и механизмы дата-центричной власти.....	86
2.2. Социально-политические антагонизмы дата-центричной власти: типология и логика формирования.....	105
2.3. Идеологические (нормативные) проекты легитимации и институционального ограничения дата-центричной власти.....	127
Глава 3. Институциональная адаптация системы политического управления в России к посткапиталистическим тенденциям.....	148
3.1. Цифровизация политического управления: формирование «государства-платформы» и контуры российской версии ГКТС.....	148
3.2. Трансформация политических институтов и механизмов легитимации: сдвиг к результативной эффективности и элементы цифрового участия.....	164
3.3. Сценарные векторы институциональной адаптации российской модели политического управления к условиям посткапиталистического перехода: направления государственной политики.....	182
Заключение.....	204
Список сокращений и условных обозначений.....	210
Библиографический список.....	211
Приложение 1.....	233

Введение

Актуальность темы исследования. Глобальная политическая система конца первой – начала второй четверти XXI столетия переживает период фундаментальной структурной трансформации, вызванной конвергенцией двух взаимоусиливающих процессов. С одной стороны, поздний капитализм вступил в фазу системного кризиса, который не может быть преодолен исключительно рыночными механизмами и требует масштабного политического вмешательства в процессы распределения ресурсов, власти и возможностей. С другой стороны, цифровая революция радикально меняет саму материальную основу властных отношений, порождая новые типы стратегических ресурсов – большие данные, алгоритмы, платформенную инфраструктуру, вычислительные мощности – контроль над которыми формирует принципиально новые механизмы политического доминирования и управления. В результате политический процесс качественно трансформируется: от традиционной борьбы за территории, бюджеты и законодательство – к борьбе за контроль над цифровыми инфраструктурами, определяющими параметры доступа, видимости и участия в общественной жизни.

В этих условиях возникает беспрецедентная конфигурация власти – структурное срастание государственных институтов и технологических корпораций через общую цифровую инфраструктуру и взаимопроникающие контуры управления. Технологические корпорации приобретают инфраструктурные возможности, сопоставимые с национальными государствами, контролируя коммуникативные каналы, информационную повестку и данные миллиардов пользователей. Одновременно государства массивно интегрируют цифровые технологии в практики управления, создавая системы мониторинга, прогнозирования и алгоритмической модерации социальных процессов. Формирующийся государственно-корпоративный техно-субъект (далее ГКТС) представляет собой качественно новую форму организации политической власти, не описываемую

классическими теориями государственного суверенитета, демократии или корпоративного влияния, что требует разработки адекватного концептуального аппарата для ее анализа.

Существующий теоретический инструментарий политической науки оказывается недостаточным для комплексного осмысления происходящих событий. Классические теории политического процесса разрабатывались для индустриального общества с четким разделением государства, рынка и гражданского сектора и не учитывают феномен технологического срастания публичных и частных институтов. Возникает теоретический разрыв между признанием масштаба цифровой трансформации и отсутствием интегральной концептуальной рамки, способной объяснить механизмы переформатирования институтов власти и управления в дата-центричной среде.

Для Российской Федерации данная проблематика обладает прямой практической значимостью. В условиях геополитической турбулентности и форсированного развития собственной цифровой инфраструктуры Россия, фактически, формирует особую модель государственно-корпоративного взаимодействия, параметры которой определяются сегодня, но их долгосрочные политические эффекты остаются недостаточно осмысленными. Реализация национальных проектов политики цифровизации, внедрение искусственного интеллекта (далее ИИ) в политическое управление, развитие суперсервисов и создание единых платформ, фактически, конструируют новую институциональную архитектуру власти российского государства. Понимание механизмов концентрации и применения политической власти в этих условиях критически важно для оценки рисков углубления социального неравенства, цифрового исключения, эрозии традиционных форм политического представительства и прогнозирования устойчивости политической системы в целом.

Таким образом, актуальность исследования определяется объективной необходимостью теоретического осмысления фундаментальной

трансформации политического процесса через призму цифровизации и формирования государственно-корпоративных техно-субъектов. Исследование призвано восполнить теоретический пробел в понимании того, как технологическая инфраструктура перестраивает институты политической власти и управления, какие трансформационные альтернативы возможны. Это критически важно как для развития современной политологии в условиях посткапиталистического перехода, так и для выработки обоснованных стратегий общественного развития, способных обеспечить баланс между технологической эффективностью, политической легитимностью и социальной справедливостью.

Степень научной разработанности проблемы. Степень научной разработанности проблематики исследования характеризуется междисциплинарностью и концентрацией исследований вокруг нескольких ключевых проблемных полей.

Концептуальные основы анализа кризиса капитализма и перехода к новым социально-экономическим формациям заложены в работах представителей различных теоретических традиций. Фундаментальное значение сохраняет критическая традиция, восходящая к работам К. Маркса и Ф. Энгельса, чей анализ капиталистического способа производства, классовых антагонизмов и концепция базиса и надстройки остается методологической основой для исследования трансформации экономических отношений и их политических проекций.

Важный вклад в осмысление современной стадии капитализма внесли французские социологи Л. Болтански и Э. Кьяпелло, создавшие методологический вектор, актуализирующий социально-политический анализ капиталистической системы как явления, выходящего за рамки простого конструирования рыночных отношений. Представители современной критической теории С. Жижек, Ф. Руда, А. Хамза и социолог Й. Тернборн анализируют провал неолиберальной политики позднего капитализма с позиций философии и социологии. Д. Харви и Б. Миланович развивают

капиталистическую критику через призму актуальной политической экономики.

Среди российских исследователей посткапиталистических тенденций выделяются работы экономиста А.В. Бузгалина, изучающего соотношение современных производительных сил и производственных отношений и вводящего концепт «постэкономики», политологов Л.Г. Фишмана и В.С. Мартьянова, разработавших концепцию рентного общества и анализирующих специфику российской траектории в контексте глобальных трансформаций. Концепция персоналиата политолога Д.А. Давыдова предлагает альтернативное видение социально-политической стратификации в условиях перехода к экономике знаний.

Проблематика цифровой трансформации политических процессов и формирования новых субъектов власти исследуется в работах О.Г. Михайленка, С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко, концепций платформенного капитализма (Н. Срничек), технофеодализма (Я. Варуфакис), а также надзорного капитализма (Ш. Зубофф). Последняя концепция особо интересна тем, что раскрывает механизмы извлечения стоимости из человеческого опыта через беспрецедентную асимметрию знания и власти между технологическими корпорациями, государством и пользователями, что критически важно для понимания трансформации властных отношений в цифровую эпоху. Отдельно вопросы этики применения ИИ в области политических процессов поднимают исследователи политики технологий и моральной философии Б.К. Шталь, Д. Шредер и Р. Родригес.

Для предпринятого исследования крайне важны теории информационного общества, сетевой власти и нетократии. Так, социолог Д. Белл первым разработал фундаментальную концепцию информационного общества, П. Друкер выделил трансформацию ключевых производственных ресурсов, изменение природы труда и роли политических акторов (государства) в постиндустриальную эпоху. А. Бард и Я. Зодерквист обосновали тезис о формировании нового господствующего класса,

контролирующего информационные потоки и сетевую инфраструктуру, что превосходит многие аспекты анализа дата-центричной власти. Сетевизация современного общества и политики рассмотрена в работах М. Кастельса, исследовавшего противоречия «сетей» во взаимоотношения государства, общества и корпораций и одного из первых выделившего конфликт между физическим/локальным («пространство мест») и виртуальным («пространство потоков»). Именно это противоречие является одной из концептуальных составляющих ГКТС.

Теоретические рамки био- и психополитики, разработанные М. Фуко и Б.Ч. Ханом соответственно, оказываются критически важными для анализа новых форм власти над жизнью в условиях цифровой трансформации. Российский политолог С.Ю. Хлыстунов разработал также концепцию БЭТ-диктатуры (биоэкологической), анализируя риски тотального контроля, опирающегося на новейшие технологии NBIC-конвергенции (базы шестого технологического уклада) и ведущего к институционализации цифрового Левиафана (государства тотального контроля). Концепция «множества» П. Вирно предлагает новое понимание коллективной субъективности, не сводимой ни к единству народа, ни к фрагментации индивидов в цифровом обществе. Ш. Теркл исследует в этом ключе парадоксы технологической связанности и эмоциональной разобщенности. М. Федорченко анализирует феномен «цифровой меланхолии» и либидинальную экономику современности.

В области теоретической проработки идеологических проектов посткапиталистического будущего важно выделить работы П. Мейсона, развивающего концепцию цифрового социализма и «вики-государства», Т. Шольца и Н. Шнайдера, разрабатывающих практические модели платформенного корпоративизма как альтернативы корпоративным платформам, Н. Сриничека и А. Уильямса, предлагающих сценарий посткапитализма, основанный на тотальной автоматизации, технологической демократии, сокращении рабочего времени и всеобщем базовом доходе.

Российский исследователь и предприниматель Г. Копанев также разработал теоретическую модель кибернетического государства. Также идея безусловного базового дохода как ключевого элемента посткапиталистического перехода разработана Я. Вандерборхтом и Ф. ван Парайсом. М. Юнус предлагает концепцию «мира трех нулей».

Технореакционная идея о будущем посткапитализма представлена работами философов К. Ярвина, Н. Ланда, обосновывающих превосходство технократического управления над демократическим и развивающих мысль о технокапиталистической сингулярности.

В свою очередь, технолибертарианская парадигма развития будущего заложена в работах криптоанархиста Т.С. Мэя, акселерациониста П. Тиля и технооптимиста М. Андрессена.

Наконец, технопрогрессивное направление представлено работами Дж. Хьюза о демократическом трансгуманизме и исследованиями Д. Коррико о необходимости этического и социального фундирования технологического прогресса.

Таким образом, степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием развитой теоретической базы для анализа трансформации капитализма и становления новых форм политической организации, однако комплексный политологический анализ формирования государственно-корпоративного техно-субъекта, трансформации социально-политических антагонизмов и институциональной адаптации российской политической системы к посткапиталистическим тенденциям остается недостаточно исследованным.

В настоящем исследовании под посткапитализмом понимается не завершенная социально-экономическая формация, а совокупность структурно устойчивых тенденций, качественно изменяющих основания капиталистического способа производства и политической власти: смещение ключевого ресурса власти от физического и финансового капитала к данным и цифровой инфраструктуре; возникновение ГКТС как принципиально нового

типа властного актора, не вписывающегося в классическую дихотомию государство – рынок; переход от рыночной координации к алгоритмической управляемости как доминирующему механизму распределения ресурсов и возможностей. Совокупность этих тенденций образует то, что в диссертации называется посткапиталистическим переходом, – то есть транзитным состоянием (причем, без четкой фиксации линейности), в котором воспроизводство старых институтов подрывается, но новые еще не институционализировались.

Таким образом, термин «посткапитализм» используется в диссертации как аналитическая категория, фиксирующая накопление структурных изменений, которые уже не описываются логикой классического и даже позднего капитализма.

Следовательно, **целью** диссертационного исследования является разработка целостной концепции трансформации политических институтов и механизмов управления в условиях посткапиталистического перехода, раскрывающей природу и логику формирования государственно-корпоративного техно-субъекта, а также обоснование специфики институциональной адаптации российской политической системы к глобальным процессам цифровизации через формирование модели цифрового «государства-платформы».

Для достижения поставленной цели в работе определяются и решаются следующие **научные задачи**:

- определить специфику политического процесса в условиях позднего капитализма через анализ политического перераспределения как ответа на системные кризисы и выявить факторы, лимитирующие системное развитие в сторону справедливости;
- систематизировать теоретические концепции посткапиталистического перехода и выявить ключевые тенденции прогнозируемых в них политических изменений;

- разработать аналитическую модель «ресурсы-акторы-механизмы-институты» для исследования диалектики структурных и институциональных изменений в политических процессах и определить сценарные траектории этих трансформаций;
- проанализировать процесс формирования государственно-корпоративного техно-субъекта (ГКТС) как качественного нового актора политической власти, выявить механизмы его функционирования и формы легитимации дата-центричной власти;
- исследовать структурную трансформацию социально-политических антагонизмов в условиях становления ГКТС и определить специфику когнитивно-информационных, технополитических, биополитических и глобальных противоречий;
- систематизировать идеологические проекты легитимации и ограничения дата-центричной власти и определить их институциональные импликации;
- проанализировать процесс цифровизации политического управления в России и выявить контуры формирования российской версии ГКТС через концепт «государства-платформы»;
- исследовать трансформацию российских политических институтов и механизмов легитимации власти, определить специфику перехода к модели результативной эффективности и роль цифрового участия;
- определить сценарные векторы развития российской модели посткапиталистического политического управления и институтов с учетом внутренних противоречий и внешних вызовов и предложить направления государственной политики по реализации приоритетного сценарного вектора развития.

Объектом исследования является политический процесс в условиях посткапиталистической трансформации, включающий перераспределение ресурсов, власти и возможностей между государственными, корпоративными

и общественными акторами в контексте цифровизации и формирования дата-центричных механизмов управления.

Предметом исследования выступают институциональные механизмы концентрации, конвертации и применения политической власти и политического управления в условиях формирования государственно-корпоративного техно-субъекта, проявляющиеся через трансформацию систем принятия решений, легитимации, перераспределения ресурсов и гражданского участия в цифровой среде (на примере политической системы России).

Гипотеза исследования. Формирование посткапиталистического перехода сопровождается фундаментальной реконfigurацией субъектной структуры политической власти через создание государственно-корпоративного техно-субъекта, функционирующего на основе дата-центричных механизмов контроля и управления, что порождает новые взаимосвязанные формы социально-политических антагонизмов и требует трансформации традиционных политических институтов. Российская Федерация демонстрирует специфическую траекторию адаптации к этим глобальным процессам через формирование гибридной модели «государства-платформы», сочетающей цифровые механизмы управления с традиционными властными вертикалями и смещающей основу легитимности от процедурно-электоральной к модели результативной эффективности.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляет междисциплинарный синтез концептуальных подходов политической науки, критической социальной теории, экономической социологии и исследований науки и технологий, позволяющий комплексно проанализировать трансформацию политических процессов в условиях цифровизации и формирования новых конфигураций власти.

Методологическим фундаментом выступает неомарксистская традиция анализа капиталистических отношений, рассматривающая политические

процессы через призму противоречий в способах производства, накопления и распределения ресурсов. Данный подход позволяет концептуализировать цифровизацию не как нейтральный технологический процесс, а как качественную трансформацию материальной базы властных отношений, порождающую новые формы эксплуатации и антагонизмов. Критическая политическая экономия цифрового капитализма дополняет этот фундамент анализом специфики извлечения стоимости из нематериальных активов – данных, внимания, когнитивных способностей, социальных связей – что радикально отличается от классических капиталистических механизмов эксплуатации наемного труда.

Концептуальный аппарат исследования формируется на основе теорий посткапиталистической трансформации, включающих акселерационистские концепции технологически опосредованного перехода к новым формам общественной организации, идеи цифрового социализма и кибернетического планирования, концепции рентного общества и персоналиата как новых форм стратификации в условиях автоматизации производства. Особое значение имеют теории платформенного и надзорного капитализма, анализирующие трансформацию рыночных механизмов координации в алгоритмические системы управления, а также концепции технореакционизма и технопрогрессивизма как альтернативных идеологических проектов легитимации дата-центричной власти.

Институциональный анализ опирается на неинституциональную теорию, рассматривающую политические институты как относительно устойчивые правила, нормы и практики, структурирующие политическое поведение и распределение ресурсов. Концепция «эффекта колеи» позволяет объяснить инертность институциональных изменений. Также институционализм применяется для анализа механизмов адаптации традиционных политических форм к условиям цифровизации через процессы конверсии функций, наслоения новых практик и институционального дрейфа.

Концепция государственно-корпоративного техно-субъекта разработана в рамках диссертации как синтетическая аналитическая категория, интегрирующая элементы акторно-сетевой теории, концепций гибридных политических субъектов и исследований государственно-частного партнерства в технологической сфере. Данная концепция рассматривает формирующийся субъект не как простую коалицию государственных и корпоративных акторов, но как качественно новую сущность, обладающую собственной логикой функционирования, основанной на контроле над инфраструктурами и данными как стратегическими ресурсами власти.

Теории политического процесса применяются для анализа динамики перераспределения власти, ресурсов и возможностей между различными политическими акторами в условиях цифровизации. Структурно-функциональный подход позволяет выявить трансформацию базовых функций политической системы – артикуляцию интересов, агрегирование требований, принятие решений, их имплементации и оценки под воздействием алгоритмических систем и платформенных механизмов координации. Концепции политической легитимности используются для изучения сдвига от процедурно-электоральной модели к модели результативной эффективности как ключевой тенденции посткапиталистической трансформации механизмов легитимации власти в России.

Методология цифровых исследований включает критический анализ алгоритмов и платформ, социальных и политических эффектов больших данных, исследование платформенной экономики и ее политических импликаций. Концепция дата-центричной власти, развиваемая в работе, опирается на теории био – и психополитики и алгоритмической управляемости, рассматривающие способы, которыми цифровые технологии трансформируют субъективность, поведение и возможности политического действия. Критические исследования искусственного интеллекта применяются для анализа политических последствий автоматизации

процессов принятия решений и рисков формирования технологического контроля.

Геополитический анализ основывается на теориях технологического суверенитета и цифрового колониализма, позволяющих концептуализировать конкуренцию за контроль над данными и инфраструктурами как ключевое измерение современных международных отношений. Концепции многополярного мира и цивилизационного развития используются для интерпретации российской траектории посткапиталистической трансформации как альтернативной модели, формирующейся в специфических геополитических условиях санкционного давления и стратегической конфронтации с западным политико-технологическим блоком.

Сравнительный институциональный анализ применяется для выявления специфики российской модели цифрового государства-платформы в сопоставлении с западными либерально-демократическими и восточными авторитарно-технократическими моделями цифровизации политического управления.

Методы эмпирического анализа включают изучение нормативно-правовых актов, регулирующих процессы цифровизации в Российской Федерации, анализ стратегических документов и национальных проектов, исследование статистических данных о внедрении цифровых технологий в систему государственного управления, экспертные оценки эффективности цифровых платформ взаимодействия власти и граждан. Дискурс-анализ применяется для выявления доминирующих нарративов легитимации цифровой трансформации политических процессов и механизмов формирования общественного консенсуса вокруг стратегий технологического развития.

Интеграция указанных теоретических подходов и методологических инструментов формирует комплексную исследовательскую рамку, позволяющую актуализировать посткапиталистическую трансформацию

политических процессов как системное явление, затрагивающее материальную базу власти, институциональную архитектуру политических систем, механизмы легитимации, формы политического участия и геополитическую конфигурацию глобального порядка цифровой эпохи.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке комплексной концепции трансформации политических процессов и механизмов управления в условиях посткапиталистического перехода на основе анализа формирования ГКТС и становления дата-центричной власти, а также выявления специфики российской модели институциональной адаптации к глобальным процессам цифровизации. Элементы научной новизны конкретизируются в следующих положениях:

1. Обоснована концепция политического процесса в условиях позднего капитализма как системы политического перераспределения власти и ресурсов в ответ на структурные сбои цифровизирующейся экономики, специфика которой, в отличие от аналогичных перераспределительных механизмов предшествующих эпох, определяется качественно новым характером лимитирующих факторов: технологическим контролем корпораций над данными и цифровой инфраструктурой, практиками «управляемого отставания» в условиях экспоненциального технологического ускорения, конкуренцией доминирующих акторов за цифровые активы, – что обуславливает отличительные черты современных институциональных изменений.

2. Предложена аналитическая модель «ресурсы-акторы-механизмы-институты» для исследования диалектики структурных и институциональных изменений в формирующемся посткапиталистическом переходе, выявляющая три возможных траектории трансформации: платформенная реконфигурация, институциональная дезинтермедиация и гибридная институционализация.

3. Разработана концепция государственно-корпоративного техно-субъекта как симбиотического комплекса, основанного на взаимодополняющей асимметрии возможностей государства и

транснациональных цифровых корпораций, реализующего качественно новый тип дата-центричной власти.

4. В рамках концепции выявлена системная взаимосвязь между конитивно-информационными, технополитическими, биополитическими и глобальными социально-политическими антагонизмами и процессом формирования ГКТС: показано, что становление ГКТС конституирует качественно новое поле политической борьбы, переформатирующее структуру указанных противоречий и задающее специфическую конфигурацию их разворачивания в условиях дата-центричной власти.

5. Проведен сравнительный анализ идеологических проектов легитимации дата-центричной власти и ГКТС с выявлением их (проектов) институциональных импликаций и альтернативных траекторий посткапиталистического развития.

6. Обоснована концепция цифрового «государства-платформы» как специфической российской модели адаптации к формированию ГКТС, характеризующейся интеграцией властно-административных иерархий с цифровыми платформами сетевой координации, сочетанием элементов либерально-демократической, административно-государственной и технократической систем и смещением механизмов легитимации от процедурно-электоральной к модели результативной эффективности, что формирует гибридную модель политической организации при сохранении рисков усиленного цифрового контроля.

7. Определены сценарные векторы развития российской модели посткапиталистических институтов с учетом противоречий между требованиями обеспечения технологического суверенитета и необходимостью интеграции в глобальное информационное пространство, между эффективностью цифрового управления и защитой конституционных прав граждан, а также предложены направления государственной политики по реализации приоритетного сценарного вектора развития.

Данные элементы научной новизны конкретизированы в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1. Современный политический процесс в условиях позднего капитализма представляет собой комплекс стратегий, мероприятий, взаимодействий и конфликтов, связанных с перераспределением политической власти, ресурсов и возможностей в обществе. Это перераспределение осуществляется в ответ на структурные сбои в цифровой экономике и реализуется, преимущественно, через политические механизмы и инструменты. При этом политическое перераспределение, замещающее рыночные механизмы в нестабильных условиях, сталкивается с рядом качественно новых лимитирующих факторов: технологическим контролем корпораций за цифровыми данными и инфраструктурой как доминирующими ресурсами власти, практиками «управляемого отставания» в условиях стремительного технологического ускорения, конкурентной борьбой крупных акторов за цифровые и технологические активы, нарастающей поляризацией интересов ключевых экономических агентов в условиях платформенной экономики. Все это затрудняет эволюцию политического процесса в сторону большей справедливости и инклюзивности. Преодоление выявленных ограничений требует формирования альтернативных институциональных механизмов политического участия и реформирования систем распределения ресурсов, что определяет характер любых перспективных общественных трансформаций.

2. Диалектика структурных и институциональных изменений в формирующемся посткапиталистическом переходе адекватно описывается аналитической связкой «ресурсы-акторы-механизмы-институты», поскольку трансформация управляемости разворачивается как единый причинно-следственный контур: 1) смещение ключевых ресурсов власти в сторону цифровых и информационных ресурсов; 2) усиление и гибридизация акторов, способных концентрировать и использовать данные ресурсы; 3) расширение алгоритмических и платформенных механизмов конвертации ресурсов в

решения и режимы координации; 4) институциональное закрепление (либо блокировка) этих механизмов через формальные правила, процедуры и организационные контуры при значимом влиянии «эффекта колеи». Показано, что темпоральная дисгармония между ускорением структурного слоя (ресурсы и механизмы) и сравнительной инертностью институционального слоя является фактором сценарной вариативности, которая выражается в трех траекториях: платформенная реконфигурация, институциональная дезинтермедиация и гибридная институционализация.

3. В условиях цифровой трансформации происходит фундаментальная реконфигурация субъектной структуры политической власти: дематериализация ресурсов власти и переход к большим данным как доминирующему политическому активу делают невозможным монопольный контроль над информационно-коммуникационными ресурсами со стороны традиционных акторов по отдельности, что закономерно порождает формирование государственно-корпоративного техно-субъекта (ГКТС) – симбиотического комплекса, основанного на взаимодополняющей асимметрии возможностей государства (легитимность, принуждение, регулирование, перераспределение) и транснациональных цифровых корпораций (технологическая инфраструктура, монополия на данные, инновационный потенциал). ГКТС воплощает качественно новый тип власти – дата-центричную власть, функционирующую через механизмы профилирования и сегментации, предиктивной аналитики и алгоритмического управления информационными потоками, что обеспечивает переход от реактивного к проактивному режиму контроля, а устойчивость системы достигается посредством многоуровневой легитимации через дискурсы удобства, безопасности, неизбежности, партиципации и намеренной технологической непрозрачности, конвертирующей потенциальное сопротивление в добровольное подчинение. Формирование ГКТС сопровождается структурной трансформацией социально-политических антагонизмов, характеризующейся переходом от классической вертикальной бинарной оппозиции «труд-капитал»

к многомерной конфигурации взаимосвязанных противоречий, включающей четыре базовых типа: когнитивно-информационные, технополитические, биополитические и глобальные антагонизмы.

4. Идеологическая борьба вокруг дата-центричной власти структурируется четырьмя конкурирующими проектами легитимации государственно-корпоративного техно-субъекта: технолибертарианство стремится к технологическому подрыву ГКТС через децентрализацию и криптографию, воспроизводя при этом корпоративное доминирование; цифровой социализм требует демонтажа корпоративной компоненты через национализацию платформ и обобществление данных, сталкиваясь с рисками бюрократизации; технореакционизм легитимирует авторитарную консолидацию ГКТС как эффективную альтернативу демократии; технопрогрессивизм предлагает регуляторный компромисс, подчиняющий ГКТС демократическому контролю без радикального слома капиталистических отношений собственности. Эти идеологические позиции не сводятся только лишь к теоретическим дискуссиям, они материализуются в конкретных институциональных практиках – от европейских регуляторных режимов, через китайскую систему социального кредита до криптоанархистских проектов децентрализованных финансов – определяя альтернативные траектории посткапиталистической трансформации политических систем.

5. Цифровизация политического управления в России формирует институциональную модель цифрового «государства-платформы», концептуально вписывающуюся в логику развития ГКТС и представляющую собой гибридную форму политической организации, которая интегрирует властно-административные иерархии с цифровыми платформами сетевой координации. Данная модель создает альтернативный посткапиталистический вариант политического развития, основанный на алгоритмическом принятии решений и цифровом суверенитете, при котором традиционные механизмы процедурно-электоральной легитимации дополняются моделью

результативной эффективности через цифровые технологии мониторинга и оценки политического управления. В совокупности это формирует институциональные условия для перехода от конфронтационной к кооперативной модели взаимодействия между государством и обществом при сохранении рисков усиленного цифрового контроля.

6. Перспективы институционализации посткапиталистической модели в России определяются способностью политической системы найти оптимальное соотношение между цифровой трансформацией политического управления и защитой конституционных прав граждан, что предполагает создание новых форм политической культуры, основанных на принципах взаимной ответственности и развитие технологического суверенитета без изоляции от глобального информационного пространства.

Практическая и теоретическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в развитие политологического знания о закономерностях и механизмах трансформации политических институтов и процессов в условиях структурной трансформации политических институтов под воздействием посткапиталистических тенденций. Разработанная концепция ГКТС и дата-центричной власти расширяет понимание субъектной структуры современной политической власти и может быть использована для дальнейших исследований цифровизации политических процессов. Предложенная аналитическая модель «ресурсы-акторы-механизмы-институты» формирует методологическую основу для изучения структурных и институциональных изменений политики цифровой трансформации в национальных контекстах. Систематизация идеологических проектов легитимации дата-центричной власти вносит вклад в теорию политических идеологий цифровой эпохи. Концепция цифрового «государства-платформы» обогащает представление о траекториях институционального развития незападных обществ в условиях глобальной цифровизации.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования при разработке стратегических документов и программ цифровой трансформации политического и государственного управления в Российской Федерации. Выявленные риски формирования систем цифрового контроля и предложенные механизмы обеспечения баланса между эффективностью управления и защитой конституционных прав граждан могут быть учтены при совершенствовании нормативно-правовой базы регулирования платформенной экономики и использования технологий искусственного интеллекта в государственном секторе. Сценарный анализ перспектив развития российской модели посткапиталистических институтов предлагает основу для прогнозирования и предупреждения системных рисков в условиях геополитической нестабильности. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании дисциплин «Мировая политика: факторы и процессы», «Моделирование социально-политических процессов», «Новейшие тенденции и направления современной политологии», «Актуальные проблемы современной политики», «Политические институты, процессы, технологии».

Апробация работы. По теме диссертации опубликовано 14 работ. В том числе 5 публикаций автора, входящих в перечень периодических изданий, рекомендованных ВАК.

Концептуальные идеи диссертации докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях в 2023 – 2026 гг.

Структура диссертации определяется композиционной логикой исследования в процессе достижения поставленной цели посредством последовательного решения задач и включает в себя: введение, три главы (девять параграфов), заключение, список литературы из 249 источников и одно приложение. Текст работы занимает 234 страницы.

Глава 1. Теоретико-методологические основания анализа трансформации политических процессов в условиях посткапиталистических тенденций

1.1. Политические процессы позднего капитализма: вызовы и поиск трансформационных альтернатив

Постиндустриальная эпоха – это время радикальных перемен и фундаментальных преобразований в системно-структурном основании социума – в глобальной позднекапиталистической системе. Современность совсем не похожа на тот классический индустриальный капитализм, который был описан К. Марксом в середине XIX века, со строго определяющей общественные отношения частной собственностью на средства производства, классами наемных рабочих и буржуазии, кризисами перепроизводства и т.п. Переживая циклические взлеты и падения в беспокойном XX столетии, в том числе, под воздействием глобализации и новых технологических прорывов, капитализм, в конечном счете, трансформируется сегодня в явление, которое становится трудно соотносить с устоявшимся в науке пониманием капиталистического уклада.

Вышедшая в 1999 г. работа видных европейских социологов Л. Болтански и Э. Кьяпелло «Новый дух капитализма»¹, по мнению политолога Д.Г. Евстафьева², создала новый и цельный методологический вектор, актуализирующий сегодня в социологическом и политологическом дискурсах идею о том, что капитализм является чем-то большим, чем просто системой, конструирующей рыночные отношения, и заслуживает не только экономического, но и тщательного социально-политического анализа.

На самом деле политические трансформации не столь заметны на фоне, собственно, факторов экономических и технологических изменений, но они тесно связаны, можно сказать, даже детерминированы последними. Актуальная оценка глобального капитализма, предлагаемая современными

¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 976 с.

² Евстафьев Д.Г. Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (6). С. 207-222.

марксистами³ и представителями критической теории⁴, свидетельствует о том, что капиталистическая система за все время существования создала в себе особые антагонизмы, которые в настоящее время достаточно сильны, чтобы воспрепятствовать ее дальнейшему воспроизводству (угрозы экологической катастрофы, неуместность понятия частной собственности по отношению к интеллектуальной собственности, социально-этические последствия научно-технологического прогресса и изменения в распределении власти и господства⁵). Все эти антагонизмы генерируются, прежде всего, в экономическом базисе современной глобальной системы, но, что очень важно, они крайне чувствительно отражаются на институциональной архитектуре и процессуальной составляющей политических отношений – того, что К. Маркс называл «надстройкой»⁶.

В этой связи ключевая исследовательская задача состоит не только в фиксации кризисных проявлений позднего капитализма, но и в выявлении того, как именно они трансформируют политический процесс в условиях формирования новой системы: через создание и закрепление новых центров принятия решений и контроля над ресурсами; через возникновение специфических линий конфликтности вокруг доступа к ресурсам, инфраструктурам и механизмам распределения; через конкуренцию нормативных и идеологических проектов, легитимирующих различные модели трансформации.

Необходимо зафиксировать, что современное состояние капитализма, выражающееся в комплексном и перманентном кризисе его экономической составляющей, демонстрирует глубокие структурные противоречия и неспособность системы управления адекватно реагировать на вызовы XXI века. Ключевой механизм рыночной экономики – функция рыночного распределения приводит к целому ряду сложных проблем в фазе позднего

³ Жижек С. Неприятности в раю. От конца истории к концу капитализма. М.: Гонзо, 2021. 412 с.

⁴ Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 176 с.

⁵ Там же, с. 128.

⁶ Маркс К. К критике политической экономии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 7.

капитализма, опирающейся, преимущественно, на неолиберальные принципы экономической политики^{7,8}. Если ранее модель государства всеобщего благосостояния могла сформировать демократическое и более или менее эгалитарное общество, характеризующееся стабильным экономическим ростом, и производственная модель в котором увеличивала трудовые доходы населения над темпами накопления капитала, то эпоха энергетического кризиса 1970-х и его последствий в начале 1980-х гг. привела к формированию иной политико-экономической модели государственной политики, основанной на неолиберальном подходе.

Неолиберальные реформы предполагали, что свободные рынки, лишённые государственных ограничений и политического контроля, смогут самостоятельно регулировать себя и добиваться наибольшей эффективности и благосостояния для всех. Неолиберализм постепенно демонтировал социальное государство со сложной фискальной политикой и поддержкой среднего класса, с одновременной пропагандой общества здравого смысла, дерегуляцией рынка, приватизацией государственных предприятий и сокращением государственного сектора, обещая альтернативный и более эффективный путь к глобальной экономической стабильности.

Однако реальный эффект неолиберальной политики оказался не столь успешным, как предполагалось ее идейными вдохновителями и апологетами. Глобализационные процессы, транспортирующие неолиберальные практики и институты в разные уголки мира, хоть и изменили социально-политическую и экономическую структуру многих стран, столкнулись с серьезными проблемами политического и экономического характера:

⁷ Николай Ф.В., Кобылин И.И. «Выиграть время» или темпоральные (за)стенки неолиберального капитализма // Социология власти. 2021. Т. 33. № 1. С. 84-102.

⁸ Сафаров С.И., Бобохужаев Ш.И. Исторический ракурс и основы кризисов современной рыночной экономической системы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 85. С. 117-122.

Политические и экономические проблемы неолиберализма⁹

Политические проблемы	Экономические проблемы
Концентрация богатства усилила экономическую и политическую власть узкого круга лиц, одновременно снижая уровень социальной защиты населения ¹⁰ .	Прогрессирующее увеличение неравенства доходов привело к концентрации выгод от экономического роста в руках крупных корпораций и владельцев капитала, преимущественно в развитых странах Запада ¹¹ .
Произошла секьюритизация современных государств, начавшаяся после событий 11 сентября 2001 года и достигшая своего пика в эпоху COVID-19, постепенно институционализирующая контроль, практически, над всеми сферами жизни человека.	Завершение процесса ресурсной эксплуатации стран периферии и полупериферии затруднило географическое расширение капитализма, несмотря на развитие цифрового неокOLONIALИЗМА в сфере информации и обработки данных ^{12,13} .
Отсутствие реальных успехов глобализации в идеологической, ценностной, паритетной интеграции народов и государств привело к реакционному процессу политической дифференциации и политизации позиций, цивилизационной кластеризации, росту национализма и утрате легитимности международных организаций, что отражается в геополитической турбулентности 2020-х годов.	Согласно данным ООН, мировая экономика вступила в фазу стагнации и замедления роста из-за высоких процентных ставок, сокращения потребительских расходов, ухудшения ситуации на рынках труда, монополизации и других факторов, достигнув ранее прогнозируемых пределов развития ¹⁴ .

Составлено автором.

Перечисленные проблемные факторы указывают на то, что неолиберализм (при минимизации роли государства) приобретает ярко выраженный диспаритетный характер, так как неравенство возникает из-за того, что распределительные функции свободного рынка далеко не всегда обеспечивают равные возможности для всех участников, что неоднократно в

⁹ Составлено на основе: Лейн Д. Национал-капитализм против либерального глобализма? // Россия в глобальной политике. 2026. № 1 (137). С. 30-36.; Фишман Л.Г. Проблема «лишних людей» на сломе эпох: культура утилизации или культура развития? // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. № 2. С. 12-34; Гундорина А.А. Развитие концепции секьюритизации как результата кризиса глобальной безопасности в XXI веке // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2023. № 3 (23). С. 6-14.; Капелюшников Р. Приключения «неолиберализма» // Логос. 2022. № 4. С. 1-50; Лифанов С.С. Кризис либеральной демократии в зеркале западных политических исследований: постановка проблемы // Дискурс-Пи. 2020. № 1 (38). С. 60-77.

¹⁰ Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. С. 29.

¹¹ Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело, 2012. С. 84.

¹² РСМД: «Цифровой неокOLONIALИЗМ vs. цифровое неприсоединение». URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-kolonializm-vs-tsifrovoe-neprisoedinenie/> (дата обращения 09.08.2025).

¹³ Валдай: «Преодолеть цифровой колониализм». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/preodolet-tsifrovoy-kolonializm/> (дата обращения 09.09.2025).

¹⁴ «Темпы роста мировой экономики замедлятся до 2,4 процента – Новости ООН». URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448302> (дата обращения 09.08.2025).

своих работах доказывают Д. Харви¹⁵, Дж. Стиглиц¹⁶, Т. Пикетти¹⁷, Б. Миланович¹⁸.

Действительно, сегодня более богатые и сильные игроки могут получить больше выгод от рыночных процессов, в то время как менее обеспеченные и уязвимые слои населения остаются в положении аутсайдеров. Даже инфляция ощущается по-разному богатыми и бедными, хотя, казалось бы, уровень инфляции один для всех. Эта неолиберальная диспаритетность приводит к серьезным негативным эффектам современной глобальной системы:

1. усилению социально-экономического неравенства и стратификации обществ;
2. эрозии демократических институтов вследствие непропорционального влияния экономических элит на политические процессы за счет лоббизма, корпоративного влияния и коррупции;
3. тенденции к олигополизации и монополизации рынков, требующей усиленного государственного регулирования для обеспечения справедливой конкуренции;
4. маргинализации уязвимых социальных групп и ущемлению их прав;
5. неэффективности рыночных механизмов в предоставлении общественных благ и развитии социальной инфраструктуры;
6. препятствию реализации концепции устойчивого развития из-за технологического и экономического неравенства между глобальными Севером и Югом;
7. обострению геополитической напряженности вследствие попыток установления неолиберальной гегемонии в глобальной политике.

Решение этих проблем сегодня требует пересмотра текущей неолиберальной экономической модели и поиска более справедливых и

¹⁵ Харви Д. Краткая история неолиберализма. М.: Поколение, 2007. 288 с.

¹⁶ Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.

¹⁷ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.

¹⁸ Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 400 с.

устойчивых альтернатив, которые учитывали бы интересы всех слоев общества и способствовали равномерному развитию. Однако попытка нахождения выхода из глобального кризиса закономерно сводит политико-экономические методы к гипотетически обратному усилению государственного вмешательства, что напрямую связано с политическими процессами. Это объясняется тем, что государство является единственным политическим актором, положение которого укрепляется в силу уже не структурного и не циклического кризиса, а «бифуркационного явления» неолиберального или позднего капитализма (например, в понимании Ф. Джеймисона¹⁹ или А.В. Бузгалина²⁰). Вводя понятие «бифуркационного явления», и опираясь на работу М.С. Ельчичанова²¹, мы имеем ввиду явление, характеризующееся нарастанием противоречий внутри системы, усилением социально-экономических диспропорций и возникновением новых форм политической и экономической организации общества, которые потенциально могут заменить или существенно трансформировать существующую модель капитализма. В таких условиях рынок не может справляться с возникающими трудностями автономно и в трансформационные процессы вступает политика.

В ответ на вызовы кризиса неолиберального порядка современные государства прибегают к комплексу мер (как явно, так и имплицитно), включающих фискальную и монетарную политику, социальные программы, регулирование финансового сектора и рынка труда, законодательные ограничения и усиление роли государственных корпораций, антикризисное управление, технологическую и инновационную политику. Другими словами, государство меньше участвует в прямом управлении экономикой и больше влияет на нее через создание правил игры, надзора и конъюнктурной

¹⁹ Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.

²⁰ Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10-38.

²¹ Ельчичанов М.С. Эпоха глобальной бифуркации: эскалация хаоса // Свободная мысль. 2022. № 5. С. 75-90.

регуляции²². Данный инструментарий позволяет осуществлять то, что мы определяем как политическое перераспределение ресурсов (политическую редистрибуцию), существующую параллельно и дополнительно к рыночным механизмам распределения; то, что А.В. Бузгалин называет «активным перераспределением части прибыли и ренты на цели общественного развития»²³. В этом смысле политическое перераспределение является необходимым для обеспечения справедливости и устойчивости в обществе эпохи глобальных социальных трансформаций²⁴. Эта практика отражается в разработке различных социальных и экономических программ национального уровня, в системах социального обеспечения, внесения корректировок в бюджетный процесс и других мероприятиях, направленных на перераспределение ресурсов и обеспечение равных возможностей для большинства членов общества. При этом политическое перераспределение не рассматривается как единичная мера политики – скорее, как устойчивый способ организации политического процесса в кризисной фазе позднего капитализма. Поэтому дальнейший анализ будет сфокусирован на трех взаимосвязанных элементах: на субъектах, которые концентрируют перераспределительные полномочия и инфраструктурные ресурсы; на конфигурации антагонизмов, возникающих вокруг доступа к каналам распределения и контроля; а также на идеологических основаниях и дискурсах, через которые данные практики могут быть легитимированы.

Важно подчеркнуть, что глобальные изменения меняют не только интенсивность перераспределительных практик, но и саму ресурсную базу политической власти, на которую опираются акторы, претендующие на контроль над редистрибуцией. Наряду с финансовыми, административными и рентными ресурсами все более значимыми становятся ресурсы цифрового

²² Хрипунов М.В. Государственное управление как правовая форма осуществления надзора в обществе // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. № 3. С. 75-82.

²³ Бузгалин А.В., Барашкова О.В. После рождение новой [пост]экономики // AlterEconomics. 2023. № 20 (4). С. 731-750.

²⁴ Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Приоритеты социальной политики России в условиях глобальных социальных изменений // Социодинамика. 2024. № 3. С. 76-86.

порядка: данные, вычислительные мощности, платформенная инфраструктура, каналы агрегирования и обработки информации, а также технологические экосистемы, обеспечивающие управляемость социальных процессов. Контроль над подобными ресурсами задает новые формы политического влияния, поскольку позволяет не просто перераспределять блага, но и определять режимы доступа к инфраструктурам, правила участия, поведенческие стимулы и параметры видимости социальных групп в управленческих контурах.

Тенденции нарастающего государственного вмешательства в рынок, усиление общественного контроля, требование социальной справедливости, а также самовозрастание не капитала, а власти обуславливают актуальность переосмысления природы политического процесса и изменений, которые вносит в него трансформация капитализма. Именно поэтому, рассматривая политический процесс как политическое перераспределение, мы подчеркиваем, что в современном мире политическая активность все больше сосредоточена вокруг вопросов дистрибуции благ и выдерживания баланса между различными группами интересов и ресурсов, хоть и умело скрывается за электоральными преобразованиями, социальными программами, либеральными/авторитарными реформами, геополитическими операциями. Политический процесс становится, по сути, динамическим агрегатором политического рынка с опорой на экономическую политику²⁵ и дискурс капиталистического кризиса, умело вписываемый в разного рода предвыборный популизм.

Учитывая проблемы неолиберальной политики, под современным политическим процессом мы понимаем комплекс стратегий, мероприятий, взаимодействий и конфликтов, связанных с перераспределением власти, ресурсов и возможностей в обществе, которые возникают в ответ на структурные сбои в экономической системе, присущие актуальной фазе позднего капитализма.

²⁵ Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига, 2010. 384 с.

При этом в логике настоящего исследования политический процесс выступает макрорамкой, описывающей совокупную динамику перераспределения власти, ресурсов и возможностей. Внутри этой рамки центральным предметом анализа становятся политическая власть и политическое управление как институционально оформленные способы концентрации, конвертации и применения перераспределительных полномочий: а) кто именно получает возможность задавать правила доступа к ключевым ресурсам и инфраструктурам; б) какими механизмами обеспечивается управляемость и контроль; в) какие институты закрепляют эти механизмы и через какие дискурсы они получают легитимацию. Данная логика задает переход от общего определения политического процесса к последующему анализу структурной реконфигурации власти и институциональной адаптации управленческих контуров.

Подобная коннотация политического процесса хорошо коррелирует с основными категориями, операционализирующими политический процесс:

Таблица 2

Корреляция категорий, характеризующих политический процесс с политическим перераспределением

Категория	Соотношение с политическим перераспределением
Власть	Политический процесс во многом завязан на вопросе власти: кто ей обладает, в какой степени и как её использует. Власть, в свою очередь, тесно связана с ресурсами – природными, административными, финансовыми, человеческими, информационными. Политическое перераспределение уделяет особое внимание тому, как эти ресурсы распределяются между разными группами через бюджеты, социальные программы, законодательные инициативы, а также через клиентелистские, симбиотические практики или иные неформальные отношения.
Групповые интересы	Политический процесс подразумевает борьбу и компромиссы между интересами разных групп. Политическое перераспределение здесь выступает как механизм, через призму которого эти интересы удовлетворяются или игнорируются, в зависимости от силы влияния той или иной группы на политические институты.
Законодательный процесс	Законодательный процесс – это суть перераспределение прав и обязанностей между гражданами и государством, а также между разными группами политического сообщества. Принятие новых законов, изменение или отмена существующих – все это меняет «правила игры», распределяя права, ресурсы и обязанности способами, которые могут существенно отличаться от рыночных механизмов свободного рынка.
Идеологическая основа государственной политики	Политическое перераспределение также тесно связано с идеологическими основами политической системы. Например, в контексте либерализма, социализма, консерватизма и других политических идеологий вопросы распределения ресурсов и власти рассматриваются по-разному, что обуславливает различные подходы к организации общественной справедливости или межгруппового соперничества.

Составлено автором.

Если попытаться сформулировать понятие политического перераспределения, то его можно представить процессом изменения логики редистрибуции ресурсов, власти и возможностей в обществе с помощью политических механизмов и инструментов через формальное законодательство, процессы легитимации, административные решения, либо через менее формальные каналы влияния, давления, взаимодействия. Основная идея заключается в том, что политический процесс формирует условия, в которых различные группы и участники стремятся изменить распределение ресурсов и власти в свою пользу, когда рыночный процесс этого сделать не может. Примерно это имел в виду Р. Масгрейв²⁶, когда писал о том, что ключевой функцией государства является перераспределение, которое невозможно в условиях здоровых рыночных отношений. Масгрейв считал, что, когда рынок не справляется, именно политический процесс должен стать на место рыночного механизма и перераспределить спрос, издержки или общественные блага во избежание масштабного кризиса.

Основная цель политического перераспределения формально состоит в установлении более справедливого, равноправного и эффективного порядка в обществе, однако неформальной целью является борьба за власть и ресурсы с применением политико-административных, репрессивных и насильственных методов. Следовательно, мы, гипотетически, можем предполагать, что поздний капитализм в значительной степени зависит от функционирования политических институтов (основными из которых являются системы управления и власть) и механизмов перераспределения, которые непосредственно влияют на доступ к ресурсам и их использованию.

Подобная коннотация политического процесса в современной теоретической политологии находит свое отражение в нескольких ключевых работах, в той или иной степени интерпретирующих политический процесс через призму перераспределения.

²⁶ Масгрейв Р., Масгрейв П. Государственные финансы: теория и практика. М.: Бизнес Атлас, 2009. С. 23.

В первую очередь, так его видят классики марксизма. Для К. Маркса политика есть инструментальное выражение производственных отношений, главной функцией которого является обеспечение доминирования одних над другими. Это доминирование достигается путем классовой борьбы, в конце концов, требующей перераспределения ресурсов для «приспособления» к условиям нового строя²⁷. О необходимости перераспределения Маркс явно указывает в «Манифесте коммунистической партии»²⁸, где обосновывает актуальность революции и радикального изменения системы собственности, а также стратегии коммунистов относительно других политических сил и необходимости перераспределения власти и богатства. При этом перераспределение наблюдается в каждой общественно-экономической формации и реализуется посредством политического процесса. В свою очередь, Ф. Энгельс вообще выделяет ведущую роль государства в перераспределении ресурсов в пользу правящих классов, говоря, что государство – это сила, произошедшая из общества, но все более отчуждающая себя от него для защиты имущих классов от неимущих²⁹. Этот взгляд на политику и государство как на инструменты классового господства и перераспределения ресурсов неоднократно переосмысливался и дополнялся последующими теоретиками, как классического марксизма, так и неомарксизма (Э. Хобсбаум³⁰, И. Валлерстайн³¹, Дж. Арриги³²).

Американский философ Дж. Роллз³³ строил свою теорию политического процесса несколько через иную оптику. Его интересовала либерально-эгалитаристская и этическая сторона функционирования институтов власти, процедур и норм, посредством которых общество управляет собой,

²⁷ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 41-42.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии. М.: АСТ, 2024. 160 с.

²⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2023. 288 с.

³⁰ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М.: Издательство Независимая газета, 2004. 632 с.

³¹ Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.

³² Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.

³³ Роллз Дж. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.

распределяет ресурсы и права, а также принимает коллективные решения на основе справедливости (в идеале), хотя на практике Роллз отмечал, что политический процесс – это «процесс несовершенной процедурной справедливости»³⁴. Для Роллза понятие справедливости в политическом процессе ключевое: именно два принципа справедливости – принцип свободы и принцип различий формируют сущность политики, а перераспределение должно происходить по правилу «максимина»³⁵, когда социальные и экономические неравенства должны быть организованы так, чтобы они приносили наибольшую пользу наименее привилегированным членам общества, а позиции и должности открывались бы для всех при условии справедливого равенства возможностей. В этом состоит задача политических процессов.

Совершенствует видение справедливости и перераспределения индийский экономист А. Сен. В своих работах³⁶ Сен, критикуя идеализм Роллза в подходе к определению справедливости, предлагает оценивать не только ресурсы и возможности, но и реальные способности людей их использовать и реализовывать. Для ученого важно создание условий, при которых каждый человек имеет возможность реализовать свой потенциал. Перераспределение должно быть направлено не только на экономические ресурсы, но и на доступ к образованию, здравоохранению, политическому участию и другим важным аспектам, которые влияют на реальные возможности граждан. Главная цель этого процесса – повышение «способностей» людей, что означает предоставление им реальных средств и возможностей для достижения полноценной и достойной жизни. Следовательно, политический процесс по Сену должен создавать условия для снижения неравенства, способствующего росту человеческого благосостояния и справедливости.

³⁴ Там же, с. 178.

³⁵ Там же, с. 140.

³⁶ Сен А. Идея справедливости. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 520 с.; Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

Важное место перераспределения в политическом процессе мы находим и у Д. Истона³⁷. Политолог рассматривал политическое перераспределение ресурсов и ценностей как одну из ключевых функций политической системы. В его теории перераспределение является завуалированным, но важным аспектом политического процесса, через который общественные потребности и запросы преобразуются в политические решения и действия. В рамках теории Истона, политическая система действует как динамическая сеть процессов, в которой ресурсы и ценности перераспределяются в ответ на разнообразные запросы и поддержку от общества. Эту взаимосвязь он описывал через концепцию «входов» и «выходов».

Д. Трумэн³⁸ рассматривал сущность политического процесса через призму групповой борьбы за перераспределение. Он утверждал, что политический процесс является ареной, где различные группы интересов состязаются за возможность получения доступа к распределению ресурсов и влияния. По мнению Трумена, эти группы пытаются использовать политические институты, в том числе власть, для достижения своих явно или имплицитно декларируемых целей и получения соответствующих выгод. Таким образом, политический процесс можно считать динамичным взаимодействием множества заинтересованных сторон, стремящихся перераспределить власть и ресурсы в свою пользу, а само их взаимодействие – обусловленным целью перераспределения.

Отметим и П. Бурдые³⁹, анализирующего политический процесс как сложную структуру взаимодействий, где перераспределение капитала (экономического, культурного, социального и символического) играет центральную роль. В политическом контексте перераспределение этих видов капитала происходит через политические решения, образовательные реформы, медиа и другие механизмы влияния. Политические процессы и

³⁷ Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 630-642.

³⁸ Truman D. The Governmental Process. NY: Alfred A. Knopf, 1960. 544 p.

³⁹ Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137-150; Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.

решения для Бурдые не являются нейтральными: они всегда способствуют изменению баланса сил и ресурсов в обществе. Например, введение или отмена социальных программ напрямую влияет на экономическое положение различных групп, демонстрируя на практике политическое перераспределение экономического капитала.

Следовательно, мы видим, насколько близки понятия «политического» (власти) и «экономического» (собственности) в процессе политической борьбы. Но, если одни авторы видят перераспределение в ключе, например, либерального эгалитаризма, где обеспечение свободы, равенства и возможностей – главная задача политического процесса, то другие отстаивают нормативные позиции констатации конечной цели господства одних над другими. Как утверждает В.С. Мартьянов, «любое политическое устройство базируется на некоей модели иерархизации и территориализации имеющихся в обществе ресурсов, позволяющей их контролировать и воспроизводить»⁴⁰. Подразумевается, что свободный капиталистический рынок, существующий как бы в отрыве от государства, на самом деле локализован внутри тех или иных политических порядков и никогда не является полностью автономным. При необходимости, рыночные субъекты прибегают к применению легального принуждения для взыскания долгов с граждан, реструктуризации задолженностей транснациональных субъектов, санации корпоративных банкротов, элиминации конкурентов и политической протекции интересов крупного капитала в международной среде. В этих условиях как бы удаленные от рынка государственные институты власти и политические механизмы реинтегрируются в рыночную систему и становятся ее надстроечными элементами.

Поэтому сегодня было бы верно рассматривать свободные рынки в качестве идеологических нарративов и аксиом экономических теорий, находящихся свое отражение в реальной политике в виде дискурсивных

⁴⁰ Мартьянов В.С. Глобальный упадок капитализма: политические последствия // Полития. 2018. № 4 (91). С. 140 – 161.

элементов политической легитимации в формате всевозможных доктрин (неолиберализма, либертарианства), но со временем терпящих поражение от глобального протекционизма, таможенно-тарифных пошлин⁴¹ или геополитики, и имеющих мало общего с декларируемыми рыночными идеалами.

Другими словами, поздний капитализм – это не только экономический, но и политический конструкт, подразумевающий достижение экономического господства через сдерживание и секуляризацию рыночной системы посредством силы и политической власти, создания неэкономических барьеров для входа на рынок. Капитализм в чистом виде без властных регуляторов – есть либертарианская или минархистская утопия, которая вряд ли когда-нибудь станет достижимой. Реальный поздний капитализм приводит не к анархичному рынку, а к институтам и структурам политического управления ресурсными потоками, как частных, так и общественных благ.

Предполагаем, что терпящий кризис и разрушение прежних социально-политических устоев капитализм диктует необходимость неэкономического (политического) вмешательства в природу своего функционирования. Перераспределение, в данном случае, увеличивает степень влияния политических факторов на капиталистические рынки, тем самым политизируя неолиберализм имплицитно (вопреки неолиберальной апологетике нужды в автономной от государства экономике) и повышая возможности политических акторов. При этом не стоит забывать, что капитализм – это особый политический порядок, который сегодня, в силу факторов кризисной перманентности и географического ограничения экспансии капитала, постепенно довлеет над социально-экономическим базисом, а по мнению некоторых ученых, например, А.А. Коряковцева⁴², и вовсе порождает новый фактор детерминации человеческой истории – политизм, возникающий тогда, когда политико-правовые отношения начинают доминировать над

⁴¹ Там же.

⁴² Коряковцев А.А. Современное капиталистическое общество: исторические пределы ближайших социальных перемен и их общественный субъект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 5. С. 93-103.

экономическими по причине достижения последними своего исторического предела. Отход от экономических приоритетов заметен сегодня и в том, как принимаемые политические шаги оказывают разрушительное влияние на мировой рынок, не делая больше экономическую эффективность основным принципом неолиберальной внешней политики (например, через энергетические ограничения и торгово-тарифные меры крупнейших экономик).

Политический процесс в данном случае характеризуется институциональной мутацией⁴³, потому что демонтирует автономию государственности от неолиберального капитализма и возвращает политическому классу возможность установления и институционализации новых регуляторных и социальных порядков через политическое перераспределение и новые технологии. Возврат правящим элитам контрольных и дистрибутивных функций влечет за собой гипотетическое ограничение демократии как таковой, возникновение замкнутых политических классов, заинтересованных в создании влиятельных синдикатов с олигархическими группировками, а также изменение роли и функций самого государства как важнейшего политического института.

Однако ключевая проблема современных политических процессов заключается в том, что политически обусловленное перераспределение не является доктринальным; оно также не выглядит справедливым и не ведет к глобальному обществу с феноменом, который Д. Норт⁴⁴, Дж. Уоллис и Б. Вейнгаст называют институциональным порядком «открытого доступа»⁴⁵. Это связано с тем, что такие социально-политические конструкты «доступа» требуют высокого уровня доверия, эффективных демократических институтов

⁴³ Понеделков А.В., Айрапетян Д.А., Рябова М.С. Трансформация политических процессов в условиях глобальной реконфигурации капитализма 2020-х гг.: институциональные особенности / Сборник трудов четвертой международной научно-практической конференции «Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее». 2024. С. 16-29.

⁴⁴ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. С. 148.

⁴⁵ Норт Д., Уоллис Дж., Вейнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.

и правопорядка, сменяемости элит, а также четкого определения того, что есть социальная справедливость. Но реалии таковы, что усиление государства в условиях неолиберального кризиса может формировать обратные общества «ограниченного» или «закрытого доступа». В таких обществах ресурсы и власть концентрируются в руках небольшой группы лиц, принимающей политические решения и имеющей доступ к источнику ренты, что, конечно же, препятствует внедрению институтов и практик справедливости, инклюзивности и публичности в процессе перераспределения. Это происходит потому, что существующие политические системы большинства развитых и развивающихся стран преследуют, в первую очередь, элитарные интересы («железный закон олигархии») в погоне за рентной выгодой, выстраивают бюрократические и административные барьеры, используют авторитарные и полицейские механизмы управления, недостаточно инвестируют в социальную сферу и развитие человеческого капитала.

Даже в постиндустриальных странах политический процесс представляется борьбой различных социальных и элитных групп, распространением патрон-клиентских отношений⁴⁶, конкуренцией всевозможных коалиций за политико-административные механизмы редистрибуции. К сожалению, концентрация перераспределительных возможностей в руках политических и технократических элит может сыграть негативную роль и привести к постепенному сворачиванию некоторых политических прав граждан, отходу от демократического управления и эгалитарных практик к элитизму, позиционным формам отношений с недемократическими режимами и излишнему дирижизму – тому, что, политолог К. Крауч небезосновательно называет постдемократией⁴⁷. Это, по словам В. Танци⁴⁸, расценивается политологами и экономистами как опасность, указывающая на то, что современные политические процессы

⁴⁶ Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: Издательство АСТ, 2017. С. 106-112.

⁴⁷ Крауч К. Постдемократия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 192 с.

⁴⁸ Танци В. Правительства и рынки: Меняющаяся экономическая роль государства. М.: Издательства Института Гайдара, 2018. С. 28 – 29.

вместо удовлетворения общественных интересов активизируют погоню за всевозможными видами рент, искажая привычные системы вознаграждения индивидов.

Учитывая это, мы полагаем, что кризис капиталистической системы, вызванный ее противоречиями, создает сегодня сложную политико-экономическую среду, где проведение справедливых перераспределительных инициатив становится крайне затруднительным, вследствие чего дальнейшие перспективы стабильности мировой политики и экономики выглядят крайне непривлекательными. По нашему мнению, поздний капитализм и цифровизирующаяся экономика, соответствующая ему, генерируют некоторые лимитирующие факторы политического процесса, не позволяющие ему эффективно эволюционировать в более справедливые форматы, обеспечивать устойчивость и инклюзивность (равное участие всех слоев населения). Среди таких факторов мы выделяем следующие:

– практики «управляемого отставания» или политической децелерации, под которыми понимается умышленное сдерживание неолиберальными правительствами развития производительных сил и замедление темпов социально-экономического прогресса с целью предотвращения резких общественных трансформаций и сохранения текущих властных порядков, что ведет к страху перед реформами и делает политические изменения невозможными. Так, по мнению политолога Р. Рейха⁴⁹, доминирующие экономические и политические группы, которые выигрывают от текущего экономического статуса-кво, могут сопротивляться изменениям в технологических основаниях способа производства, которые могли бы привести к справедливому перераспределению власти, богатства и ресурсов;

– негативное отношение к изменениям со стороны элит, неспособность принимать новые идеи и преобразовываться в соответствии с ними, что затрудняет динамику политического процесса;

⁴⁹ Reich R.B. The system: who rigged it, how we fix it. New York: Alfred A. Knopf, 2020. 201 p.

- нарастающую поляризацию интересов ключевых агентов в условиях цифровой и платформенной экономики;
- перепроизводство политических элит⁵⁰, замедление процессов их циркуляции;
- бюрократические процедуры, законодательные процессы и сложные алгоритмы принятия решений, замедляющие политический процесс и ограничивающие его способность адаптации к быстро меняющимся обстоятельствам;
- достаточно низкий по историческим меркам уровень экономического роста;
- технологический контроль со стороны корпораций над данными и цифровой инфраструктурой, контролирующим внедрение новых технологий таким образом, чтобы они не подрывали существующие отношения труда и капитала (например, автоматизация и цифровизация производственных процессов могут быть направлены на усиление контроля над трудом и снижение стоимости рабочей силы, а не на улучшение условий труда);
- конкурентную борьбу крупных акторов за цифровые и технологические активы;
- асимметрия и нестабильность информации, яркий ненормативный характер политических процессов, обладающих разнообразными типами борьбы за ресурсы.

Особенности политических процессов и их лимитирующие факторы, порожденные кризисом капиталистической системы, закономерно вызывают запрос на поиск альтернативных моделей организации социально-экономических отношений и рефлексию, формирующую политико-философские дискурсы о том, как исправить капитализм, выйти за его пределы или вообще попытаться увидеть горизонты посткапиталистического общества,

⁵⁰ Турчин П.В. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М.: АСТ (Мировой порядок), 2024. 432 с.

главными основаниями которого могли бы стать цифровой способ производства, тотальная автоматизация и более справедливая социальная структура.

Поскольку данный запрос проявляется одновременно в академических теориях и в практиках политического управления, он требует, с одной стороны, сопоставления ключевых посткапиталистических тенденций, а с другой – прояснение того, через какие механизмы и в каких институциональных формах происходят политические изменения.

Можно предположить, что среди возможных путей преодоления выявленных ограничений наиболее эффективным являлся бы тот, который гармонично мог учитывать интенсификацию технологического развития в рамках демократического контроля, создание новых институтов политического участия и качественную модернизацию традиционных, радикальное реформирование систем распределения ресурсов и усиление общественного контроля над политическими процессами.

По сути, подобное концептуальное видение выхода за пределы той кризисной точки, в которой находится человечество сегодня, закреплено, например, за идеей политико-технологической акселерации или политики акселерации⁵¹, которая может рассматриваться в качестве одного из драйверов развития политических процессов. Однако дискуссионный характер концепта акселерации не является универсальным (хотя в дискурсе посткапиталистических трансформаций тема системного ускорения процессов является одной из фундаментальных). Параллельно с акселерационистским подходом развиваются альтернативные видения трансформации политических процессов, включая институциональные реформы, демократизацию технологического развития, создание новых механизмов общественного участия в принятии решений и т.д. Все трансформационные альтернативы объединяет понимание того, что преодоление кризиса позднего капитализма

⁵¹ Черкасова Т.П., Айрапетян Д.А. Политика акселерации как трансформационный драйвер политических процессов в позднем капитализме // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 211-220.

требует комплексного переосмысления взаимоотношений между государством, обществом и технологическими системами, а не только ускорения существующих процессов. В конечном итоге, независимо от выбранной стратегии трансформации, ключевым остается вопрос о том, как сегодня меняется политический процесс структурно и каким образом под эти изменения необходимо адаптировать институты (в том числе политическую власть) в целях обеспечения более справедливого распределения ресурсов и возможностей в обществе.

Мы должны понимать, что все последующие трансформации капиталистической системы с претензией на преодоление ею темпоральной точки бифуркации или полноценное формирование новой социально-экономической системы будут иметь весомое политическое значение. Решения, принимаемые в ходе комплексных трансформаций, станут определять, прежде всего, новые закономерности экономического поведения, социальную структуру, форматы распределения власти и условия жизни граждан. Поэтому понимание трансформационных изменений в политическом процессе имеет большое значение для концептуализации возможных перспектив развития общества, как поступательных, так и более радикальных.

1.2. Концептуальные модели посткапиталистического перехода: конкурирующие сценарии политических изменений

В социально-гуманитарных науках все чаще появляются работы, так или иначе, апеллирующие к всевозможным формам нового капитализма⁵² или посткапитализма⁵³, с сопутствующими предложениями по решению тех или

⁵² См., например: Брегман Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018. 356 с.; Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.; Шваб К. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. М.: Эксмо, 2022. 352 с., Крэри Дж. Поздний капитализм и цели сна. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 136 с.

⁵³ См., например: Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Паблишер, 2015. 261 с.; Frayne D. The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work. London: Zed Books, 2015. 270 p.; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: ЛЕНЛАНД, 2015. 904 с.; Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. 218 с.; Мангер М. Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.; Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2022. 496 с.

иных противоречий, содержательно отсылающие к работам Д. Белла⁵⁴, или же, наоборот, пророчащих новые антагонистические отношения между формирующимися классами сетевого общества, цифровую постдемократию, религию данных или вовсе техно-капиталистическую сингулярность.

Концепция посткапитализма, отличная от классических марксистских представлений, зародилась в конце второй половины XX столетия и представляла собой попытку осмыслить и спрогнозировать социально-политические и экономические трансформации, происходящие в результате глобальных преобразований мировой капиталистической системы в зависимости от новых технологических переменных, которые по объективным причинам классики марксизма не могли предугадать.

Философ М. Фишер в последних лекциях о «посткапиталистическом желании»⁵⁵ отмечал, что для современного человека термин посткапитализм имеет ряд преимуществ, так как нейтрален и лишен политической окраски: он не позволяет ассоциировать будущее за пределами настоящего с формами политических систем, дискредитировавших себя в прошлом. Фишер пишет: «Это не просто противопоставление капитализму, это то, что случится, когда капитализм закончится. И начало этого процесса – здесь и сейчас...»⁵⁶. Философ акцентирует внимание на том факте, что на смену отживающей себя системе приходит новая, контуры которой еще предстоит увидеть в будущем. При этом Фишер добавляет: «Концепции посткапитализма происходят из капитализма: *от* капитализма, стремясь *за пределы* капитализма», что не позволяет воображать «чистую инаковость» или некое «абсолютное» снаружи капитализма⁵⁷, так как основания для будущего рождаются в настоящем. Это значит, что посткапитализм не обязан быть исключительно прогрессивной системой, он может сохранить в себе негативные стороны капитализма и даже усилить их, модифицируя под соответствующий способ производства.

⁵⁴ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. 944 с.

⁵⁵ Фишер М. Посткапиталистическое желание. Последние лекции. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 216 с.

⁵⁶ Там же, с. 59

⁵⁷ Там же, с. 59.

Несмотря на то, что первые попытки концептуализации посткапитализма принадлежат немецкому социологу Р. Дарендорфу⁵⁸ (прежде всего, через призму теории социального конфликта), общепризнанным родоначальником понятия «посткапитализм» является американский экономист П. Друкер, обосновавший концепцию посткапиталистического общества в 1993 г.⁵⁹ Ученый был убежден, что социум, в котором мы живем, определенно стоит характеризовать как посткапиталистический по причине того, что роль знания в качестве ведущего фактора производства многократно возросла по сравнению с предыдущими эпохами. Но, что крайне важно, исследование Друкера показало качественное изменение не только экономических оснований нового общества, но и политических институтов, например, трансформацию роли государства и власти.

В посткапиталистическом обществе, по мнению экономиста, государство уже не может эффективно управлять экономикой директивными методами, как это было характерно для кризисных этапов эпохи индустриального капитализма. Централизованное планирование и контроль становятся неэффективными в условиях, где основным ресурсом является динамичное и децентрализованное знание. Вместо этого государство должно взять на себя роль катализатора и «фасилитатора»⁶⁰. Именно в его руках лежат возможности по созданию благоприятных условий для генерации, распространения и применения знаний. По сути, Друкер одним из первых концептуально закрепляет за политическим институтом новую для последнего роль в изменившейся социально-экономической структуре: роль партнера и координатора для других акторов, который регулирует процесс адаптации к новым вызовам исторического формата.

⁵⁸ См., например: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 288 с.; Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 536 с.; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С.142-147.

⁵⁹ Drucker P. Post-Capitalist Society. Butterworth&Heinemann, 1993. 198 p

⁶⁰ Там же, p. 112.

Однако, видение П. Друкера, при всей его проницательности, сформировалось до массового распространения Интернета, цифровых платформ и наглядной демонстрации издержек неолиберального управления. Сегодня мы видим, как цифровые технологии наряду с созидательными функциями, создают новые формы монополии, усиливают социальное неравенство, бросают вызов традиционным механизмам государственного регулирования, а неолиберализм дезорганизует мировое политическое пространство, дискредитируя идею глобализации, не предоставляя четких перспектив для будущего. Несмотря на идеи Друкера о снижении роли государства в посткапиталистической экономике, превращение его в менеджера-исполнителя, в настоящее время наблюдается обратная тенденция: роль государства в экономике не уменьшается, а скорее трансформируется и в ряде случаев даже усиливается⁶¹.

Развитие идеи посткапиталистического перехода в современной политологии привело к формированию ряда теоретических концептов, каждый из которых предлагает свое видение политических преобразований в новой системе. Однако, концептуальные модели посткапитализма, разработанные такими теоретиками, как Д. Харви, П. Мейсон, Н. Срничек и А. Уильямс, М. Юнус, Д.А. Давыдов, В.С. Мартьянов, Л.Г. Фишман, С.Ю. Хлыстуновым, Я. Вандерборхт и Ф. ван Парайс, Я. Зодерквист и А. Бард, при всем своем разнообразии сходятся в ключевой идее необходимости преодоления неолиберальной парадигмы и поиска альтернативных путей социально-экономического развития.

Предпримем попытку более подробного рассмотрения названных концептов в целях выделения общих черт в трактовке политических преобразований в условиях посткапитализма.

Так, британский марксист Д. Харви впервые формулирует идею о том, что преодоление капиталистического кризиса возможно только в случае

⁶¹ Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Трансформация роли государства в международных экономических отношениях на современном этапе // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 5. С. 112-123.

инициации политического процесса, чьей целью стал был поиск альтернативного пути социально-экономического развития⁶². Его главными акторами ученый считает социально-политические движения левого толка, которые сегодня находятся в состоянии раздробленности по ряду ключевых вопросов капиталистического кризиса. Главная задача нового политического процесса – это определение естественной связи между левыми движениями, превращение их многообразия в мощную политическую силу и формирование особого комплекса прав (например, прав на контроль над производствами, на коллективный контроль над общественной собственностью и т.д.), способных декларативно создать альтернативные системы развития.

Недемократическая сущность неолиберализма должна стать центральным фактором политической борьбы на всех уровнях, и, прежде всего, на уровне городских пространств. Харви подчеркивает важность городов как арен политической борьбы и выступает за особый вид права – «права на город»⁶³, используя которое граждане могли бы формировать городскую среду в рамках низовых политических процессов, связав урбанизацию и демократический контроль над производством излишков и размещением избыточного капитала.

Для Д. Харви политический процесс не должен быть замкнут пределами избирательной политики. Глобальная солидарность и интернационализм левых являются существенными аспектами в контексте противостояния главным институтам неолиберального капитализма – транснациональным корпорациям и глобальным финансовым организациям, имплицитно монополизирующих рынки⁶⁴. Институциональным обрамлением посткапиталистической трансформации политической сферы в этом смысле является особая модель экономической демократии, в которой существует система партисипативного бюджетирования, а работники и сообщества могут контролировать производство и распределение самостоятельно, без агентов

⁶² Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Прогресс, 2007. 288 с.

⁶³ Харви Д. Право на город. Екатеринбург, 2019. 36 с.

⁶⁴ Harvey D. The Enigma of Capital: And the Crises of Capitalism. Profile Books, 2010. 256 p.

рынка и государства. В качестве идеологического базиса борьбы против неолиберального капитализма в рамках такой модели экономической демократии должны выступать ориентация на устойчивое развитие, рабочий и общественный солидаризм и экологическая ответственность. Нечто похожее высказывает и К. Крауч⁶⁵, когда предлагает новый социал-демократический идеал в союзе с экологическими движениями в процессе формулирования новых народных интересов.

Иной ракурс политических трансформаций в посткапитализме раскрывает британский экономист П. Мейсон⁶⁶. Мейсон один из первых предлагает радикальные изменения в политике через использование потенциалов информационных технологий, чьи созидательные возможности автор связывает с перспективами формирования новой системы, лишенной тотальной власти капитала. По мнению П. Мейсона, гибкая и сложная целостная система капитализма достигла пределов своих адаптивных возможностей, новые границы которым задали информационные технологии, способные предоставить человечеству все ресурсы для построения цифрового социализма.

Экономист ставит центральной политической проблемой перехода к посткапитализму противостояние отмирающих капиталистических иерархий и зарождающихся посткапиталистических сетей. Он предлагает развивать сетевые формы управления в качестве драйверов перехода к посткапиталистической организации, в которых решения принимаются на основе коллективного участия граждан, а не только традиционными политическими элитами через представительную демократию. Здесь автор выделяет потенциалы новых сетевых форматов медиа и коммуникации, создающих более информативное и активное гражданское общество. Мейсон утверждает, что «сети представляют собой великолепный инструмент, который дает нам возможность не только не соглашаться, но и отказываться

⁶⁵ Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2016. 214 с.

⁶⁶ Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.

от проекта и братья за альтернативные варианты»⁶⁷. Сетевой подход к организации политического процесса способен обеспечить более справедливый плюрализм мнений. Ведь в сетевых отношениях процесс переговоров и поиска консенсуса протекает гораздо проще и быстрее, нежели чем в привычных властных вертикалях, поэтому, как отмечает Мейсон, необходимы новые формы демократии⁶⁸.

Теория посткапитализма П. Мейсона уделяет большое внимание и институту государства. Оно приобретает явный неосоциалистический образ и функционал, однако с той оговоркой, что «отмирание» государства не происходит. Автор видит будущее этого института в форме «Вики-государства»: «При посткапитализме государство должно действовать, скорее, как команда Википедии, т.е. поддерживать новые экономические формы до того момента, пока они не начнут действовать самостоятельно. Как и в старом представлении о коммунизме, государство должно «отмереть», но в этом случае во главе угла должно стоять экономическое отмирание, а не отмирание его правоохранительных и оборонительных функций»⁶⁹. Революция в области государственного вмешательства подразумевает целенаправленное, с точки зрения политики, формирование нерыночных секторов экономики, например, основанное на конструктивном взаимодействии и распространении открытого программного обеспечения (далее ПО). Параллельно этому, экономист выступает за комплексное ограничение политического влияния крупных корпораций.

Таким образом, П. Мейсон видит перспективы выхода за пределы капитализма при помощи информационных технологий с их социалистическими эффектами в сфере алгоритмического контроля экономики⁷⁰, распространения знания и возможностей обеспечения прямой

⁶⁷ Там же, с. 366.

⁶⁸ Там же, с. 340.

⁶⁹ Там же, с. 347.

⁷⁰ «Что сказал бы Маркс об интернет-экономике? Отвечает автор книги «Посткапитализм». URL: <https://daily.afisha.ru/culture/3812-cto-skazal-by-marks-ob-internet-ekonomike-otvechaet-avtor-knigi-postkapitalizm/> (дата обращения 16.08.2025).

демократии. Структурные и институциональные трансформации в политическом процессе, предлагаемые автором, направлены на создание более открытой, демократичной и гибкой системы управления, способной адекватно отвечать на вызовы посткапиталистического общества.

Несколько радикальным видением политических изменений в посткапитализме, но при этом не менее основательным, являются взгляды политологов Н. Срничека и А. Уильямса в рамках акселерационистской парадигмы. Концепция политической трансформации, предложенная авторами⁷¹ представляет собой реакционное переосмысление политических процессов в современном левом формате. В основе их подхода лежит идея создания абсолютно новой социальной гегемонии, подразумевающей не просто институциональные изменения, но и глубинную перестройку общественного сознания и ценностных ориентиров.

Срничек и Уильямс развивают, по сути, неограмшианский подход, утверждая необходимость долгосрочной стратегии по формированию нового «здорового смысла»⁷² – политического проекта, работающего в качестве «аффективного модулятора»⁷³, способного заменить собой неолиберальный взгляд на мироустройство через трансформацию культурной и образовательной политики, а также медийной сферы. При этом авторы отмечают, что контргегемонистские проекты не только идеальны, но и вполне материальны: «Физические инфраструктурные конструкции нашего мира оказывают серьезное гегемонное влияние на общества, навязывая образ жизни без прямого насилия»⁷⁴. Срничек и Уильямс постулируют о том, что техническая инфраструктура часто разрабатывается как в экономических, так и в политических целях, выстраивая образы желаемой социальной системы. Поэтому масштабная автоматизация может стать прообразом посткапиталистической жизни без рутинного и обязательного труда.

⁷¹ Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.

⁷² Там же, с. 189.

⁷³ Там же, с. 204.

⁷⁴ Там же, с. 197.

Ключевым элементом их политической концепции является идея «посттрудового общества»⁷⁵, в котором труд перестанет быть центральным элементом социальной организации. Авторы предлагают использовать потенциалы современных технологий для освобождения людей от необходимости работать ради выживания, что позволит политически перераспределить время в пользу творчества, образования и личностного развития. Это повлечет за собой фундаментальное переосмысление экономических и политических структур.

Такой подход, безусловно, требует существенной трансформации роли государства, которое, по мнению авторов, должно взять на себя более активную роль в экономическом планировании и распределении ресурсов, одновременно становясь более демократичным и подотчетным обществу и оставаясь доступной площадкой для политического состязания идей. Также на государство ложится функция ориентации технологического прогресса на освобождение человека от труда. По мнению авторов, необходима комплексная переориентация технологий как окружающих человека объектов. Так, Срничек и Уильямс пишут: «Эти объекты тоже являются носителями политики: они облегчают одни действия, одновременно ограничивая другие. Например, современная инфраструктура склонна направлять наше общество в сторону индивидуалистических, углеродозависимых, соревновательных форм, невзирая на то, чего хотелось бы отдельным людям или коллективам. Значение таких политизированных инфраструктур только растет по мере того, как технологии проникают повсюду, от мельчайших наночастиц до других галактик»⁷⁶, поэтому государство обязано определять не только скорость развития технологий, но и направление этого развития в сферу посткапиталистического производства. Ориентация технологического прогресса возможна при условии демократического контроля над корпорациями и их продуктами со стороны государственных институтов.

⁷⁵ Там же, с. 155.

⁷⁶ Там же, с. 210.

Однако для того, чтобы держать и корпорации, и правительства в рамках прозрачности важным является шаг к построению институтов гражданского контроля над государственным финансированием инновационной деятельности.

Отдельным преобразованием политических процессов у Н. Срничека стоит платформизация или политика платформ. В более поздней работе «Капитализм платформ»⁷⁷ политолог изучает логику использования цифровых платформ крупными корпорациями и предлагает применить подобный механизм для формирования новых демократических институтов – общественных платформ, которые сохраняли бы независимость от государственного надзорного аппарата и способствовали бы созданию коммунальных конструкций. Общественные платформы, по мнению Срничека, должны стать новым общественным благом: «В более радикальном ключе мы можем выступать за создание посткапиталистических платформ, которые используют данные, собираемые другими платформами, для того чтобы перераспределять ресурсы, поддерживать демократическое участие и способствовать дальнейшему технологическому развитию. Возможно, в нынешних условиях нам стоит коллективизировать эти платформы»⁷⁸.

В целом, политический проект Срничека и Уильямса является новой привлекательной концепцией в рамках акселерационизма и «либромарксизма», которая давно отсутствовала в дискурсе левых авангардистских идей. Однако этот проект является несколько спекулятивным, как и все акселерационистские проекты в принципе. Данная концепция опирается на будущие технологические достижения, особенно, в области автоматизации, что делает ее практическое исполнение зависимым от темпов технологического прогресса.

Не только западные концепции политических преобразований в посткапитализме заслуживают внимания. Крайне интересными выглядят

⁷⁷ Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

⁷⁸ Там же, С. 113.

взгляды нобелевского лауреата из Бангладеша М. Юнуса о «мире трех нулей»⁷⁹ – нулевой бедности, нулевой безработице, нулевыми чистыми выбросами углерода. Капитализм рассматривается автором как основа мирового кризиса в принципе, и чтобы преодолеть кризисное состояние, необходима радикальная перестройка глобальной социально-экономической системы. Одной из важнейших составляющей этой новой системы М. Юнус считает политическую и социальную структуру, «которая сведет к минимуму коррупцию, несправедливость и тиранию и будет соблюдать права каждого человека»⁸⁰. Ученый фиксирует существование тесной взаимосвязи между эффективным управлением, соблюдением прав человека, справедливым распределением богатства и экономическим ростом. Сложность в том, чтобы реализовать это понимание на практике, создав такую систему, которая в обязательном порядке будет соблюдать принципы свободы, справедливости и достоинства, тем самым развивая творческий потенциал каждого человека. Для того, чтобы такая система сформировалась в политическом плане (а именно через эффективное управление и соблюдение прав человека) Юнус предлагает ряд следующих мер. Во-первых, необходимо сформировать эффективный и реальный институт справедливых и честных выборов. Во-вторых, важной является действенная борьба с политической коррупцией и «капитализмом для своих». Наконец, в-третьих – это укрепление институтов, занимающихся развитием гражданских свобод, с сопутствующей разработкой правил защиты окружающей среды, включения бедняков в процессы планирования и реализации проектов развития. Иными словами, М. Юнус рисует тот образ глобальной системы, которому должен был бы соответствовать капитализм при условии успешного процесса глобализации, но сегодня, кажется, что такой образ, по крайней мере временно, упущен.

Однако не все имеющиеся теории посткапитализма наделяют исключительно позитивным, эмансипаторным потенциалом будущее

⁷⁹ Юнус М. Мир тех нулей: Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. М.: Альпина Паблишер, 2019. 275 с.

⁸⁰ Там же, с. 203.

политических институтов и структур в процессе их трансформации. В этом ключе крайне интересными выглядят соображения отечественных ученых – политологов Л.Г. Фишмана, В.С. Мартьянова и Д.А. Давыдова⁸¹ из Уральского отделения РАН. Авторы предполагают, что социума, описываемого в категориях рынка и демократии уже, практически, не существует. Горизонты социально-политического прогнозирования прорисовывают общество, основным источником дохода в котором становится не труд, а различные формы рент, что обусловлено автоматизацией и цифровизацией экономики, сокращающих потребность в традиционном труде и создающих новые формы доходов, не связанных напрямую с трудовой и материальной деятельностью. Это уже сегодня приводит к существенным изменениям в политических системах, так как традиционные механизмы распределения, основанные на трудовых отношениях, постепенно теряют свою актуальность. Ученые называют будущую социально-экономическую систему «рентным обществом»⁸², в которой должен сформироваться новый тип социального контракта между государством и гражданами. Вместо характерного для капитализма обмена труда на социальные гарантии постепенно возникает система, в которой государство обеспечивает граждан различными формами рент («материальные и иные блага, которые получают индивиды, социальные группы и даже отдельные общества вследствие занятия выгодной позиции в социально-политической структуре»⁸³).

Политические институты, по мнению авторов, становятся ключевыми акторами в обеспечении справедливого распределения ренты в то время, когда мы не наблюдаем ощутимого экономического роста и закономерно чувствуем падение влияния рыночной экономики на процесс удовлетворения благ. Концепция рентного общества выстраивается вокруг центрального авторского тезиса: «В терпящих кризис...социальных порядках, которые до того

⁸¹ Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

⁸² Там же, с. 298.

⁸³ Там же, с. 25.

воспринимались как естественные, ярко проявляется искусственная, все более необходимая для поддержания их функционирования политическая составляющая»⁸⁴. Политическая составляющая, влияющая на экономическую систему, может либо разрушить старые порядки, либо создать новые. Каким порядком является рентное общество – авторы однозначно не указывают, но анализ их концепции позволяет предполагать, что рентный посткапитализм предлагает ряд политических преобразований, крайне отличных от институциональных и процессуальных процедур рыночной демократии. Например, могут возникнуть новые формы политического участия, связанные с борьбой за распределение и перераспределение ренты. Вполне возможно появление политических движений и партий, ориентированных не на защиту прав и парламентское представительство, а на завоевание социальных привилегий и лоббирование интересов различных групп получателей ренты, характеризующихся разными основаниями (профессиональными, этническими, религиозными, гендерными и т.д.). Исследователи также полагают, что в рентном обществе метаморфозам может подлежать само понятие гражданства, связанное с правом на получение определенной доли общественной ренты, гражданских привилегий (в контрасте перед мигрантами, налоговыми нерезидентами и т.д.), нежели чем с традиционными политическими правами. Следовательно, властная легитимность политических режимов будет выстраиваться вокруг способности эффективно управлять дистрибутивными и редистрибутивными потоками рент, обеспечивать социальную стабильность граждан и урезать социальные права неграждан.

Нетрудно догадаться, что подобные тенденции, вероятнее всего, приведут к новым формам социальной стратификации и антагонистическим противостояниям, а также к переосмыслению демократии как таковой. Существуют риски, что распределение ренты может быть концентрировано в руках узкой группы элит, усиливая авторитарные тенденции и ослабляя

⁸⁴ Там же, с. 9.

механизмы общественного контроля, автоматически свертывая часть демократических институций.

Так как теория рентного общества прогнозирует выдвижение государства на первый план (в качестве основного экономического актора) в то время, как роль рынка становится менее значимой, в этой модели распределение ресурсов осуществляется преимущественно через политические, а не рыночные механизмы. Как следствие, на смену конкуренции экономических классов приходит соперничество между социально-политическими рентными группами, похожими на сословия, вынужденными постоянно обосновывать свою полезность и право на получение ренты не перед рынком или обществом, а непосредственно перед государством. Таким образом, легитимность и статус различных социальных групп определяются их способностью доказывать свою значимость государственному аппарату, а не их экономической эффективностью или общественной ценностью. В этом ключе трансформация понятия «ренты» и введение категории «сословия» наводят на мысли о прообразе неофеодального (технофеодального) будущего, описанного в концептах Дж. Дин⁸⁵ и Я. Варуфакиса⁸⁶. По такой логике государство переживает изменение своей статусно-ролевой функции с «невидимой руки» на субъект дистрибуции ресурсов вне рыночными способами среди иерархии рентных групп, образующих каркас новой структуры политического сообщества⁸⁷.

Однако, несмотря на политические риски сворачивания демократии, теория рентного общества не представляется исключительно антиутопической. Данный прогнозный трек открывает возможности для переосмысления и обновления демократических процессов, адаптированных к новым реалиям распределения ресурсов и власти в посткапиталистическом обществе. Так, например, авторы предлагают безусловный базовый доход

⁸⁵ Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. № 6. С. 85-116.

⁸⁶ Варуфакис Я. Технофеодализм. М.: Ad Marginem, 2025. 340 с.

⁸⁷ Айрапетян Д.А. Горизонты социально-политического развития института государства в контексте перехода к посткапитализму // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6 (111). С. 1907-1918.

(далее ББД) как один из возможных механизмов распределения ренты. ББД рассматривается учеными в качестве своеобразного «капиталистического пути к коммунизму»⁸⁸. В этом их взгляды пересекаются с популярной теорией Ф. ван Парайса и Я. Вандерборхта⁸⁹, признающей необходимость новых форм распределения доходов через политическое регулирование меняющейся природы труда и экономики.

Уникальная попытка осмыслить долгосрочные тенденции политического развития принадлежит одному из авторов теории рентного общества, политологу Д.А. Давыдову⁹⁰. В своей критике существующих теорий посткапитализма⁹¹ ученый утверждает, что целостного видения будущей общественно-экономической формации до сих пор нет. При этом капитализм все же мутирует во «что-то другое»⁹².

В предложенном Давыдовым видении посткапитализма центральным элементом является понятие «персоналиата»⁹³ – нового господствующего класса. Персоналиат состоит из людей, обладающих высоким уровнем человеческого капитала, творческими способностями и уникальными, неповторимыми личностными качествами. Формирование персоналиата обусловлено, как технологическими изменениями в сфере нематериального производства, так и выделением «творческой деятельности» в качестве преобладающего источника потребительных ценностей (преобладающих факторов в процессе создания полезных свойств тех или иных благ), а заодно – как нового критерия выделения общественно-экономических формаций.

Давыдов утверждает, что в отличие от капиталистов, чья власть основана на владении средствами производства, власть персоналиата базируется на их личностных качествах, способностях, социальной репутации,

⁸⁸ Фишман Л.Г., Мартынов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 354.

⁸⁹ Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020. 440 с.

⁹⁰ Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.

⁹¹ Давыдов Д.А. Есть ли смысл в концепте посткапитализма? // Дискурс-Пи. 2018. № 2 (31). Т. 19. С. 114-122.

⁹² Давыдов Д.А. Идея коммунизма. Современная дискуссия о том, как построить новый мир. СПб.: Алетейя, 2026. 260 с.

⁹³ Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. С. 124.

возможностях генерировать интеллектуальный и медиаконтент. Эти характеристики становятся ключевым ресурсом в зарождающейся экономической системе, чья логика переходит от товарного производства к персональному производству. Иными словами, ценность создается не столько через производство стандартизированных товаров, сколько через уникальные, эксклюзивные и персонализированные продукты и услуги, создаваемые представителями персоналиата. Обычный труд в теории Д.А. Давыдова становится все более творческим и самореализующим трудящегося, что связывает данную идею с теорией А. Горца о когнитивном труде и «работе над самим собой»⁹⁴ как над самосозданием в том плане, что оба автора отмечают растущую значимость нематериального в экономике.

В разрезе анализа политических трансформаций Давыдов отмечает, что в недалеком будущем традиционная представительная демократия может уступить место более сложной системе, основанной на жестких меритократических принципах⁹⁵. Политическая власть будет все больше концентрироваться в руках тех представителей общества, которые обладают высоким уровнем человеческого капитала, экспертными знаниями, сетевыми связями и особой социальной репутацией. Концепция персоналиата ставит главным политическим изменением то, что люди, обладающие личностью, становятся настолько значимыми в политической сфере, что их возвышение за счет медиа и иных возможностей, которые сегодня представляют информационные технологии, ассоциирует персоналиат с марксистским концептом правящего или господствующего класса⁹⁶. Следовательно, происходят масштабные политические метаморфозы, предлагающие возможности конвертации символических капиталов в политические. Легитимность власти все менее основывается на формальных процедурах избрания. Институциональная политика становится фоном процесса

⁹⁴ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей экономики, 2010. С. 24.

⁹⁵ Давыдов Д.А. Глобальная политическая перспектива: коммунизм, меритократия или социал-персонализм? // Политика. 2016. № 3 (82). С. 149-159.

⁹⁶ Там же, с. 138.

формирования политической субъектности⁹⁷, генерирующего новую форму господства – власть над дискурсом, которая двигает человечество не к социалистической системе справедливости, а к новой антагонистической формации, в которой господство персоналиата может быть оспорено имперсоналиатом. Подобное понимание господства в виде дискурсивной власти соответствует уже методологически устоявшимся представлениям о политической власти в постиндустриальном обществе, например, у М. Кастельса⁹⁸.

Роль государства в посткапитализме, по мнению Давыдова, также изменится. Его институциональная природа не пойдет по классическому социалистическому пути. Вместо этого, государство может стать платформой для координации деятельности различных групп персоналиата и обеспечения базовых условий для их функционирования и господства. По сути, за государством в посткапитализме закрепляются три основные функции⁹⁹:

1. Нравственный арбитраж и курирование творческой деятельности, подразумевающие поддержку высоких морально-этических стандартов в обществе, определение критериев и границ приемлемого творчества;
2. Гарантия индивидуальности генерируемого контента и защита интеллектуальной собственности;
3. Оценка и регистрирование индивидуальных достижений, в рамках которой государство будет определять ценность личностных побед, классифицируя их как полезные или потенциально вредные для общества.

Можно предположить, что подобные институциональные трансформации способны привести к сдвигам в привычных системах разделения властей. Вполне логичным видится появление новых ветвей власти, например, связанных с управлением информационными потоками или координацией экспертных сообществ. Само же информационное

⁹⁷ Там же, с. 150.

⁹⁸ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

⁹⁹ Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. 218. с.

пространство в рамках коммуникативного процесса, скорее всего, превратится в поле прямого взаимодействия между представителями персонала и их аудиторией, что уже сегодня можно наблюдать, например, в работе популярных персональных Telegram- и МАХ-каналов.

Не менее интересной выглядит концепция профессора кафедры политических наук ПИУ РАНХиГС С.Ю. Хлыстунова¹⁰⁰ рассматривающего обозначенные изменения с точки зрения отчуждения субъектности как формы присвоения нового объекта – самого человека. Понимая под субъектностью способность к свободному волеизъявлению, смыслообразованию и целеполаганию, профессор Хлыстунов утверждает, что ограниченный доступ к нематериальным факторам производства (духовным, социальным, информационным) как базовым в посткапитализме, ведет к отчуждению субъектности и превращению людей в объект производственных отношений в складывающейся посткапиталистической экономике (в агентов). Агенты – это индивиды с отчужденной волей, являющиеся объектами манипуляций. Манипулировать агентами субъектам возможно за счет формирования «диктатуры над потребностями и поведением индивида». Такая диктатура, в свою очередь, требует соответствующего политического режима, который можно именовать БЭТ-диктатурой (биоэкологической), опирающегося на новейшие технологии NBIC-конвергенции (базы шестого технологического уклада) и ведущего к институционализации цифрового Левиафана (государства тотального контроля). В условиях трансгуманистических глобальных ценностей, к которым пришло человечество в данной точке отсчета, единственным способом политической борьбы против отчуждения, по мнению ученого, является борьба за базовые традиционные ценности и идентичности, за право оставаться личностью, обладающей свободой воли.

Теория С.Ю. Хлыстунова методологически точно описывает антагонистические возможности будущих политических преобразований, оставляя задел для исследования новых социально-политических

¹⁰⁰ Хлыстунов С.Ю. Посткапитализм: фаза генезиса. М.: Издательский дом «Дело», 2025. 172 с.

антагонизмов в условиях генерации инновационных факторов неравенства – когнитивных, цифровых, биологических и т.д.

Отдельно отметим, что понятие «сетей» для посткапиталистических теорий также не является эмансипаторной панацеей. М. Кастельс¹⁰¹ уже выделял противоречия в сетевой политике будущего, на которую опираются многие теоретики посткапитализма. По мнению Кастельса, политическая проблема сетевого общества связана с тем, что сети могут способствовать как демократизации и расширению политического участия, так и усиливать существующие властные структуры и неравенства (через новые формы исключения и маргинализации), оставляя за бортом тех, кто не имеет доступа к сетям или не обладает необходимыми навыками для эффективного участия в них. Следовательно, сетевое общество может привести к фрагментации политического пространства, затрудняя формирование общих целей и консенсуса.

В этом плане сетевые устремления по социально-политическому конструированию имеют некоторую недоработку. Сети в понимании авторов новых политических теорий – это горизонтальные связи, в которых либо отсутствует единый центр принятия решений, либо таких центров несколько. Однако, некоторые постструктуралисты утверждают¹⁰², что иерархии существуют до тех пор, пока есть неравновесие в силе. К тому же, мы не можем представлять себе политико-экономическое пространство «плоским» – оно объемно, а в объемных сетях имеют место быть несколько неравновесных центров силы. Другими словами, «сетевые позитивисты» не учитывают возможности формирования гетерархий, способных создавать новые структуры неравенства. Это подтверждает Дж. Динн¹⁰³, утверждая, что уже сегодня сетевые коммуникации являются исключительной «инфраструктурой капитализма», поддерживающей рост неравенства и укрепляющей

¹⁰¹ Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. С. 59

¹⁰² Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 394 с.

¹⁰³ Дин Дж. Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 3. С. 152-165.

политические иерархии, так как сложные сети способствуют иерархическому распределению связей. Поэтому наделять сети функцией освобождения от власти капитала пока что преждевременно.

Это еще в начале 2000-х гг. было удачно обосновано шведскими философами А. Бардом и Я. Зодерквистом¹⁰⁴. В своей книге ученые описывают политические изменения современности как процесс перехода к аттенционализму, где ключевую роль играет не владение материальными ресурсами, а контроль над информационными потоками и сетевыми структурами. В рамках своего концепта, Бард и Зодерквист отмечают постепенное смещение центров власти от традиционных политических и экономических институтов к сетевым структурам и узлам, что закономерно ведет к ослаблению национального государства, которое все больше подвергается недоверию в условиях формирующегося аттенционализма – общества эпохи перепроизводства информации¹⁰⁵.

Центральным аспектом социально-политических трансформаций в аттенционализме является формирование новой стратификационной системы, отражающей изменения в распределении власти и влияния. Ключевым элементом новой социальной структуры выступает, так называемая, нетократия¹⁰⁶ – сетевая элита. Нетократия, постепенно объединяясь с буржуазией (как когда-то последняя объединилась с аристократией) синтезирует свои усилия для провозглашения авторских прав в качестве средства спасения цивилизации и вытесняет капиталистов с пьедестала социальной иерархии. Нетократия обладает наибольшим контролем над информационными потоками и сетевыми структурами. Ее представители характеризуются высоким уровнем образования и обширными социальными связями, занимают доминирующие позиции в сферах технологий, медиа и инновационного бизнеса. Их влияние базируется не столько на владении

¹⁰⁴ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма». СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

¹⁰⁵ Там же, с. 83.

¹⁰⁶ Там же, с. 62.

материальными ресурсами, сколько на способности манипулировать информацией и управлять сетевыми взаимодействиями, что генерирует новые форматы элитного позиционирования. Власть в цифровом пространстве приобретает все большее значение, в следствие чего компании и организации, контролирующие цифровые технологии, становятся влиятельными участниками в формировании новых видов элит, так как они могут оказывать влияние на экономические и политические процессы. Все это влияет на позицию и политические потенции подобных компаний, зачастую работающих в тесной связи с государственными структурами и органами национальной безопасности¹⁰⁷.

На противоположном полюсе социальной иерархии находится консьюмтариат – новый низший класс, во многом исключенный из значимых информационных сетей. Представители консьюмтариата характеризуются пассивным потреблением контента, информации и товаров, обладают лишь ограниченным доступом к ресурсам сетей и низкой социальной мобильностью. Эта группа может рассматриваться как некий аналог пролетариата, однако ее положение в современных условиях усугубляется информационным неравенством и цифровым разрывом, которые могут оказаться более глубокими и труднопреодолимыми проблемами, чем традиционное экономическое неравенство.

Однако сетевое общество более разнообразно в социальной дифференциации, нежели чем капиталистическое, и эта дифференциация, по мнению ученых, обусловлена постепенным отмиранием буржуазных институтов и нарастанием системной турбулентности¹⁰⁸. Нетократия не однородна, она формирует несколько взаимозависимых групп, которые в разной степени отдаляют ее от консьюмтариата и формируют систему управления, производства и философскую парадигму нового цифрового мира.

¹⁰⁷ Айрапетян Д.А. Особенности элитогенеза и элитного позиционирования в посткапитализме: новые детерминанты обретения власти // Сборник «Перспективные проблемы современной политической науки в рамках исследований Ростовской научной элитологической школы». 2024. С. 123-128.

¹⁰⁸ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма». СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. С. 242.

Эти группы – кураторы (политики и управленцы), нексиалисты (предприниматели), этерналисты (ученые)¹⁰⁹.

Теория нетократии, несмотря на некоторую спекулятивность отдельных положений предлагает интересный взгляд на трансформацию политических процессов в эпоху цифровых технологий. В целом, она во многом перекликается с теориями рентного общества и социал-персонализма, предлагая оригинальную интерпретацию процессов, формирующих облик общества XXI столетия. Однако главным преимуществом теории является то, что она фиксирует возникновение новых социально-политических антагонизмов, основанных не на отношении к средствам производства, а на доступе к информационным потокам и сетевым структурам. Это указывает на необходимость переосмысления классической марксистской теории классовой борьбы применительно к цифровой эпохе.

Концепты посткапитализма, как показывает проделанный нами анализ, основываются, с одной стороны, на формационной преемственности, детерминистской и диалектической логике развития истории, а, с другой – на допущении присутствия в этой модели неэкономических (политических, идеологических, культурных) элементов, действующих в качестве ограничителей/деструкторов рынка, способных изменять облик социально-экономической системы в рамках немарксистских представлений.

Представленные концепции ставят под сомнение устойчивость и эффективность существующей капиталистической системы и предлагают различные сценарии трансформации общества в направлении как более справедливого и устойчивого миропорядка, основанного на принципах солидарности, равенства и ответственности, так и на сценариях, содержащим в себе сужение перспектив освобождения от власти капитала и регрессию к предшествующим формам политического господства.

¹⁰⁹ Там же, с. 121.

Фактически рассмотренные модели политических преобразований в посткапиталистической системе можно сгруппировать в три обобщающих концепта:

Таблица 3

Основные концептуальные подходы к исследованию политических изменений в посткапитализме

Концепт	Теории	Предполагаемые сценарии	Изменения функций власти и управления
Технократически-демократический посткапитализм	П. Мейсон (Вики-государство и цифровой социализм), Н. Срничек и А. Уильямс (акселерационизм. посттрудовое общество, общественные платформы), Д. Харви (экономическая демократия), М. Юнус (мир трех нулей), Ф. ван Парайс и Я. Вандерборхт (безусловный базовый доход)	Формирование цифрового демократического социализма через автоматизацию производства; переход к посттрудовому обществу с безусловным базовым доходом; создание общественных платформ и партисипативной демократии; преодоление неолиберальной гегемонии через низовые движения и экономическую демократию	Государство становится координатором и катализатором инноваций; осуществляется демократический контроль над технологиями; инициируется партисипативное бюджетирование; распространяются сетевые формы принятия решений вместо представительной демократии; ориентация технологического развития на освобождение человека от труда
Рентно-стратификационный посткапитализм	Л.Г. Фишман и В.С. Мартъянов (рентное общество), Д.А. Давыдов (персоналиат), С.Ю. Хлыстунов (БЭТ-диктатура, отчуждение субъектности), Я. Варуфакис (технофеодализм)	Формирование рентного общества с новым социальным контрактом; возникновение нового доминирующего класса – персоналиата; риски БЭТ-диктатуры и цифрового Левиафана; неофеодалная стратификация на основе доступа к ренте и человеческому капиталу	Государство становится главным распределителем рент и арбитром социальных привилегий; легитимность власти через эффективность политического перераспределения, а не через выборы; проявление функций нравственного арбитража и оценки личностных достижений; меритократическая концентрация власти у обладателей символических капиталов; риск тотального контроля через NBIC-технологии; доминирование цифровых технологических платформ.

Сетевой посткапитализм	А. Бард и Я. Зодерквист (нетократия и аттенционализм), М. Кастельс (сетевое общество), Дж. Динн (сетевые иерархии)	Переход к аттенционализму с политическим господством нетократии над информационными потоками; формирование новой социальной стратификации и антагонизмов; фрагментация национального госудаства; появление гетерархий и сетевых форм неравенства	Власть смещается от государственных институтов к сетевым узлам и хабам; контроль над информационными потоками становится основой политического влияния; появление новых функций управления сетевыми включениями/исключениями
---------------------------	---	---	--

Составлено автором на основе рассмотренных выше концепций.

Рассмотренные теории демонстрируют, что концептуальные модели посткапитализма, при всем разнообразии трактовок, сходятся в признании необходимости глубокой трансформации политической системы. Общими чертами прогнозируемых преобразований является путь к технологическим изменениям политического процесса, усилению роли государства в регулировании и координации (как экономическими, так и неэкономическими методами), развитию сетевых форм самоорганизации, росту значения знания и информации в качестве источников власти. Вместе с тем, различия в оценке конкретных направлений и механизмов политической трансформации, в особенности, контрастное разделение на предвидение утопии цифрового социализма и констатацию движения к новой антагонистической формации, указывает на необходимость дальнейших исследований, способных уточнить контуры посткапиталистического устройства. В особенности, детальному анализу должны подлежать тенденции формирования новых властных субъектов, проявления форм специфических социально-политических антагонизмов и идеологическая борьба за определение направлений технологического развития. Эти ключевые элементы требуют глубокого самостоятельного исследования для понимания конкретных механизмов посткапиталистической трансформации политических процессов.

Мы же предположим, что посткапитализм сегодня – это не конкретное достигнутое состояние, которое уже можно фиксировать через явные и имплицитные трансформации в социально-политической и технико-экономической сферах. Скорее, это процесс, в рамках которого формируются различные, адаптированные под новую реальность политические акторы, социальные противоречия, производственные, организационные и идеологические модели. Нам необходимо принимать сегодняшний день не за эпоху освобождения, что, конечно же, было бы весьма необъективно и опрометчиво, но за посткапитализм в том смысле, что реальность приобрела характер перехода от одной системы к другой. Это и обуславливает транзитивность современной общественно-экономической системы, ускользящей из капиталистической архитектуры в иную, качественно отличную (хотя и не обязательно более совершенную)¹¹⁰. Следовательно, современность – есть некая переходная форма, например, как ее называет П.Н. Кондрашов¹¹¹, «inter/trans – формация», пока что сохраняющая основные институты и атрибуты позднего капитализма, но модернизирующая и постепенно адаптирующая их под свои особенности через структурные и институциональные трансформации. Победа нового способа производства возможна только тогда, когда параллельно внедрению технологических инноваций наблюдаются изменения в социально-политической сфере и в сфере духовного производства¹¹².

¹¹⁰ Айрапетян Д.А. Методологическое обоснование исследования современности в качестве посткапитализма: взгляд политолога / Сборник трудов пятой международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE» «Стратегии развития общества и экономики в новой реальности». 2023. С. 31-48.

¹¹¹ Кондрашов П.Н. Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150-159.

¹¹² Бузгалин А.В., Барашкова О.В. После рождение новой [пост]экономики // AlterEconomics. 2023. № 20 (4). С. 731-750.

1.3. Структурные и институциональные изменения в условиях посткапиталистического перехода: аналитическая связка «ресурсы-акторы-механизмы-институты»

Рассмотренные в предыдущем параграфе концептуальные модели посткапитализма демонстрируют разнообразие подходов к пониманию и трактовке грядущих политических преобразований. Но для более глубокого осмысления трансформационных процессов в политической сфере формирующегося посткапиталистического общества необходимо проанализировать диалектическую связь между институциональными и структурными изменениями. Ведь каждый вид изменений имеет собственную специфическую динамику и логику развития, которые находятся в сложном каузальном взаимодействии друг с другом.

Анализ диалектики институциональных и структурных изменений позволяет не только понять общую логику посткапиталистической трансформации, но и выявить конкретные механизмы этого процесса, такие как формирование новых властных субъектов, возникновение специфических антагонизмов, идеологическую борьбу, задающую направление институциональных изменений.

В этом контексте особую значимость приобретает исследование того, как существующие политические институты адаптируются к новым условиям, какие структурные изменения происходят в процессе этой адаптации и каковы сценарии развития структурно-институциональной трансформации в ближайшем будущем. Подобная постановка исследовательского вопроса особо актуальна в контексте тех вызовов, которые, как было показано ранее, ставят перед традиционными политическими институтами цифровизация, развитие сетевых форм организации и функционально-ролевые преобразования государства.

Для аналитической связки структурных сдвигов и институциональных адаптаций в настоящем исследовании используется схема «ресурсы-акторы-механизмы-институты», позволяющая описывать трансформации власти как

единый причинно-следственный контур. Под ресурсами понимаются виды благ и возможностей, контроль над которыми обеспечивает воспроизводство управляемости (в том числе цифровые данные, вычислительные мощности и инфраструктуры их сбора/обработки). Под акторами – субъекты, способные концентрировать такие ресурсы и конвертировать их в устойчивые формы влияния и контроля (государственные структуры, крупные корпорации и их гибридные конфигурации). Под механизмами – способы преобразования ресурсов в управленческие решения и режимы координации/принуждения (алгоритмические и дата-центричные формы). Под институтами – формальные правила, организационные контуры и процедуры, закрепляющие указанные механизмы и обеспечивающие их воспроизводство и легитимацию.

В дальнейшем, под структурными изменениями мы будем понимать, прежде всего, трансформации ресурсной базы, конфигурации акторов и доминирующих механизмов во власть и управляемость¹¹³. Иными словами, это глубокая и динамическая мутация ресурсов, акций и интеракций различных акторов политики, в которых измеряется структура политического процесса в современной политологии¹¹⁴. В свою очередь, под институциональными – изменения формальных и неформальных правил, процедур и организационных контуров, закрепляющих механизмы и обеспечивающих их воспроизводство¹¹⁵.

Рассматриваемая нами диалектика наблюдается в определении институциональных изменений у Д. Норта¹¹⁶, который, в узком смысле, сводит их к структурным изменениям, вносимым людьми во взаимодействие друг с другом с целью достижения определенных результатов. То есть ключевым аспектом понимания институциональных изменений становится их тесная

¹¹³ Литвин Л.А. Политический процесс как основная характеристика политической системы // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2024. № 3. С. 22-30.

¹¹⁴ Айрапетян Д.А. Структурные метаморфозы политических процессов на пороге посткапиталистической эпохи: новые акторы, интеракции и феномены // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 165-172.

¹¹⁵ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2010. С. 21.

¹¹⁶ Там же, с. 121.

взаимосвязь с изменениями структурными, отражающими более глубокие сдвиги в организации политической власти и распределении ресурсов в социуме (на разных уровнях взаимодействия).

Выявить реально текущие трансформации политических процессов, исходя из их институционального каркаса и сложной артефактной структуры, достаточно, сложно. Д. Норт, обращая внимания на данную проблему, отмечает¹¹⁷, что масштабы современных изменений, а также сетевые экстерналии самих артефактов (под артефактами понимаются институты, нормы, правила, процедуры, символы и организационные формы) делают протекающие, например, институциональные преобразования зависимыми от, так называемого, «эффекта колеи» – когда текущее и будущее развитие системы находится в крайней степени зависимости от ранее принятых решений и исторически сложившегося пути; когда однажды выбранная траектория определяет дальнейшее движение, даже если существуют более эффективные альтернативы. В результате система как бы «застревает» в определенной колее развития, и изменить этот путь становится сложно из-за высоких политических и экономических издержек перехода к альтернативным вариантам. Эти издержки, с одной стороны, вполне рациональны, так как радикальные перемены всегда противоречиво отражаются на общественном состоянии. Однако, с другой стороны, принятие инертности как нормы видится нам защитной тенденцией капитализма к самовоспроизводству через подавление новых форм политических желаний, субъектностей и организаций. Для сохранения действующих властных порядков необходимо защищать стабильность выстроенных иерархий и структур, следовательно, всеми возможными способами укоренять статус-кво.

Однако именно сегодня, несмотря на «эффект колеи», современные технологические трансформации создают новые возможности для преодоления институциональной инерции и формирования альтернативных

¹¹⁷ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2010. С. 94

траекторий социально-политического развития. В частности, цифровизация политических процессов и появление новых форм социальной организации могут способствовать преодолению традиционных институциональных ограничений и созданию новых механизмов политического управления, что потенциально может привести к нивелированию политической децелерации (замедления) и формированию новой общественной системы, например, через упоминаемую ранее акселерационную политику. Для этого необходимо верно понять логику синергетики политической системы и определить необходимые аттракторы ее изменения¹¹⁸.

Безусловно, четвертая промышленная революция и изменения, вызванные ею в социальных отношениях, являются одними из главных драйверов посткапиталистического перехода. Детерминация этих драйверов в качестве основных прослеживается у современного политэконома Д. Аджемоглу и его коллеги С. Джонсона. Ученые отмечают, что технологические инновации ведут не просто к прогрессу и власти человека над природой. Дело в том, что новые технологии трансформируют способы организации производства, «обогащая и наделяя властью одних, ввергая в нищету и лишая власти других»¹¹⁹. При этом понятия и эквиваленты богатства и власти меняются из эпохи в эпоху. Именно поэтому опрометчиво считать, что система, которая приходит на смену капитализму, будет исключительно эпохой освобождения и всеобщей справедливости. Несмотря на весь эмансипаторный потенциал цифровых технологий, найдется большое количество аспектов их применения, способных породить новые формы неравенства, отчуждения, эксплуатации, экзистенциальных рисков. Ведь, с одной стороны, новые технологии действительно создают беспрецедентные возможности для демократизации политического участия, децентрализации власти, формирования более гибких и эффективных механизмов управления и

¹¹⁸ Морозов А.В. Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 2. Т. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navigatsiya-po-akseleratsionizmu-ot-nekapitalizma-k-postkapitalizmu-cherez-platformy> (дата обращения 23.08.2025).

¹¹⁹ Аджемоглу Д. Джонсон Д. Власть и прогресс. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 39.

транспарентных политических систем. Цифровые платформы, блокчейн и системы ИИ потенциально способны трансформировать институты и процедуры представительной демократии, создавая условия для более прямых форм политического участия и эффективного принятия решений.

Однако, с другой стороны, эти же технологические инновации могут становиться инструментами усиленного политического контроля, манипулирования общественным мнением и концентрации власти в руках технократических, сетевых, цифровых, персоналистских и прочих видов элитных групп, формирующих новые форматы присвоения. С высокой долей вероятности можно предполагать, что доступ к передовым технологиям и способность их эффективного использования становятся ключевыми факторами политического влияния в конкретной социально-экономической системе.

Анализ механизмов взаимовлияния институциональных и структурных компонентов политического процесса в условиях посткапиталистического перехода требует комплексного рассмотрения их диалектического взаимодействия через призму синтеза институциональной теории и теории структуризации.

Во-первых, политические институты выступают не просто структурообразующими элементами, но и являются метарегуляторами социально-политического пространства, детерминирующими характер властных отношений через установление формальных и неформальных правил¹²⁰. В условиях цифровой трансформации происходит не только платформизация политического пространства, но и формирование принципиально новой институциональной матрицы, где цифро-сетевые механизмы интегрируются с традиционными практиками, создавая гибридные формы политического управления¹²¹.

¹²⁰ Жабров А.В. Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 28-45.

¹²¹ Михайленок О.Г., Брега А.В., Зеленко Б.И., Люблинский В.В., Щенина О.Г. и др. Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 297-339.

Во-вторых, структурные изменения в политических процессах детерминированы во многом фундаментальными трансформациями в системе социальной стратификации и производственных отношений. Прекариатизация труда и распространение принципов новой трудовой этики¹²², появление не существующих ранее форм занятости, развитие платформенной экономики и автоматизация производства способствуют зарождению новых социальных размежеваний, требующих институциональной адаптации¹²³. Здесь особую значимость приобретают механизмы политического представительства интересов новых социальных групп, формирующихся в условиях посткапиталистической трансформации. Показательным примером выступает развитие платформенных кооперативов и децентрализованных автономных организаций, формирующих инновационные модели политической организации и принятия решений. Т. Шольц¹²⁴ отмечает, что мы входим в эпоху платформенного кооперативизма, где главная цель – более справедливое распределение ресурсов.

В-третьих, трансформация информационно-коммуникационного пространства политики приводит к формированию новой эпистемологической реальности, где традиционные механизмы легитимации власти сталкиваются с вызовами информационного плюрализма и дата-центричной и алгоритмической управляемости.

В-четвертых, сегодня наблюдается углубление и усложнение взаимозависимости между экономическими и политическими институтами. Цифровая экономика и всевозможные sharing-модели создают предпосылки для формирования инновационных форм политического процесса. Например, появление криптовалют и блокчейн-технологий стимулирует развитие новых

¹²² Нестеров О.Г. Принципы новой этики труда позднего капитализма // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 1. С. 118-127.

¹²³ Крауч К. Победит ли гик-экономика? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 144 с.

¹²⁴ Шольц Т. Платформенный кооперативизм. Бросая вызов корпоративной экономике совместного потребления. Нью-Йорк: Фонд Розы Люксембург, 2016. URL: http://www.rosalux-nyc.org/wp-content/files_mf/scholz_platformcoop_5.9.2016.pdf (дата обращения 23.08.2025).

механизмов финансирования политической деятельности, а возникающие гибридные формы управления, сочетающие элементы рыночных стратегий и политического регулирования, создают новую институциональную архитектуру, где алгоритмизация менеджмента играет все более значимую роль. При этом наблюдается тенденция к формированию глобальных экосистем (например, китайская WeChat + Alipay, американские Amazon и Alphabet), в рамках которых экономические транзакции и политические решения становятся неразрывно связанными элементами единого процесса бизнес-координации.

В-пятых, важным аспектом является трансформация механизмов политической социализации и формирования политической идентичности в цифровую эпоху¹²⁵. Социальные медиа и сетевые платформы становятся ключевыми агентами политической социализации, что приводит к необходимости переосмысления традиционных институтов политического и правового просвещения и гражданского воспитания.

У Я. Ван Дейка¹²⁶ есть идея, что технологическая трансформация социально-политических взаимодействий создает новые паттерны институциональной динамики. В этих условиях традиционные иерархические структуры управления не исчезают полностью, но существенно модифицируются под влиянием сетевых форм координации, порождая сложные, гибридные конфигурации власти. Данный тезис находит теоретическое развитие в исследованиях ряда авторов, например, Ю. Ноя Харари¹²⁷, Ш. Зубофф¹²⁸, Б. Джессопа¹²⁹, демонстрирующих фундаментальные изменения в механизмах политической власти, социального контроля и управления в XXI веке. Цифровые технологии создают новые

¹²⁵ Юрченко Н.Н. Антропологические факторы трансформации социально-политических институтов под влиянием цифровизации // PolitBook. 2024. № 1. С. 6-14.

¹²⁶ Jan van Dijk. The Digital Divide. Cambridge: Polity, 2020. 208 p.

¹²⁷ Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2022. 496 с.

¹²⁸ Zuboff S. Master or Slave?: The Fight for the Soul of Our Information Civilization. NY: PublicAffairs, 2017. 304 p.; Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.

¹²⁹ Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.

каналы влияния общественности на политические институты и, наоборот, формируют многоуровневые системы обратных связей, где институциональные изменения порождают структурные трансформации, создающие сложную динамику усиления и ослабления политического надзора, контроля, а также способствующие метаморфозам в социальной стратификации.

В данном ключе необходимо отметить возрастающую роль алгоритмических систем управления, ИИ и анализа данных. Согласно концепции «алгоритмического управления»¹³⁰, формирование гибридных форм политического управления становится неизбежным следствием цифровой трансформации общества, что создает новые вызовы для традиционных демократических институтов. Эта система управления формирует новую реальность, то, что А. Гринфилд называет «постгуманистической повседневностью»¹³¹, неизбежно вызывающей политические изменения. Однако, как справедливо отмечает Ф. Паскуале¹³², критическое значение приобретает проблема обеспечения алгоритмической прозрачности и социальной справедливости в новых системах управления, особенно в контексте растущего влияния крупных технологических платформ на государство и политические процессы.

Действительно, современные цифровые платформы и алгоритмы становятся не просто инновационными решениями коммуникативных и управленческих задач, а полноценными «желающими машинами» в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари¹³³, которые не только опосредуют политическое взаимодействие, но и активно участвуют в производстве политической субъективности и коллективных желаний. Именно поэтому

¹³⁰ Kitchin, R. Thinking Critically About and Researching Algorithms // *Information, Communication & Society*. 2017. № 20 (1). P. 14–29; Старк Д., Паис И. Алгоритмическое управление в экономике платформ // *Экономическая социология*. 2021. Т. 22. № 1. С. 71–103.

¹³¹ Гринфилд А. *Радикальные технологии: устройство повседневной жизни*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. С. 249.

¹³² Паскуале Ф. *Новые законы робототехники: апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 448 с.

¹³³ Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 628.

Б.К. Шталь, Д. Шредер и Р. Родригес¹³⁴ заявляют о необходимости этического регулирования систем ИИ в контексте институционального развития. Этика искусственного интеллекта, по мнению авторов, становится не просто нормативным ограничителем, но и фундаментальным фактором, определяющим саму архитектуру современных политических процессов.

Таким образом, системы обратной связи между институциональными и структурными изменениями проявляются через сложный механизм взаимного влияния, где цифровые технологии выступают одновременно как катализатор и медиатор этих взаимодействий. Конкретно это выражается в том, что изменения в политических институтах (например, внедрение алгоритмических систем принятия решений) приводят к структурным трансформациям в организации политической власти (изменению систем бюрократических иерархий), которые, в свою очередь, стимулируют дальнейшие институциональные инновации. По сути, это можно назвать динамическим равновесием в структурных и институциональных трансформациях политических процессов, однако равновесием, лишенным линейности так как каждое новое технологическое решение или институциональное изменение может порождать множественные, непредсказуемые траектории развития политической системы, создавая своеобразный эффект ветвления.

Важно отметить, что структурно-институциональные трансформации политических процессов сегодня все больше соответствуют постструктуралистской концепции Ж. Делеза и Ф. Гваттари¹³⁵. Так, например, институциональные изменения в условиях формирования посткапитализма можно рассматривать через призму теории детерриториализации, когда традиционные институты подвергаются постоянной детерриториализации под влиянием цифровых технологий и новых форм социальной организации. В некотором смысле они утрачивают свою привязку к физическому

¹³⁴ Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: Кейсы и варианты решения этических проблем. М: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 200 с.

¹³⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2010. 895 с.; Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.

пространству и устоявшимся формам функционирования. Однако этот процесс сопровождается одновременной ретерриториализацией в виртуальном пространстве, создавая новые институциональные формы и механизмы политического взаимодействия.

В свою очередь, базируясь на этом же подходе, можно предположить, что структурные изменения в политических процессах все больше соответствуют концепту «ризомы»¹³⁶. Ризоматическая модель предполагает нелинейное, децентрализованное развитие, где любая точка системы может быть связана с любой другой. Это особенно заметно в условиях цифровизации, когда сетевые взаимодействия создают множественные (неиерархические или гетерархические) связи между политическими акторами. В аналитическом отношении это означает, что сетевизация усиливает акторную множественность и переводит часть управленческих взаимодействий в режим распределенных механизмов координации и контроля, которые затем могут (или не могут) получить институциональное закрепление.

Примечательно, что сама структура социума, ввиду бурного развития информационных технологий и цифровой инфраструктуры, все больше приобретает сетевой, ризоморфный форм-фактор, сетевизируя при этом и политику, внедряя проявленные и скрытые сети межакторной интеракции, которые начинают противостоять привычным для капитализма иерархиям. При этом теоретик сетевого общества, Н. Фергюсон¹³⁷ сомневается, что «сетевые атаки» на устоявшиеся внутривнутриполитические иерархии, например, стран Ближнего Востока, Восточной Европы, Великобритании или США, несут исключительное благо. Сеть не всегда минимизирует политический контроль, она способна стать детерминантой его расширения. Но, так или иначе, изменение структурных иерархий на сетевые постепенно становится тенденцией, которую обеспечивает переход к новому способу производства – цифровому.

¹³⁶ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2010. С. 37

¹³⁷ Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2020. 736 с.

В исследовании темпоральных аспектов обратной связи структурно-институциональных трансформаций критическое значение приобретает проблема их синхронности/асинхронности. В терминах связки «ресурсы-акторы-механизмы-институты» темпоральная дисгармония проявляется как опережающее изменение ресурсов и механизмов при запаздывающей адаптации институтов, что перераспределяет преимущества между акторами, способными быстрее накапливать цифровые ресурсы и закреплять их институционально. Анализ десинхронизации между скоростью технологических и социальных изменений¹³⁸ (влияющих на политическую структуру) и способностью политических институтов к адаптации – важная составляющая в процессе понимания современной реальности¹³⁹. Мы предполагаем, что возникающая сегодня темпоральная дисгармония – диссонанс между акселерацией техносоциальных изменений и инертностью политических институций, неспособных быстро адаптироваться к данному ускорению, вызывает широкий кризис легитимности традиционных политических систем, так как структурные изменения приводят к дисфункциональности множества привычных процедур и практик.

Действительно, формирование цифрового способа производства и развитие технологий ИИ радикально изменяют социально-политические взаимодействия, коммуникативные практики и ресурсно-акторную составляющую в то время, как основные политические институты остаются функционировать в логике индустриальной эпохи. Возникает некий темпоральный разрыв, состоящий в следующем:

1. Скорость принятия политических решений существенно отстает от динамики генерации и диффузии технологических инноваций, что создает регуляторные пустоты и зоны неопределенности;

2. Традиционные механизмы политического представительства не успевают адаптироваться к новым формам социальной самоорганизации и

¹³⁸ Rosa H. *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. NY: Columbia University Press, 2013. 512 p.

¹³⁹ Нафикова А.И. Ускорение темпа жизни как социально-философская проблема и «новая реальность» современного социального развития // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 22. С. 205-208.

гражданской активности, возникающим в цифровой среде, а публичная политика становится все более фрагментированной и гибридной: привычные институты власти вынуждены конкурировать с сетевыми сообществами, децентрализованными движениями или ad-hoc коалициями;

3. «Институциональная память» и процедурная инерция политических систем («эффект колеи») входят в противоречие с растущими общественными запросами на гибкость и оперативность реагирования на возникающие вызовы.

Эта темпоральная дисгармония усугубляется тем, что технологическая акселерация имеет экспоненциальный характер, в то время как институциональные изменения происходят с заметным замедлением. В результате возникает эффект «темпоральных ножниц», когда разрыв между скоростью принятия политических решений и темпом техно-социальных преобразований не просто сохраняется, но прогрессивно увеличивается.

На наш взгляд, преодоление темпоральной дисгармонии требует не просто технической модернизации политических институтов, но и фундаментального переосмысления принципов их функционирования¹⁴⁰. В этом смысле необходимым видится развитие новых форм «быстрой демократии», сочетающих эффективность принятия решений с сохранением базовых демократических ценностей и процедур¹⁴¹. При этом важно избежать как чрезмерного упрощения политических процессов, так и их полного подчинения логике исключительной технологической эффективности. Для этого целесообразно и стратегически важно формировать условия для «институциональной пластичности», способные сохранять организационную устойчивость при одновременной структурной адаптивности.

¹⁴⁰ Митрахович С.П. Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (5). С. 57-62.

¹⁴¹ Литвинов А.А., Мазур О.Г., Звонок Н.С. Эволюция процесса цифровой трансформации современного общества: основные концептуальные подходы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 83-93.

Существенным аспектом анализа выступает также пространственное измерение структурно-институциональных трансформаций. В исследованиях С. Сассен¹⁴² концептуализируется идея о гибридных конфигурациях политической власти, где физические и цифровые территориальности создают пространства политического взаимодействия, что манифестируется в эмерджентных формах цифрового суверенитета и транснациональных политических сообществах.

Эти гибридные конфигурации характеризуются, как правило, внезапностью, размыванием традиционных территориальных границ и формированием новых пространственных логик власти, где цифровые технологии выступают не просто инструментом, а конститутивным элементом политического процесса. Важно отметить, что цифровая территориальность создает многомерную реальность, в которой различные формы политического действия и властных отношений переплетаются, одновременно усиливая или ослабляя друг друга в зависимости от конкретных условий.

Здесь особую значимость приобретает понятие цифрового суверенитета, которое выходит за рамки традиционного вестфальского понимания государственного суверенитета. Цифровой суверенитет проявляется в способности политических акторов контролировать информационные потоки, управлять цифровой инфраструктурой и устанавливать правила функционирования виртуальных пространств в различающихся по масштабу локальностях. При этом формируются новые центры власти, не обязательно совпадающие с традиционными государственными границами.

Транснациональные и транслокальные политические сообщества, возникающие в этих условиях, характеризуются высокой степенью мобильности и адаптивности, способностью быстро мобилизовать ресурсы и координировать действия вне зависимости от географической удаленности (например, движение Black Lives Matter; сообщества этнических диаспор в

¹⁴² [Sassen S.](#) Interactions of the Technical and the Social: Digital formations of the powerful and the powerless // Information Communication and Society. 2012. № 15 (4). P. 1-24.

мессенджерах и социальных сетях, использующие цифровые ресурсы для политической и идеологической мобилизации¹⁴³; транснациональные сети правозащитников; феминистское движение #MeToo; хакерские группировки типа Anonymous или WikiLeaks; различные платформы гражданских инициатив по типу Change.org). Они создают альтернативные формы политической организации, которые могут как дополнять, так и конкурировать с традиционными государственными институтами.

Исследование диалектики взаимосвязи институциональных и структурных изменений политических процессов в переходную эпоху способствует рефлексии по поводу того, какие возможные сценарии развития прослеживаются в прогностическом потенциале данного объектно-предметного поля. Для прогностического анализа целесообразно фиксировать не только «форму будущего», но и причинно-следственный контур трансформации власти: какие ресурсы становятся ключевыми, какие акторы их концентрируют, какими механизмами они конвертируются в управляемость и какие институты закрепляют (или ограничивают) соответствующие механизмы. В этом ключе, с опорой на рассмотренные тенденции, можно выделить три сценарных траектории.

Сценарий «платформенная реконфигурация». Основное содержание сценария заключается в том, что существующие управленческие и публично-административные контуры интегрируются с цифровыми платформами все сильнее, формируя гибридные форматы координации и принятия решений. Ключевыми ресурсами здесь становятся данные, цифровые идентификаторы, вычислительные мощности и инфраструктура их сбора/обработки, а также доступ к платформенным экосистемам предоставления услуг. Усиливаются акторы, способные концентрировать и администрировать эти ресурсы: публичные организации и их технологические партнеры/подрядчики, а также крупные платформенные провайдеры, участвующие в создании архитектуры

¹⁴³ Бразевич С.С. Концепция транснациональной и транслокальной миграции как релевантная теоретическая рамка для анализа "цифровизации" этнических сетей мигрантов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 3 (7). С. 6-13.

сервисов и стандартов. Из механизмов в данном сценарии доминируют платформизация и алгоритмизация, переводя взаимодействие «пользователь-система» в цифровые каналы, дата-центричное управление потоками обращений/услуг, использование аналитики данных для приоритизации решений и автоматизации процедур. Институциональное закрепление происходит через развитие режимов электронного управления, регламентацию цифровых процедур и распределение ответственности в гибридных организационных контурах («правительство-платформа»).

Тенденция платформенной реконфигурации подтверждается в ежегодном «Обзоре электронного правительства ООН»¹⁴⁴. Так, согласно официальным данным, в период с 2014 по 2024 гг. доля государств с высоким показателем EGDI (E-Government Development Index) – индексом развития электронного правительства увеличилась с 25 (13.0 %) до 76 (39.4 %) от общего числа стран (193). В 2024 г. государства-члены ООН с очень высокими значениями EGDI (выше 0,75) составляли наибольшую долю среди общего количества стран-участниц.

Учитывая текущую статистическую динамику, нами спрогнозированы допустимые дальнейшие показатели прироста доли государств с очень высокими значениями EGDI (very high EGDI values): в 2026 г. – 43,69 %, в 2028 г. – 50,02 %, в 2030 г. – 55,48 % (см. рис. 1). Коэффициент детерминации R^2 во всех линиях прогнозного тренда был близок к 1 (при линейном тренде – 0,9908; при экспоненциальном тренде – 0,9593; при логарифмическом тренде – 0,9908; при полиномиальном тренде – 0,9917), что указывает на высокую согласованность допустимого прогноза с наблюдаемой динамикой.

¹⁴⁴ «UN E-Government Survey 2024». URL: <https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2024> (дата обращения 23.08.2025).

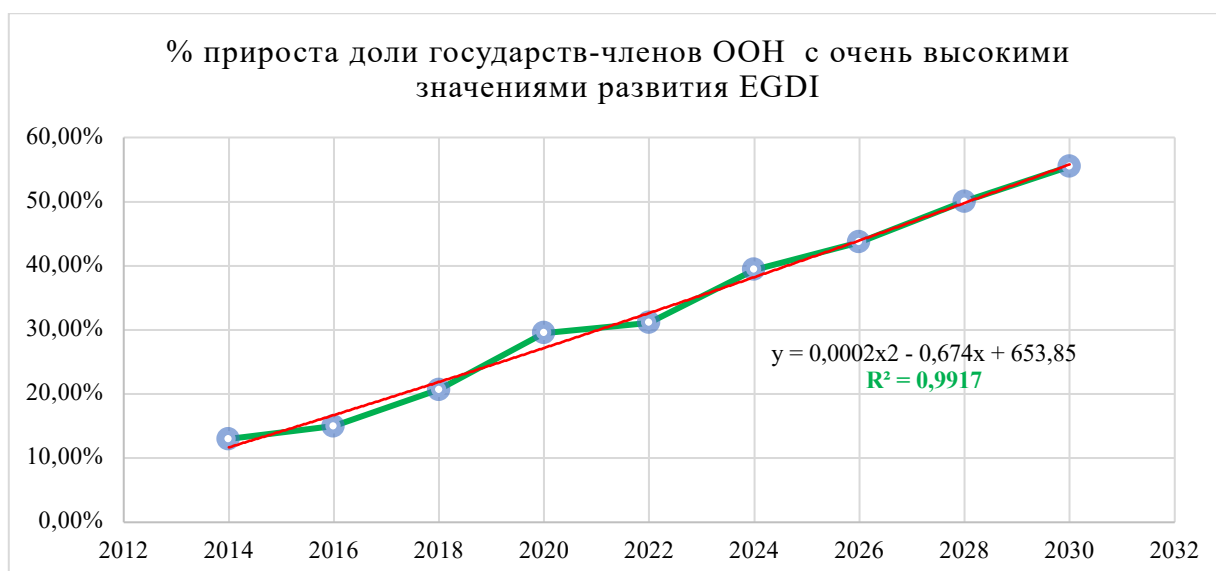

Рис 1. Прогноз увеличения доли государств-членов ООН с очень высокими значениями развития EGDI в % от общего числа государств-членов до 2030 г. (полиномиальный тренд)

Рассчитано автором методом экстраполяции трендов средствами MS Excel.

На уровне структурно-институциональных эффектов это означает:

а) перераспределение значимости каналов взаимодействия в пользу цифровой инфраструктуры; б) гибридизацию управленческих практик за счет платформенных механизмов; в) институционализацию новых форм участия и доступа к услугам при одновременном риске возникновения новых разновидностей неравенства и контроля, основанных на доступе к цифровым ресурсам и компетенциям. Платформенная компонента в итоге наращивается в качестве ключевой институциональной надстройки.

Сценарий «институциональная дезинтермедиация». Данный сценарий предполагает постепенное замещение традиционных политических посредников (партий, представительных органов разного уровня) прямыми формами участия и координации, базирующимися на технологиях распределенного реестра и смарт-контрактах (в первую очередь, за счет технологий блокчейна). Центральными здесь становятся ресурсы распределенного доверия и верификации (например, реестры цифровой идентичности, криптографические инструменты), а также инфраструктуры, обеспечивающие неизменяемость записей и исполнение правил. При таком сценарии активно возникают и усиливаются распределенные коллективные

акторы (сообщества, кооперативные и сетевые формы организации), а также новые технологические посредники, поддерживающие платформы и протоколы. В качестве механизмов ключевыми выступают смарт-контракты, протокольное управление, прямые контуры координации и агрегирования интересов без традиционной многоступенчатой процедуры соперничества. Институциональное закрепление такого сценария требует правового признания новых форм коллективного действия, процедур ответственности, аудита, разрешения споров, а также правил легитимного представительства в распределенных системах.

В своем предельном (идеальном) виде дезинтермедиация может снижать политические транзакционные издержки координации и расширять вовлеченность, однако реализуемость сценария ограничивается темпоральной дисгармонией: механизмы и инфраструктуры (как структурный слой) способны меняться быстрее, чем формируются устойчивые институты ответственности, подотчетности и легитимности. Поэтому на текущем этапе вероятнее наблюдать фрагментарные внедрения элементов этого сценария, а не полное замещение традиционных институтов.

Гипотетически, сценарий «институциональной дезинтермедиации» может привести к фундаментальному переосмыслению демократического управления, требующего выхода за рамки капиталистических моделей политических систем. По сути, речь идет о построении качественно новой политической архитектуры, где технологии выступают не только как инструмент оптимизации политических процессов, но и как катализатор качественных изменений в социальной жизни. Однако вероятность достижения подобного сценария, на данный момент политического развития, неочевидна.

Сценарий «гибридная институционализация». В данном случае сохраняются традиционные формы организации, но дополняются и настраиваются новыми цифровыми элементами; сосуществование форм становится относительно стабильным режимом. Ресурсная база становится

смешанной: одновременно значимы и классические административные ресурсы, и цифровые ресурсы. Спектр акторов также стабилен: устойчиво могут сосуществовать традиционные организации и новые сетевые/платформенные участники. Усиливается роль акторов, способных обеспечить сопряжение контуров (гипотетические интеграторы, регуляторно-технологические узлы, межорганизационные консорциумы). Формируются комбинированные механизмы управления, когда часть решений и процедур переносится в цифровую среду, но сохраняются оффлайн-контуров, ручные режимы и многоуровневые проверки, возрастает значение механизмов совместимости (интероперабельности), стандартизации и управляемой автоматизации. Институциональный слой развивается поэтапно: формируются требования к прозрачности алгоритмов, защите данных и распределению ответственности. Центральным принципом выступает институциональная пластичность – способность сохранять устойчивость процедур при одновременной адаптивного структурного слоя.

Сильная сторона этого сценария заключается в управляемости посткапиталистической трансформацией политических процессов и снижении рисков дестабилизации. Однако слабая сторона – это очевидная инерционность и вероятность институциональных конфликтов на стыке старых и новых контуров власти, включая конкуренцию за контроль над цифровыми ресурсами и право задавать правила воспроизводства механизмов управления. К тому же сегодня чаще наблюдается не устойчиво оформленное «равновесие» двух контуров управления, а асимметричная и неравномерная платформизация при инерции и незавершенной перестройке институтов ответственности, контроля и легитимации.

Выделенные сценарии демонстрируют, что структурно-институциональную трансформацию в переходную эпоху можно описать как перестройку ресурсной базы управляемости, переконфигурацию акторов, эволюцию механизмов конвертации ресурсов во влияние и координацию и последующее институциональное закрепление новых режимов (или их

блокировку через инерцию систем и «эффект колеи»). При этом ключевым параметром современного этапа выступает темпоральная дисгармония: ресурсы и механизмы власти меняются быстрее, чем успевают адаптироваться институты ответственности, легитимации и процедурного контроля. Следовательно, конкурентоспособность различных траекторий определяется не только технологической доступностью ресурсов, но и способностью акторов переводить новые механизмы в устойчивые институциональные формы, минимизируя издержки легитимации и социального принятия.

В дальнейшем в качестве сценарной рамки (в глобальном масштабе) нами принимается «платформенная реконфигурация», поскольку в центре анализа будут находиться дата-центричные ресурсы и платформенно-алгоритмические механизмы, через которые они конвертируются во власть и управляемость. Формирование гибридных субъектов власти в этом контуре выступает не альтернативным сценарием «гибридной институционализации», а как акторно-институциональная форма реализации платформенной реконфигурации: именно такие конфигурации соединяют традиционные и цифровые контуры и обеспечивают внедрение и закрепление платформенной логики во властно-управленческих практиках.

Глава 2. Структурная реконфигурация политической власти в условиях посткапиталистического перехода: гибридный субъект и дата-центричная власть

2.1. Генезис государственно-корпоративного техно-субъекта (ГКТС) и механизмы дата центричной власти

Начало XXI столетия ознаменовалось фундаментальной трансформацией ресурсно-акторной базы политической власти, сопоставимой по своим масштабам и последствиям с промышленной революцией XVIII-XIX веков или с формированием национальных государств в эпоху Вестфальской системы¹⁴⁵. Однако, если прежние исторические переломы характеризовались, прежде всего, количественным наращиванием мощи уже существующих институтов (например, государство от эпохи к эпохе становилось все более централизованным, а промышленность – более производительной), то современная трансформация носит качественно иной характер. По нашему мнению, она затрагивает самую онтологическую сторону власти – природу ресурсов, на которых эта власть основывается, способы ее осуществления и, что критически важно, типологию субъектов, которые эту власть аккумулируют и реализуют.

В основе такого цивилизационного сдвига лежит процесс дематериализации ресурсов власти. Переход от материальных к нематериальным ресурсам представляет собой фундаментальный сдвиг в сложной политической и экономической реальности первой половины XXI века¹⁴⁶. Данный феномен обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов, среди которых ключевую роль играет инвестирование в нематериальные активы, рост занятости в сфере услуг (например, по утверждению канадского политэконома А. Фримана, в странах Глобального севера занятость в сфере услуг не опускается ниже 70 %, а в промышленности не поднимается выше

¹⁴⁵ Дорская А.А. Вестфальская система и ее роль в становлении современного миропорядка // Образование и право. 2024. № 6. С. 13-18.

¹⁴⁶ Хаскел Дж., Уэстлейк С. Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 408 с.

30 %, в свою очередь, в странах БРИКС также просматривается приоритет сферы услуг, хотя и с разрывами по сферам занятости¹⁴⁷), и процесс формирования цифрового способа производства в целом.

На протяжении тысячелетий – от древних империй до индустриальных держав XX столетия ключевыми источниками могущества были ресурсы материально-территориальные: контроль над землей и природными богатствами, владение средствами производства, численность населения, военная сила, основанная на физическом принуждении. В экономической теории принято считать, что институциональным базисом капиталистической системы является институт частного присвоения материально-вещественных производственных факторов, конституирующий логику рыночных производственных отношений и индустриально-капиталистический способ производства. В этом контексте материальные факторы производства, находящиеся в частной собственности, выступают не просто техническими элементами производственного процесса, но и фундаментальными социально-экономическими отношениями, определяющими совокупность взаимодействий хозяйствующих субъектов. Не овеществленные факторы производства, например, социальные (поведение, отношения), духовные (ценности, идеологии) или информационные играют менее важную роль в производственном процессе. Иными словами, вещественное в капитализме превалирует над невещественным.

В связи с этим, в политологии традиционной стала точка зрения, что доминирующие возможности для инициации акторами политического процесса заключаются в финансовом капитале, производственной мощи, природных ресурсах и физических активах. Эти ресурсы обеспечивают прямое влияние на политическую систему через механизмы экономического давления, контроля над средствами производства и системой распределения материальных благ, одновременно являясь и факторами капиталистического

¹⁴⁷ Фриман А. Всемирный креативный аудит: план предлагаемого исследования // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2023. Т. 2. № 4. С. 25–59.

прогресса, и факторами, порождающими ключевые противоречия и конфликты капитализма¹⁴⁸. Материальная и территориальная онтология власти закреплена в классической формуле власти, сформулированной еще М. Вебером¹⁴⁹ и основанной на монополии государства на легитимное физическое насилие в пределах определенной территории. Эта парадигма предполагала, что субъект власти четко локализован географически, а его могущество прямо коррелирует с материальными активами.

Однако следует отметить, что складывающаяся форма цифровой экономики меняет ресурсные акценты: в основе будущего посткапитализма, вероятнее всего, будет лежать контроль именно над невещественными факторами, такими как информационные потоки, цифровые данные, интеллектуальные ресурсы и услуги, криптовалюты, инструменты модификации поведения и управления потребностями. Цифровизация ознаменовала собой кардинальное переосмысление существенной значимости материальных ресурсов в социотехнической реальности XXI века¹⁵⁰. Именно поэтому сегодня мы наблюдаем радикальный разрыв с веберовской логикой онтологии власти. Доминирующее положение в глобальных политических процессах, в настоящее время, занимают информационно-коммуникационные ресурсы (ИКР) – нематериальные, но при этом обладающие колоссальной конвертируемостью в любые другие формы капитала (экономический, политический, символический, военный). Центральным элементом этой новой ресурсной базы, ее своеобразным «ядром» или, пользуясь метафорой современности, «новой нефтью»¹⁵¹, становятся большие данные (Big Data).

Понятие больших данных, по всей вероятности, требует терминологической ясности. Мы понимаем под ними не просто большие

¹⁴⁸ Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

¹⁴⁹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол Классик, 2025. 292 с.

¹⁵⁰ Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 3. С. 230-253.

¹⁵¹ «Почему данные становятся новой нефтью – и готова ли к этому Россия» - РБК. URL: <https://companies.rbc.ru/news/uDFaSnNS7D/pochemu-dannyie-stanovyatsya-novoj-neftyu---i-gotova-li-k-etomu-rossiya/> (дата обращения 15.09.2025).

объемы информации, а исчерпывающие, структурированные и постоянно пополняемые в режиме реального времени массивы сведений о поведении, предпочтениях, социальных связях, физическом перемещении, потребительских практиках, эмоциональных реакциях и даже физиологических параметрах индивидов. Это данные, извлекаемые из цифровых следов, которые каждый человек оставляет при взаимодействии с цифровыми платформами: при использовании поисковых систем, социальных сетей, мобильных приложений, «умных» устройств, систем видеонаблюдения с распознаванием лиц и систем геолокации, банковских карт и электронных документов.

Критическое отличие больших данных от традиционной информации заключается в их прогностической силе. Если классическая статистика или социологические опросы фиксировали прошлое или, в лучшем случае, настоящее положение вещей, то анализ больших данных с применением алгоритмов машинного обучения позволяет предсказывать будущее поведение индивидов и групп с беспрецедентной точностью. Это уже не просто наблюдение, а, своего рода, проективная власть, способность не только знать, что происходит, но и моделировать, что произойдет, и, соответственно, вмешиваться в причинно-следственные цепочки до того, как события развернутся в реальности.

В совокупности эти характеристики формируют мощный инструментарий для информационной деятельности в рамках политических процессов, обеспечивая тем самым высокую эффективность и устойчивость ИКР. Однако стоит отметить, что цифровизация приводит к диффузии и рассредоточению этих ресурсов между акторами, стирая четкие границы между обладателями ресурсов и их пользователями, что, в некотором смысле, демонтирует привычные субъектно-объектные отношения. Здесь мы замечаем, как складывается одно из основных противоречий цифровой эпохи: с одной стороны, цифровые технологии способствуют созданию метафоричного паноптикума (тотального надзора за большинством), с другой

– широкий доступ к ним также генерирует синоптикальные отношения (когда многие наблюдают за немногими).

Однако простая констатация смены ресурсной базы была бы недостаточна для полноценного политологического анализа. Фундаментальный тезис, на котором строится логика данного параграфа, звучит следующим образом: смена доминирующего ресурса власти неизбежно и закономерно ведет к трансформации субъектов, которые эту власть аккумулируют, легитимируют и реализуют. Это не простое эмпирическое наблюдение современности; это проявление более глубокой закономерности социально-политического развития – форма власти определяется не только тем, «что» служит ее основой, но и тем, «кто» способен эффективно мобилизовать и использовать данный тип ресурсов.

Если в эпоху аграрных обществ власть концентрировалась, преимущественно, в руках земельной аристократии, контролировавшей основной ресурс того времени – землю, и если в индустриальную эпоху решающее политическое слово перешло к тем, кто владел фабриками, заводами и финансовым капиталом, то в цифровую эпоху власть неизбежно тяготеет к тем, кто контролирует данные, инфраструктуру их сбора и технологии их обработки. Философ Б.Ч. Хан методологически точно называет это «инфократией»¹⁵².

Здесь возникает центральная проблема, делающая цифровую эпоху уникальной. Мы предполагаем, что монопольный контроль над ИКР не может быть осуществлен ни одним традиционным актором в отдельности, хотя мы часто упрощаем картину мира, приписывая большую власть IT-корпорациям, что, с первого взгляда, так и есть. Однако корпорации, даже самые могущественные транснациональные гиганты из BigTech-индустрии, не обладают легитимностью, регуляторными полномочиями и аппаратом принуждения, необходимым для легализации тотального сбора данных и подавления сопротивления, а также не в состоянии автономно преодолеть

¹⁵² Хан Б.Ч. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху. М.: Издательство АСТ, 2025. 160 с.

экономические кризисы. В свою очередь, государство, даже самое технологически развитое, не обладает компетенциями, инфраструктурой и инновационной гибкостью для создания и поддержания глобальных цифровых платформ, занимающихся извлечением данных.

Именно это противоречие и порождает новый феномен, который мы обозначаем как симбиотическое сращивание традиционных акторов в качественно новую конфигурацию. Это не союз, не альянс и не коалиция интересов в классическом смысле, а симбиоз – органическое взаимопроникновение, при котором обе стороны становятся зависимыми друг от друга до такой степени, что их раздельное существование становится невозможным или критически неэффективным.

Традиционные политологические модели оказываются сегодня неспособными в полной мере писать эту новую конфигурацию. Например, веберовская парадигма, которая фокусируется на государстве как на монопольном акторе власти, игнорирует или даже маргинализирует роль негосударственных политических игроков. Плюралистическая парадигма (в традиции политолога Р. Дая¹⁵³ и его последователей) рассматривает власть как результат конкуренции и баланса множества автономных групп интересов, но не способна предложить дескрипцию ситуации, когда интересы двух ключевых акторов настолько переплетаются, что они начинают действовать как единый субъект. Фундаментальная для посткапитализма марксистская парадигма видит в государстве «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»¹⁵⁴ – то есть инструмент экономически доминирующего класса, но этот подход не учитывает обратную зависимость: корпорации сегодня нуждаются в государстве не меньше, чем государство в них.

В каком-то смысле теория сетевого общества М. Кастельса приблизилась к пониманию проблемы показав, как власть распространяется в

¹⁵³ Дая Р. Введение в экономическую демократию. М.: НАУКА. СП ИКПА, 1991. 126 с.; Дая Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. 208 с.

¹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Издательство политической литературы, 1974 г. С. 27.

сетевых структурах. Однако Кастельс все еще рассматривает государство и корпорации как отдельные узлы сети, взаимодействующие, но сохраняющие автономию. Наш же анализ идет дальше: мы предполагаем, что происходит не просто сетевое взаимодействие, а онтологическое слияние, формирование нового субъекта, чья идентичность не сводится ни к государству, ни к корпорациям по отдельности.

Как отмечает С.Ю. Поярков, «современные процессы трансформации государственного управления все более отчетливо демонстрируют отказ от чистых моделей власти в пользу так называемых гибридных архитектур, в которых сочетаются элементы публичного и частного, централизованного и децентрализованного управления, формального и неформального регулирования»¹⁵⁵. Понятие гибридности в данном случае отражает переход к гибким и адаптивным формам близкого взаимодействия разных акторов – как государственных институтов, так и субъектов цифрового, корпоративного и гражданского происхождения.

Следовательно, в рамках данного анализа мы вводим концепт государственно-корпоративного техно-субъекта (ГКТС). Это не формальный, юридически закрепленный альянс, не консорциум и не официальное партнерство. Это симбиотический комплекс, в рамках которого происходит взаимопроникновение и перманентная координация действий двух ключевых акторов:

1. Традиционного суверенного государства, обладающего монополией на легальное насилие развитым институциональным аппаратом, правом легитимного принуждения, контролем над территорией и населением в пределах национальных границ, возможностью заниматься политическим перераспределением, а также международно-признанным статусом субъекта международного права.

¹⁵⁵ Поярков С.Ю. Трансформация современного конституционализма и новые архитектуры публичной власти: гибридные, сетевые и нелинейные модели в условиях цифровой эпохи // Право и политика. 2025. № 7. С. 160-179.

2. Транснациональных цифровых корпораций, владеющих глобальной технологической инфраструктурой, контролирующих ключевые платформы социального взаимодействия и информационного обмена (такие платформы Г. Киссинджер¹⁵⁶ считает геополитически значимыми в силу их масштаба, роли и значения для экономики), монополизировавших процессы сбора, хранения и обработки больших данных, а также обладающих передовыми компетенциями в области разработки систем ИИ.

Важно отметить, что в нашей концепции цифровые платформы, алгоритмы и системы искусственного интеллекта не являются самостоятельными акторами. Несмотря на то, что платформы и ИИ инициируют процесс платформизации, проникающий во все сферы социальной жизни, генерируют свой собственный алгоритмический метакapитал¹⁵⁷, проявляющийся через способность влиять на индивидуальное и массовое мировоззрение, привычки, склонности, политические нарративы, они все же пока не обладают интенциональностью, интересами или агентностью, являясь на данный момент утилитарными инструментами.

Технологические системы в целом выполняют сегодня двоякую роль: во-первых, они являются инструментарием для ГКТС – орудием, посредством которого субъект реализует свою власть; во-вторых, и это более точное выражение, они представляют собой «нервную систему» ГКТС – ту инфраструктуру, которая обеспечивает восприятие (сбор данных – некоторая сенсорная функция), обработку информации (анализ данных – аналог когнитивной функции) и реакцию (модерация контента, таргетинг, распределение ресурсов – эффекторная функция).

Технологическая «нервная система» делает власть ГКТС качественно иной по сравнению со всеми предыдущими формами власти. Она обеспечивает глобальность, всепроникновение, работу в режиме реального

¹⁵⁶ Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества. М.: Альпина ПРО, 2022. 200 с.

¹⁵⁷ Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике: учебник. М.: Проспект. 2024. С. 15.

времени и индивидуализацию воздействия на долгую перспективу. Государство и крупные технологические корпорации в обозримом будущем все больше будут сращиваться, образуя новую форму симбиоза власти и капитала. Границы между политикой и экономикой станут прозрачными, а традиционные механизмы сдержек и противовесов несколько потеряют свою эффективность¹⁵⁸.

Отметим, что неолиберализм (в качестве институционального конфигуратора) сначала способствовал дерегулированию рынков цифровой инфраструктуры и телекоммуникаций, приватизации информационных ресурсов и отказу от антимонопольного контроля над платформенными компаниями.

Однако, как мы выяснили ранее, государство, несмотря на все разговоры о его кризисе или об эрозии его суверенитета в эпоху неолиберальной глобализации, остается сегодня незаменимым актором, обладающим уникальными ресурсами, которые недоступны ни одному другому игроку на политической арене. Эти уникальные ресурсы формируют особый вклад государства в симбиоз с цифровыми корпорациями (см. таблица 4).

Таблица 4

Вклад государства в симбиоз с цифровыми корпорациями

Ресурс государства	Механизм реализации	Конкретные инструменты и практики
Легитимность и регуляторная рамка		
Государство как источник «легального прикрытия»	Законодательное закрепление практик сбора данных	- Антитеррористические пакеты законов; - Обязательное хранение метаданных операторами связи; - Законы о противодействии экстремизму; - Требования модерации контента; - Требования идентификации пользователей.
	Создание нормативной базы для коммерческого использования данных	- Законодательство о цифровой экономике;

¹⁵⁸ Айрапетян Д.А. Горизонты социально-политического развития института государства в контексте перехода к посткапитализму // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6 (111). С. 1907-1918.

		<ul style="list-style-type: none"> - Слабое регулирование защиты персональных данных; - Преднамеренные лазейки в законах; - Долгие согласовательные процедуры.
	Идеологическая легитимация через дискурс	<ul style="list-style-type: none"> - Дискурс безопасности; - Дискурс модернизации и прогресса; - Дискурс удобства и персонализации; - Переформатирование восприятия слежки в общественном мнении.
Монополия на насилие и принуждение		
Государство как защитник и блюститель	Физическая защита инфраструктуры	<ul style="list-style-type: none"> - Охрана дата-центров; - Защита серверов; - Охрана подводных кабелей и вышек связи; - Использование полиции, армии, спецслужб.
	Принуждение к исполнению законов в интересах корпораций	<ul style="list-style-type: none"> - Уголовное преследование хакеров; - Блокировка пиратских сайтов и торрент-трекеров; - Судебное преследование за нарушение пользовательских соглашений.
	Подавление социального протеста против цифрового надзора	<ul style="list-style-type: none"> - Полицейское давление на активистов; - Законодательные запреты на средства обхода слежки; - Дискредитация через медиа.
Статус суверенного заказчика		
Государство как гарант деятельности	Масштабные госконтракты на цифровую инфраструктуру	<ul style="list-style-type: none"> - Закупка облачных сервисов; - Системы видеонаблюдения с распознаванием лиц; - ПО для силовых структур и спецслужб.
	Цифровизация госуслуг и создание принудительной пользовательской базы	<ul style="list-style-type: none"> - Электронные паспорта и подписи; - Цифровые ID; - Обязательные регистрации на госпорталах; - Цифровые пропуска и QR-коды.
	Финансирование НИОКР через госзаказ	<ul style="list-style-type: none"> - Гранты и субсидии; - Государственные контракты; - Направление инновационного развития в нужное русло.

Политическое перераспределение		
Государство как институционально-нормативный распределитель ресурсов, рент и привилегий	Налоговое и финансовое перераспределение	<ul style="list-style-type: none"> - Налоговые льготы и освобождения для IT-корпораций; - Специальные экономические зоны; - Отсутствие налогообложения трансграничных потоков данных; - Низкие ставки на цифровые доходы.
	Перераспределение доступа к рынкам и конкурентным преимуществам	<ul style="list-style-type: none"> - Протекционистские барьеры против иностранных конкурентов; - Создание искусственных монополий через лицензирование; - Блокировка альтернативных платформ; - Требования локализации данных.
	Административно-регуляторное перераспределение	<ul style="list-style-type: none"> - Упрощенные процедуры регистрации для IT-бизнеса; - Предоставление прав на саморегулирование; - Участие корпораций в разработке законов о самих себе.
	Перераспределение символического капитала и репутации	<ul style="list-style-type: none"> - Публичная поддержка «национальных чемпионов»; - Включение IT-лидеров в элитные форумы; - Риторика стратегического партнерства с компаниями; - Защита репутации от критики.

Составлено автором.

В таблице видно, что четыре ключевых управленческих и уникальных ресурса государства (возможность легитимировать, монополия на насилие, статус суверенности, политическое перераспределение) формируют симбиоз с цифровыми корпорациями. Государство через легитимацию превращает потенциально спорные практики слежки в легальные и обязательные. Например, как отмечает Ш. Зубофф, подход США в легитимации сбора данных компаниями представляет сегодня серьезную опасность, так как саморегулирование в области конфиденциальности не работает в интересах

американских потребителей¹⁵⁹. А саморегулирование компании получили в процессе чрезмерной полицеизации США на фоне терактов 11 сентября 2001 года, которая способствовала тесному сотрудничеству спецслужб с интернет-компаниями. В свою очередь, монополия на насилие и принуждение позволяет государству физически защищать инфраструктуру корпораций и подавлять сопротивление системе. Через обеспечение гарантированного спроса (статус суверенного заказчика), государство, как крупнейший платежеспособный клиент формирует траекторию технологического развития в сторону контроля. Наконец, посредством политического перераспределения (в контексте институционально-нормативного перераспределения статусов, бюджетов, правил доступа к данным и т.д.) государство создает заведомо асимметричные преимущества для корпораций-партнеров, способствующих поддержанию надзорно-контрольной цифровой инфраструктуры политической системы.

Таким образом, корпорации получают юридическую протекцию, физическую защиту, стабильный рынок сбыта и структурно привилегированное положение, недостижимое через обычную рыночную конкуренцию. Государство же получает технологии контроля над населением.

Если государство в симбиозе ГКТС предоставляет пакет уникальных ресурсов, недоступных другим политическим акторам, то цифровые корпорации вносят в этот симбиотический процесс то, без чего невозможно представить современную власть – технологическую инфраструктуру, монополию на данные и инновационный потенциал (см. таблицу 5).

Таблица 5

Вклад цифровых корпораций в симбиоз с государством

Ресурс корпораций	Механизм реализации	Конкретные инструменты и практики
Глобальная технологическая инфраструктура		
Корпорации владельцы	Подводные оптоволоконные кабели	- Владение подводными трансконтинентальными кабелями.

¹⁵⁹ Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? М.: Издательство института Гайдара, 2025. 360 с.

информационной системы планеты	Спутниковые группировки	<ul style="list-style-type: none"> - Глобальные спутниковые сети; - Связь в обход национальных операторов; - Интернет-покрытие удаленных регионов; - Глобальная слежка через метаданные.
	Дата-центры и облачные сервисы	<ul style="list-style-type: none"> - Хранение данных госорганов разных стран; - Хранение коммерческих данных; - Контроль над информацией миллиардов пользователей.
	Операционные системы и аппаратное обеспечение	<ul style="list-style-type: none"> - Мобильные ОС; - Десктопные ОС; - Контроль всех уровней (от аппаратной начинки до интерфейсов).
Монополия на интерфейсы и сбор данных		
Корпорации как нефтяные компании цифровой эры	Контроль над точками входа в цифровую реальность	<ul style="list-style-type: none"> - Поисковые системы; - Социальные сети; - Мессенджеры; - Маркетплейсы и платежные системы; - Стриминговые сервисы.
	Типы собираемых данных	<ul style="list-style-type: none"> - Поведенческие данные; - Социальные данные; - Психометрические данные; - Физиологические данные; - Создание «цифровых двойников».
	Характер сбора данных	<ul style="list-style-type: none"> - Непрерывность (24/7); - Автоматизация; - Тотальность покрытия.
Инновационный потенциал и исследования в области ИИ		
Корпорации как когнитивное ядро ГКТС	Концентрация лучших кадров	<ul style="list-style-type: none"> - Эксклюзивный доступ к массивам данных; - Владение суперкомпьютерами и вычислительными мощностями; - Монополия на условия для передовых разработок.
	Разработка систем, недоступных государству	<ul style="list-style-type: none"> - Большие языковые модели; - Системы компьютерного зрения; - Рекомендательные алгоритмы; - Предиктивные модели поведения; - Государство как реципиент и заказчик готовых технологий.

Составлено автором.

Таким образом, мы предполагаем, что взаимодействующая асимметрия возможностей порождает следующий результат: государство не может контролировать население и обеспечивать национальную безопасность без технологических корпораций. Корпорации же не могут легально собирать данные без протекции государства. Симбиоз взаимовыгоден и необходим. Когда ресурсы и компетенции двух акторов соединяются, возникает качественно новый контур власти, который обладает свойствами, недоступными ни одному из них по отдельности. Так, государство делегирует корпорациям часть своего цифрового суверенитета (сбор информации о гражданах, управление коммуникациями, формирование информационной повестки). Корпорации обменивают часть своей автономии на государственную защиту и гарантии (сотрудничают со спецслужбами, выполняют функции цензоров, соблюдают геополитическую лояльность). Так возникает некий замкнутый цикл – петля положительной обратной связи, когда рождается самодостаточный, самоусиливающийся симбиотический актор – государственно-корпоративный техно-субъект, доминирование которого основывается на тотальном контроле над информацией, инфраструктурой и технологиями ее обработки.

При этом его природа вполне соответствует логике сценария «платформенной реконфигурации», так как взаимодействующая асимметрия ведет к выстраиванию управляемости вокруг платформенно-алгоритмических контуров, а не к устойчивому «равновесному» существованию двух контуров, которое предполагала бы «гибридная институционализация» (о данном сценарии говорилось в предыдущем параграфе). Это обусловлено тем, что взаимодействующая асимметрия перераспределяет рычаги управляемости в сторону данных, инфраструктуры и алгоритмов, делая платформенный контур ведущим, а гибридность – его организационной формой, а не равноправной альтернативой.

Логично, что могущество ГКТС базируется на новом типе власти, который мы определяем как дата-центричная власть. Ее сущность заключается

не просто во владении особой информацией (это было бы характерно и для более ранних исторических эпох, вспомним хотя бы роль разведслужб, специальных папских архивов Ватикана или жрецов в Древнем мире), а в способности извлекать из огромных массивов данных скрытые паттерны, корреляции и причинно-следственные связи, строить прогностические модели поведения, формировать и модифицировать это поведение, и, в конечном счете, управлять социально-политическими процессами на микро- и макроуровнях¹⁶⁰.

Важно подчеркнуть, что прежние формы власти, описанные в классической и современной политической теории, не исчезают. Дисциплинарная и дискурсивная власть (в традиции М. Фуко¹⁶¹), символическая власть (П. Бурдьё¹⁶²), идеологические формы гегемонии или «мягкая» или «гибкая власть» Дж. Ная¹⁶³ – все эти концепты сохраняют свою релевантность. Однако они перекодируются и интегрируются в новую систему. Например, символический капитал (репутация, статус, видимость) теперь в значительной степени становится производной от алгоритмического ранжирования – количества подписчиков, лайков и репостов, позицией в поисковой выдаче, вовлеченностью аудитории и т.д. – то есть параметрами, которые контролируются платформами. Дискурс же как система производства истины формируется и распространяется теперь преимущественно в рамках цифровых платформ, принадлежащих корпоративной элементе ГКТС. Алгоритмы рекомендаций определяют, какие идеи получают массовый охват, а какие останутся маргинальными. Модерация контента решает, что допустимо говорить, а что подлежит удалению. Идеологическая гегемония достигается не столько через прямую пропаганду, сколько через незаметное формирование информационной среды: через микротаргетинг, персонализацию новостной

¹⁶⁰ Коваль Е.А. Новые алгоритмы власти в мире алгоритмов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 262-282.

¹⁶¹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

¹⁶² Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137-150;

¹⁶³ Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Н.: ФСПИ, 2006. 244 с.

ленты, создание «стен» и «пузырей» фильтров, в которых пользователь видит только то, что подтверждает его существующие убеждения.

Традиционная власть исторически основывалась на видимом принуждении: тюрьмы, полиция, армия. Даже дисциплинарная власть у М. Фуко требовала определенного физического пространства и явного надзора. В нашем случае, дата-центричная власть работает иначе: она незаметна, непрерывна, превентивна и зависит лишь от количества и качества данных¹⁶⁴. Ее главной целью, по сути, является не наказание за уже совершенные действия, а предсказание и предотвращение нежелательного поведения, формируя при этом само пространство возможностей для субъекта.

Природа дата-центричной власти еще слабо изучена, однако уже сегодня мы можем с точностью определить, что ее субъектом является тот, кто владеет данными и инструментами их обработки (корпорации + государство). Объектом такой власти становится не столько физическое тело или какое-либо материальное имущество, сколько цифровой профиль индивида – его поведенческие паттерны, социальные связи, предпочтения, прогнозируемые действия. Основным механизмом же представляется не прямое насилие (хотя оно остается в резерве), а манипуляция информационной средой – то есть формирование того, что человек видит, слышит, во что верит, что считает важным для себя и Отечества. Так, дата-центричная власть формирует один из ключевых политических сдвигов – она трансформирует власть таким образом, что она перестает быть реактивной и становится предиктивной и проактивной – то есть стремится предотвратить нежелательное поведение еще до его совершения, контролируя саму возможность его возникновения.

Привычная нам форма власти работала, преимущественно, через дисциплину: она наблюдала, исправляла, либо наказывала граждан. Ее целью была нормализация поведения отдельных индивидов через видимость наблюдения (паноптикальная модель). Но дата-центричная власть использует

¹⁶⁴ Слотер М., Маккормик Д. Данные – это власть // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dannye-eto-vlast/> (дата обращения 01.10.2025).

в качестве инструмента ИИ, перемещаясь на качественно иной уровень. Она не просто наблюдает что человек «делает», она предсказывает, что он «сделает». При этом властно-подчинительные функции работают не на уровне индивида, а на уровне популяций и сегментов, выявляя корреляции и паттерны, невидимые человеческому наблюдению.

Таким образом, мы можем выделить три ключевых механизма дата-центричной власти, которой обладает ГКТС:

1. Профилирование и сегментация, под которыми мы понимаем глубокую ИИ-аналитику миллиардов точек данных и создание цифровых профилей, категоризирующих людей по множеству параметров, будь то кредитоспособность, политические взгляды, склонность к протесту, потребительские привычки, особенности интимной жизни граждан и т.д.

2. Предиктивная аналитика и упреждающее управление, иными словами – предвосхищение событий;

3. Алгоритмическое управление информационными потоками – формирование посредством ИИ-алгоритмов видимую информационную картинку, а, следовательно, и мировоззренческую. Рекомендательные алгоритмы не могут быть нейтральными, они создают удобную для индивида или ГКТС реальность.

Однако любая власть нуждается в легитимации – в признании ее приемлемой, оправданной, нормальной теми, кто ей подчиняется. ГКТС использует несколько взаимосвязанных стратегий легитимации, которые делают цифровой контроль не только терпимым, но даже желанным (см. таблицу 6).

Механизмы легитимации дата-центричной власти ГКТС¹⁶⁵

Механизм	Инструменты	Формула легитимации
Удобство и сервис	Персонализация (Netflix, Spotify, ВК, Яндекс.Музыка), автоматизация (умные дома, беспилотники), эффективность (госуслуги, цифровые деньги, электронные документы)	Обмен приватности на функциональную рациональность. Легитимация происходит через непосредственную пользовательскую ценность и минимизацию транзакционных издержек
Безопасность	Борьба с терроризмом (массовая слежка), предотвращение преступности (камеры, предиктивная полиция), защита детей (фильтрация контента), биобезопасность (QR-коды, цифровые пропуска)	Секьюритизация повседневности – переопределение слежки в массовом сознании как превентивной заботы
Неизбежность	Формирование дискурса по типу «Нельзя отстать от мира»	Натурализация технополитического выбора – элиминация альтернатив через представление цифровизации в качестве объективного и главного императива
Политическое участие	Цифровые петиции, голосования, открытые данные, гражданские цифровые платформы	Создание симулякра партиципации – то есть иллюзии политической субъектности при сохранении структурной асимметрии власти
Фрагментация и непрозрачность	Распределенный сбор данных, многостраничные пользовательские соглашения, непрозрачная работа алгоритмов, техническая сложность цифровой инфраструктуры	Информационная непрозрачность как механизм власти. Легитимация протекает через техническую недоступность знания.

Составлено автором.

Исходя из таблицы, можно предположить, что общая логика здесь такова: каждый механизм концертирует потенциальное сопротивление в

¹⁶⁵ Составлено на основе: Сорокопуд М.С. Роль медиатехнологий в конструировании власти: взгляд через призму цифровой антропологии // Наука. Искусство. Культура. 2025. № 2 (46). С. 194-207.; Серавин А.И. Технология как идеология: кто и зачем конструирует «дух сетей»? // Власть. 2025. № 6. С. 9-18; Игнатъева О.А. Концепция коммуникативной власти: синтез теорий // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 156-166; Перепелкин В.А., Крыштановская О.В. Цифровая элита и традиционные политики // Цифровая социология. 2025. № 2. С. 17-26; Гавриленко О.В. Эпоха «надзорного капитализма»: новые формы власти цифровых платформ и манипулирования пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 74-79. Веретенникова А.Ю. Потенциал сотрудничества цифровых платформ шеринг-экономики и органов государственной власти // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 169-176.

добровольное подчинение через различные режимы оправдания, например, от утилитарного обмена данными до информационной беспомощности рядового гражданина/пользователя перед комплексностью цифровых систем.

Проведенный нами анализ позволяет зафиксировать новую конфигурацию политической власти в условиях тотальной цифровизации. Мы показали, что смена доминирующего ресурса власти – то есть переход от материально-территориальных активов к информационно-коммуникационным ресурсам и, в особенности, к большим данным – закономерно порождает трансформацию самого субъекта власти. Как выяснилось, ни государство, ни корпорации изолированно не способны монополизировать контроль над данными и технологической инфраструктурой. Государство обладает легитимностью и регуляторными полномочиями, но не имеет нужных технологических компетенций. Корпорации, в свою очередь, владеют платформами и данными, но лишены права на легальное принуждение. Эта взаимодополняющая асимметрия делает симбиоз ГКТС структурной необходимостью современной эпохи, создавая, тем самым, доминирующего политического актора.

Ключевой особенностью ГКТС является воплощение качественно иного типа власти – дата-центричной, основанной на тотальном сборе данных, их алгоритмической обработке и предиктивном управлении. Устойчивость ГКТС обеспечивается разветвленным комплексом механизмов легитимации, делающих цифровой контроль социально приемлемым. Через дискурсы удобства, безопасности, технологической неизбежности и симулякры цифрового политического участия ГКТС конвертирует потенциальное сопротивление в добровольное подчинение. Легитимация осуществляется не через единую идеологию, а через множественные режимы оправдания дата-центричной власти, апеллирующие к различным рациональностям. Технологическая непрозрачность представляет собой сознательную стратегию ГКТС, делающую критический анализ и сопротивление труднодостижимыми для большинства граждан.

Несмотря на то, что становление ГКТС – закономерный и даже эволюционный процесс, архитектура дата-центричной власти и логика функционирования ГКТС порождают новые фундаментальные противоречия, придающие будущей посткапиталистической системе характеристики нестабильной социально-политической и экономической конструкции. Тотальная датафикация, алгоритмическое управление, распространение биометризации, платформенная монополизация и транснациональная природа цифровой инфраструктуры радикально трансформируют структуру социально-политических отношений, создавая новые линии конфликтов. Эти противоречия эндогенны – вырастают из самой природы дата-центричной власти и тех системно-структурных противоречий, которые были культивированы кризисом неолиберального капитализма. Контроль над информацией порождает теперь борьбу за доступ к данным, монополизм инфраструктуры генерирует конфликты вокруг архитектуры цифровых систем, биометрический надзор создает антагонизмы вокруг телесной автономии индивида, а глобальная природа цифровых платформ вступает в противоречие с территориальной логикой государств, порождая борьбу за цифровой суверенитет.

Таким образом, ГКТС способствует усилению и становлению новой системы социально-политических антагонизмов, где объектом борьбы становится контроль над информацией, технологической инфраструктурой и биологической жизнью.

2.2. Социально-политические антагонизмы дата-центричной власти: типология и логика формирования

Классические теоретические модели социально-политических конфликтов – от марксистской оппозиции труда и капитала до либеральной концепции групп интересов – исходили из определенного понимания структуры общества, характера собственности и распределения политической власти, свойственных индустриальному капитализму.

Однако система ГКТС, описанная выше, радикально меняет эту онтологию конфликта: объектом борьбы становятся не столько заводы и земля, сколько данные, алгоритмы, биометрическая информация, цифровая инфраструктура – все то, что трудно вписать в понимание материальности объекта противоречий. Поэтому мы предполагаем, что в условиях формирования посткапиталистического перехода происходит эрозия традиционных классовых антагонизмов и их многомерная трансформация. Мы привыкли исследовать социально-политические конфликты и противоречия, преимущественно, через призму классической бинарной марксистской парадигмы и ее производных. Однако сегодня основное противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения претерпевает существенные модификации, связанные с несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, изменению подлежит сам характер современного труда и производства. Когнитивный, нематериальный труд, связанный с созданием, обработкой и распространением информации, занимает все более значимое место в экономике. В отличие от привычного для аналитических схем материального производства, в информационной сфере мы не наблюдаем четкого разделения между производителями и собственниками средств производства.

Во-вторых, в силу усложнения социально-экономической конъюнктуры происходит диверсификация и фрагментация прежней классовой структуры. Дата-центричная власть действует иначе, чем классический капитализм. Она не просто эксплуатирует труд – она эксплуатирует внимание, данные, когнитивные способности и социальные связи. На смену бинарной оппозиции «пролетариат - буржуазия» приходит многомерная социальная стратификация, включающая множество промежуточных групп¹⁶⁶: прекариат (работники с неполной занятостью), когнитариат (специалисты интеллектуального труда),

¹⁶⁶ Коряковцев А.А. Современное капиталистическое общество: исторические пределы ближайших социальных перемен и их общественный субъект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 5. С. 93-103.

салариат (работники, имеющую полную занятость и зарплату, специалисты руководящих должностей), цифровой пролетариат (работники платформенной экономики), креативный класс (или персоналиат¹⁶⁷) и другие группы, чьи интересы не всегда совпадают и не поддаются однозначной классификации в традиционных терминах. При этом мы уже не можем четко выделять и использовать классическое понятие «класса» в ленинском определении¹⁶⁸ как социально-экономического статуса крупной социальной общности, определенного конкретным способом присвоения общественного богатства в силу того, что классы распадаются, а их структурные компоненты в виде отдельных социальных групп пересекаются в различных форматах отчуждения и субъектности.

В-третьих, информационная революция способствовала изрядному усложнению отношений собственности. Наряду с традиционной частной собственностью на материальные активы возникают новые формы собственности – интеллектуальная, информационная, цифровая. Формируются и гибридные режимы присвоения и использования ресурсов: от корпоративных патентов и копирайта до открытого ПО и проектов Creative Commons.

Размывание традиционных классовых идентичностей становится одним из ключевых процессов в цифровой экономике. Некогда важнейшее для политических систем эпохи демократического капитализма классовое сознание, основанное на общности материальных интересов и условий труда, уступает сегодня место более сложным и гибким формам идентификации, связанным с образом жизни, потреблением, культурными предпочтениями и ценностями, биологическими особенностями, индивидуацией и т.д. Работники одной и той же профессии и даже одного предприятия могут иметь совершенно полярные политические взгляды и позиции, социокультурные ориентации и мировоззренческие установки. Это безусловно затрудняет формирование

¹⁶⁷ Давыдов Д.А. Революция личности или восхождение персоналиата // Полития. 2020. № 4 (99). С. 68-89.

¹⁶⁸ Ленин В.И. Великий почин // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 1-29.

солидарности на классовой основе, а также инициацию коллективного действия в защиту общих интересов.

Сегодня происходит переход от вертикальных (классовых) к горизонтальным и сетевым антагонизмам. Этот переход встроен в архитектуру ГКТС. Цифровые платформы создают горизонтальные сети, в которых конфликты разворачиваются не между классами, а между информационными сообществами, алгоритмическими фильтр-пузырями¹⁶⁹, идентитарными группами. Алгоритмы рекомендаций формируют эхо-камеры, внутри которых пользователи усиливают свои убеждения, но оказываются изолированными от других групп. Это порождает не вертикальное классовое противостояние (рабочие против капиталистов), а горизонтальную фрагментацию (феминистки против антифеминистов, веганы против мясоедов, левые против правых, сторонники вакцинации против антипрививочников и т.д.), где платформы выступают невидимыми архитекторами этих конфликтов, извлекая прибыль из вовлеченности и поляризации.

Но трансформация социально-политических антагонизмов не означает их полного исчезновения. Ранее мы предположили, что посткапитализм вряд ли станет системой, лишенной социальных, экономических или политических противоречий. Скорее, происходит усложнение этих антагонизмов, их переплетение с новыми факторами противоречий и включение в более сложную, многослойную и широкую экосистему социальных конфликтов. Экономическое неравенство, концентрация богатства, эксплуатация труда продолжают оставаться значимыми факторами социально-политической напряженности, но их проявления становятся более многообразными и менее очевидными. Так, сбор и монетизация пользовательских данных цифровыми платформами, возможно, представляет собой новую форму «мягкой» эксплуатации, при которой сам пользователь бесплатно и добровольно создает ценность, присваиваемую владельцами платформ.

¹⁶⁹ «Что такое информационный пузырь, как он формируется и чем опасен?». – Sdelano Media. URL: <https://sdelano.media/inforuzir/> (дата обращения 01.10.2025).

В связи с этим, мы считаем, сегодня происходит смещение от контроля над материальным производством к контролю над знаниями, технологиями, биологической жизнью и глобальными процессами. Эти четыре фактора антагонизмов формируют новые матрицы борьбы за власть и субъектность, где основные линии разлома проходят по границам доступа к цифровым платформам, технологической автономии, биологическому самоопределению и глобальному перераспределению ресурсов. В связи с этим, выделим четыре базовых типа социально-политических антагонизмов в условиях формирующегося посткапиталистического перехода, которые напрямую вытекают из структуры и логики функционирования ГКТС:

1. Когнитивно-информационные антагонизмы, возникающие из датафикации и алгоритмизации – механизмов, превращающих внимание, знания и данные в объекты контроля и эксплуатации;
2. Технополитические антагонизмы, рождающиеся из самой архитектуры цифровых платформ и борьбы за контроль над информационной инфраструктурой;
3. Биополитические антагонизмы, проистекающие из биометризации власти и управления телесностью через цифровые технологии;
4. Глобальные антагонизмы, возникающие из транснациональной природы платформ и конфликта с национальными государствами.

Рассмотрим все четыре типа более подробно.

Когнитивно-информационные антагонизмы прямо вытекают из природы функционирования ГКТС. В системе ГКТС информация, внимание, когнитивные способности превращаются в ресурсы, которые собираются через цифровые платформы (клики, лайки, репосты, поиск – все фиксируется), обрабатываются алгоритмами для создания пользовательских профилей, монетизируются через таргетированную рекламу и продажу данных и используются для контроля через предиктивную аналитику и манипуляцию поведением. В общем виде это есть проявление механизма датафикации.

Такая логика порождает новые формы эксплуатации, кардинально отличные от классического извлечения прибавочной стоимости из физического труда. Поэтому объектами эксплуатации в цифровой экономике становятся:

1. Внимание пользователей, которое постепенно превращается в эффективный экономический ресурс в рамках, так называемой, «экономики внимания»¹⁷⁰;
2. Данные пользователей, генерируемые ими в процессе повседневной цифровой активности;
3. Коллективное знание и интеллект, формирующиеся в процессе социального взаимодействия.

Особую значимость приобретают конфликты вокруг права на информацию, цифрового суверенитета и интеллектуальной собственности. Как правило, эти конфликты разворачиваются в нескольких измерениях (см. Приложение 1).

Развитие Интернета и социальных сетей не только породило новые противоречия, но и включило в когнитивно-информационные антагонизмы уже существующие социальные различия. Сегодня наблюдается широкий спектр позиций: от людей, обладающих развитыми когнитивными способностями, критическим мышлением и навыками самостоятельной обработки информации, до тех, кто в силу различных причин больше полагается на готовые информационные конструкторы и потребление созданного кем-то контента. Социальные группы, способные развивать индивидуальную субъектность, личностную автономию, формировать собственные смыслы и креативно применять новые технологии для расширения когнитивных возможностей (при сохранении субъектной позиции по принципу «mind worker»¹⁷¹), безусловно, занимают выигрышные позиции в

¹⁷⁰ Шастико А.Е., Моросанова А.А., Маркова О.А. Экономика внимания: вопросы применения // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 7-23.

¹⁷¹ Соловьев А. Капиталистический идеализм и рынок утопических микронарративов. – Insolarance. URL: <https://insolarance.com/capitalist-idealism/> (дата обращения 26.10.2025).

складывающейся системе новой социальной стратификации. Те же, кто предпочитает, преимущественно, пассивно потреблять информацию с тенденцией к снижению субъектности, рискуют попасть в ситуацию размывания личностной идентичности и зависимости от внешних информационных конструкторов. Они, скорее, подчиняются технологиям, чем используют их.

Выигрышная позиция индивида уже в недалеком будущем будет зависеть, по нашему мнению, от трех основных факторов:

1. Медиапотребление – умение выстраивать собственную информационную экосистему, критически отбирая источники и сопоставляя разные точки зрения, избегая информационных пузырей и эхо-камер.

2. Образование – умение формировать индивидуальные образовательные траектории, комбинируя при этом разные источники знаний и самостоятельно оценивая их качество.

3. Социальное взаимодействие – успешной стратегией является сохранение личностной автономии и субъектности в онлайн-коммуникациях в то время, как растворение в групповой идентичности ведет к аутсайдерству.

Цифровые технологии играют двоякую роль в этом процессе. С одной стороны, они, безусловно, усиливают когнитивное неравенство через саму возможность креативно и творчески применять потенциал цифровых инноваций для личностного развития. Но, с другой стороны, те же технологии открывают беспрецедентный доступ к образовательным ресурсам и медиаинструментам. Политические последствия этого заключаются в том, что демократические институты постепенно оказываются под давлением, поскольку традиционные механизмы политического участия и представительства не учитывают новое информационное и когнитивное неравенство, а электоральные процессы все больше зависят от способности политических акторов управлять цифровыми нарративами и манипулировать когнитивно уязвимыми социальными группами.

Технополитические антагонизмы представляют собой особую категорию социально-политических противоречий, возникающих на пересечении технологического развития и политических интересов различных субъектов. Они напрямую связаны с архитектурой дата-центричной власти. Как мы показали ранее, ГКТС функционирует через централизованные платформы, монополизирующие доступ к данным и инфраструктуре; алгоритмы, определяющие, что видят пользователи, какие принимают решения и т.д.; закрытые системы ИИ, контролируемые узким кругом корпораций. Эту архитектуру очень сложно назвать нейтральной, ведь она воплощает определенные ценности, интересы и модели власти. Отсюда возникают антагонизмы, концентрирующиеся вокруг вопросов о том, какие технологии должны развиваться, кто должен контролировать их разработку и внедрение, какие ценности и интересы должны быть воплощены в технологической инфраструктуре общества.

Одним из ключевых технополитических противоречий современности является идеологический конфликт между акселерационистами и неолуддистами. Акселерационизм исходит из того, что технологическое развитие следует не сдерживать, а, напротив, ускорять, используя инновационный потенциал технологий для преодоления капитализма. С точки зрения левого акселерационизма, автоматизация и цифровизация должны быть доведены до своего максимального и логического пределов, что позволит освободить человечество от рутинного труда и создать основу для более справедливого распределения общественного богатства.

В свою очередь, правый акселерационизм (например, движение E/acc¹⁷²) предлагает более радикальную интерпретацию, рассматривая технологическое ускорение как процесс, неизбежно ведущий к созданию постчеловеческих форм интеллекта, превосходящих ограничения человеческого разума и общества. Правый акселерационизм, в особенности

¹⁷² «Прибыль любой ценой? Смелая позиция эффективного акселерационизма в отношении искусственного интеллекта и человечества». URL: <https://www.cryptopolitan.com/ru/effective-accelerationisms-stance-on-ai-and-humanity/> (дата обращения 26.10.2025).

«эффективный акселерационизм», выступающий за агрессивное внедрение технологических инноваций, не сдерживаемых опасениями по поводу их возможных негативных эффектов, в 2020-е гг. получил мощную поддержку компаний, занимающихся развитием ИИ¹⁷³.

В противоположность акселерационизму, современные неолуддистские течения выражают глубокий скептицизм относительно неограниченного технологического развития¹⁷⁴. Они указывают на экологические риски для окружающей среды, угрозы приватности, вероятность тотальной безработицы в связи с полномасштабной автоматизацией и роботизацией, монополизацию власти в руках технологических корпораций, а также поднимают вопросы автономии и психологического благополучия человека. Неоллудизм не является сегодня однородным явлением и включает в себя различные направления: от радикальных «технофобов», выступающих за отказ от современных технологий в пользу более примитивных и традиционных решений, до умеренных критиков, призывающих к более осмысленному и этически ответственному подходу к технологическому развитию.

Исследователь синтеза политики и технологий, философ Л. Виннер¹⁷⁵ подчеркивает, что технологические артефакты в любом случае обладают политическими качествами, то есть воплощают формы власти и авторитета, способствуют одним типам человеческих отношений и препятствуют другим. Следовательно, вопрос о технологическом развитии – это всегда вопрос о том, какие типы политического и социального порядка человечество стремится создать.

Противоречие между сторонниками акселерации технологий и неоллудистами началось еще в конце XX века. Сегодня же противостояние заключается, в основном, в активных политических дебатах вокруг таких

¹⁷³ «Заметки о принципах и постулатах эффективного акселерационизма» – Insolarance. URL: <https://insolarance.com/eacc/> (дата обращения 26.10.2025).

¹⁷⁴ Дулатова Н.В. Неоллудизм: историко-правовое размышление // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 55-60.

¹⁷⁵ Winner L. Do Artifacts Have Politics. 2017. URL: <https://paperap.com/paper-on-langdon-winner-do-artifacts-have-politics-43/> (дата обращения 31.10.2025).

прорывных технологий, как ИИ, геновая инженерия и биотехнологии. Акселерационисты видят в этих инновациях инструменты эмансипации, расширения человеческих возможностей и решения глобальных проблем. Неолуддисты указывают на риски неконтролируемого развития, непредвиденных последствий, закрепления или эволюции существующих форм неравенства и социально-политического доминирования.

Однако на этом антагонизмы в русле технополитических противоречий не заканчиваются. Сегодня приобретают особую остроту дискуссии и конфликты вокруг архитектуры технологических систем и политических импликаций. Как уже было отмечено, архитектуру технологических систем вряд ли можно считать политически нейтральным феноменом. Она всегда воплощает определенные ценности, интересы и представления о желательном социальном порядке. Закономерно, что на заре нового, шестого технологического уклада и посткапиталистической трансформации разворачиваются острые конфликты вокруг того, какие ценности и принципы должны быть заложены в архитектуру новых технологических систем, формирующих основу общественного устройства.

Американский профессор права Л. Лессинг¹⁷⁶, сформулировал когда-то принцип «код – это закон», подразумевая, что программный код и существующая технологическая архитектура регулируют поведение людей не менее эффективно, чем фундаментальные юридические нормы. Этот тезис приобретает особое значение в эпоху, когда повсеместное внедрение алгоритмов и ИИ меняет системы социально-политического управления.

Ключевые противоречия в этой сфере заключаются сегодня в следующем:

1. Конфликт между моделями проектирования, ориентированными на максимизацию прибыли и коммерческой эффективности, и моделями, ориентированными на общественное благо, социальную справедливость или демократические ценности;

¹⁷⁶ Lassing L. Code and other laws of cyberspace. NY.: Basic Books, 1999. 297 p.

2. Противоречия между дизайном систем, ориентированным на безопасность и контроль, и дизайном, акцентирующим внимание на свободе и инновациях;

3. Напряжение между универсальными стандартизированными технологическими решениями и локализованными, культурно специфичными подходами (глобальные технологические платформы часто навязывают единообразные модели взаимодействия, не учитывающие культурное разнообразие и локальные контексты).

Еще одним фундаментальным противоречием посткапиталистического перехода становится противостояние между централизацией и децентрализацией технологической организации. Централизованная модель технологического развития характеризуется концентрацией контроля над ключевыми цифровыми инфраструктурами в руках корпораций и государства. Она заключается в доминировании на рынке платформенных гигантов, монополизировавших различные сегменты цифровой экономики. Крупные технологические компании (Microsoft, Apple в США, Tencent, Baidu в Китае) создают закрытые экосистемы, контролируют доступ к данным, инфраструктуре и рынкам, устанавливают правила для других участников экономической деятельности. Централизованная модель гарантирует и обеспечивает эффективность, масштабируемость, стандартизацию и предсказуемость. Однако именно эта модель порождает проблемы, связанные с монополизацией, нарушением приватности пользователей, цензурой и информационным манипулированием.

Децентрализованная модель, напротив, стремится к распределению контроля и власти между множествами независимых участников. Она воплощается в таких технологиях, как блокчейн, распределенные реестры, пиринговые сети, свободно распространяемые открытые платформы (например, Mastodon для создания децентрализованных социальных сетей), открытое ПО, проекты по типу WikiLeaks. Децентрализованные системы минимизируют роль центральных посредников, рассеивая виды власти,

обеспечивая большую устойчивость к цензуре и манипуляциям, повышая приватность и автономию пользователей.

В посткапиталистической перспективе ключевой вопрос данного противоречия заключается в том, смогут ли децентрализованные технологии создать основу для более эгалитарных и демократических форм экономической организации, избегая при этом чрезмерной криптоанархизации и обратной тенденции к централизации внутри декларативно децентрализованных систем. Ведь существуют прямые угрозы того, что со временем они будут кооптированы и интегрированы в прежние капиталистические структуры, воспроизводя и усиливая существующие неравенства.

Посткапиталистическая трансформация характеризуется и новыми формами управления телесностью, биологическими процессами и самой жизнью. Биополитические антагонизмы представляются особенно интересными, так как включают в себя совершенно новые форматы эксплуатации и неравенства. Они вырастают из биометризации власти (когда дата-центричная власть, не ограничиваясь сбором информации о поведении, проникает «в тело», превращая биологические характеристики в объекты идентификации, контроля и коммерциализации). Эти антагонизмы разворачиваются вокруг следующих ключевых проблем: биометрического надзора и управления телесностью; приватности и контроля над биоданными; режимов субъективации в цифровую эпоху.

Биометрический надзор представляет собой совокупность технологий, позволяющих идентифицировать и контролировать индивидов на основе их уникальных биологических и поведенческих характеристик¹⁷⁷. Сегодня биометрические данные представляют особую ценность, поскольку они способны открывать доступ к самым интимным аспектам человеческого существования. В отличие от традиционных форм идентификации

¹⁷⁷ «Каранкевич М. Технологии биометрического контроля. Часть 1. Что предлагает рынок» - Журнал «Системы безопасности». URL: <https://www.secuteck.ru/articles/tekhnologii-biometricheskogo-kontrolya-dostupa-chast-1-chto-predlagaet-rynok> (дата обращения 14.11.2025).

(документы, пароли, электронные ID), биометрия не может быть отделена от тела субъекта, что создает новую ситуацию политического характера: тело само становится паролем, идентификатором, точкой пересечения властных отношений.

Основные конфликты в области биометрического надзора сегодня включают:

1. Противостояние между государственной безопасностью и гражданскими свободами. Государства по всему миру внедряют масштабные системы биометрического контроля, обосновывая это борьбой с терроризмом, преступностью, обеспечением общественной безопасности в условиях угрозы новых пандемий. Показательным примером является китайская система социального кредита, интегрирующая распознавание лиц, анализ поведения и другие инструменты наблюдения, или же уникальные, но беспрецедентные для каждой страны ограничения в свободном передвижении во время COVID-19. В ответ формируются движения сопротивления биометрическому контролю: от ковид-диссидентов, антипрививочников, правозащитных компаний и судебных исков до тактических практик «уклонения от распознавания».

2. Конфликт между коммерческой эксплуатацией биометрии и защитой достоинства личности. Корпорации активно используют пользовательскую биометрию для персонализации рекламы, управления потребительским поведением, оценки работников. Эти практики вызывают сопротивление со стороны правозащитных организаций, профсоюзов и активистов, отстаивающих право на телесную автономию и свободу от коммерческого мониторинга.

3. Противостояние между стандартизацией тел и телесным разнообразием. Биометрические системы основаны на нормативных представлениях о теле, что создает уже сегодня проблемы дискриминации и исключения для людей, чьи тела не соответствуют заложенным в алгоритмы

нормам. Исследования SkillBox Media показывают¹⁷⁸, что системы распознавания лиц менее точно работают с людьми, имеющими темный цвет кожи, пожилыми и людьми с нетипичной внешностью, или же вовсе дискриминируют граждан по гендерным основаниям.

Управление телесностью сегодня выходит далеко за рамки простого наблюдения и включает активное вмешательство в биологические процессы через фармакологические, генетические, цифровые технологии. В настоящее время формируется чрезмерно сексуализированная социальная система, в которой производство субъективности осуществляется через активный прием бимолекулярных препаратов (гормоны, психофармацевтика) и использование семиотико-технических процессов (масштабное производство порнографии, легкодоступность сексуализированного контента, генерация цифровых и массмедийных образов идеальных людей).

В этом контексте тело становится не просто объектом наблюдения, но полем экспериментов и трансформаций, направленных на повышение привлекательности, продуктивности, оптимизацию аффективных состояний, усиление когнитивных способностей. Возникают новые практики так называемого «биохакинга» и самооптимизации, размывающие границы терапией и восстановлением «нормы жизни» и «сверхнормы».

Контроль над биоданными – одна из будущих форм эксплуатации в посткапитализме, которая менее очевидна, нежели чем классическое финансовое неравенство. Сбор и анализ биоданных сегодня происходит повсеместно: от добровольных и принудительных медицинских тестов и секвенирования ДНК, до постоянного сбора информации со стороны носимых человеком устройств (смартфоны, умные часы, браслеты, кольца, датчики), компьютеров с доступом через дактилоскопическую идентификацию, «умных домов» и онлайн-активности в социальных сетях.

¹⁷⁸ «5 случаев, когда система распознавания лиц едва не разрушила жизнь человека по ошибке» – SkillBox Media. URL: <https://skillbox.ru/media/business/5-sluchaev-kogda-sistema-raspoznavaniya-lits-edva-ne-razrushila-zhizn-cheloveka-po-oshibke/> (дата обращения 14.11.2025).

Добыча ценности из живого опыта индивида-потребителя является политической и коммерческой инновацией, где тело и его данные становятся новым объектом эксплуатации и извлечения прибыли. Это качественно иной этап отношений, который трудно вписать в капиталистические рамки. В капитализме потребление изолируется от производства ценности и рассматривается как конечная точка экономических отношений. Однако сегодня само потребление превращается в дополнительную форму производства, где объект извлечения прибыли – эмоции, жизненный опыт, внимание, социальные связи, форма и особенности тела. Происходит коммодификация ранее не коммерциализированных аспектов человеческого существования.

Борьба за биоданные разворачивается в нескольких измерениях:

1. Нормативно-правовое: формируются различные режимы управления биоданными – от строгих ограничений сбора и использования чувствительной информации (как в Общем регламенте защиты данных Европейского Союза¹⁷⁹ - GDPR) до более неолиберальных подходов, отдающих предпочтение коммерческому и научному анализу данных (например, в США, где нет единого федерального закона о защите данных, подобного европейскому GDPR).

2. Измерение экономических моделей использования биоданных: противостояние разворачивается между экстрактивными моделями, в которых корпорации бесплатно собирают данные пользователей и монетизируют их без адекватной компенсации (например, компании 23andMe, Google Health), и альтернативными подходами. Среди последних примечательны кооперативы данных (MIDATA.coop, Salus Coop) где пользователи коллективно управляют своими данными; персональные хранилища данных (проект Solid; Digi.me), обеспечивающие индивидуальный пользовательский контроль над данными;

¹⁷⁹ Перевод Регламента General Data Protection Regulation (GDPR) Европейского Союза. URL: https://rpra.pro/_media/world/gdpr.pdf (дата обращения 14.11.2025).

рынки данных, где пользователи имеют возможность продавать информацию о себе (в основном, в области медицинских и биотехнологий).

3. Инфраструктурное и технологическое обеспечение приватности: противостояние технологий «приватности по дизайну», обеспечивающих защиту пользовательских данных на уровне архитектуры систем и технологических решений, направленных на деанонимизацию и реидентификацию, позволяющих извлекать персональную информацию даже из анонимизированных наборов данных.

Экзистенциально сложными являются антагонизмы, зарождающиеся между различными режимами субъективации в цифровую эпоху. Уже очевидно, что формирование посткапитализма сопровождается глубокими изменениями в процессах генерации субъективности – способах, которыми индивиды конституируют себя в качестве субъектов познания, самопрезентации, действия, морали. Посткапиталистический переход через цифровую революцию дополняет классические режимы субъективации, базирующиеся на дисциплинарных практиках, национальной идентичности, трудовой этике, нуклеарной семье, новыми формами производства субъективности, связанными с цифровыми технологиями, платформенной экономикой, виртуальными сообществами.

Человеческая память, чувства, внимание, социальные связи, когнитивные процессы, политические действия все больше опосредуются алгоритмами и платформами, что формирует амбивалентное значение технологии – как одновременно яда и лекарства, угрозы и спасения, возможности и риска. Избыток цифровых биоданных и программных средств для их анализа глубоко влияет на то, как люди создают социально-политические категории и конструкты, как участвуют в политическом процессе, как сортируют себя и окружающих.

Посткапиталистическая трансформация генерирует ряд микронарративов, вплетенных в современное производство, стимулирующих человека к избыточному потреблению, постоянному саморазвитию и

наслаждению ради собственной выгоды и личного проекта самореализации. Это становится возможно благодаря распространению механизмов психополитики и нейронального насилия¹⁸⁰ над индивидом, ведущих к институционализации нейролиберальной системы¹⁸¹ (или постнеолиберальной¹⁸²) управления обществом через нарративы и дискурсы, транслируемые посредством современных каналов и систем коммуникации. Эта нейроцифровая парадигма управления создает иллюзию свободы выбора, маскируя глубинные механизмы контроля через «персонализированные информационные коконы» и предиктивную аналитику поведения. Алгоритмические системы не просто отражают, но и активно формируют предпочтения, убеждения, желания, замыкая субъекта в петле новых микронарративов об успехе, моде, жизненных ценностях, делая каждое его действие предсказуемым для компаний, платформ, государства.

Основные противоречия в области субъективации включают несколько ключевых антагонизмов. Во-первых, это конфликт между алгоритмической и автономной субъективностью. Цифровые платформы предлагают готовые шаблоны идентичности, моделей поведения, эстетических предпочтений (например, через приложения по типу Pinterest), основанные на анализе биоданных и оптимизированные для определенных целей (коммерческих, политических, социальных). Пользователи часто неосознанно усваивают эти шаблоны, воспринимая их как результаты собственного выбора. Параллельно этому формируются противоположные практики цифрового самоопределения, направленные на восстановление автономии в цифровой среде: от использования инструментов защиты приватности (прокси-серверы, VPN), до альтернативных цифровых инфраструктур и практик «цифрового детокса».

¹⁸⁰ Хан Б.Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2025. 150 с.

¹⁸¹ Whitehead M., Jones R., Lilley R., Pykett J., Howell R. Neuroliberalism: Behavioural Government in the Twenty-First Century. Routledge, 2017. 236 p.

¹⁸² Костокрызов П.И. Глобальный поворот от неолиберальной к постнеолиберальной правительности и контуры новой нормальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 236-246.

Во-вторых, из первого антагонизма напрямую вытекает сопутствующий – противоречие между индивидуальной и коллективной субъективностью. Это противоречие заключается в том, что цифровая среда одновременно усиливает индивидуализацию (персонализированный контент, микротаргетинг, культ «личного бренда») и создает новые формы коллективности (краудсорсинг, виртуальные сообщества, сопричастность к сетевым трендам и челленджам). Возникает то, что политический философ П. Вирно назвал «множеством» – формой коллективности, не сводимой ни к единству народа, ни к фрагментации индивидов¹⁸³. В этом множестве субъективность формируется на пересечении личного и коллективного, в непрерывных процессах объединения и разъединения. Примерами здесь могут служить хакерские группировки, феминистические сообщества, террористические сети, в которых индивидуальная субъектность неотделима от коллективных практик и идентичностей.

Все это порождает то, что мы можем назвать «парадоксом одиночества» – то есть сочетанием беспрецедентной технологической гиперсвязанности и глубокого экзистенциального отчуждения. Несмотря на постоянное (24/7) подключение к цифровым сетям, непрерывную коммуникацию и думскроллинг, современный субъект все чаще переживает чувства глубокой изоляции, отчуждения и непонятности. Как отмечает М. Федорченко, «особенно это проявляется в пространстве цифровой коммуникации, где либидинальная экономика скроллинга соседствует с соцсетевым отчуждением»¹⁸⁴, называя такое состояние современного индивида «цифровой меланхолией». Социолог Ш. Теркл¹⁸⁵ описывает этот парадокс таким образом, что технологическая связанность усиливает эмоциональную разобщенность. Индивид ощущает себя одиноким в гиперсвязанном обществе. Окруженный

¹⁸³ Бетева Н.В. Социально-философское значение политической теории множеств П. Вирно // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 39-41

¹⁸⁴ Федорченко М. Цифровая меланхолия от «экспериментов Лэйн» до YEULE. – Insolarance. URL: <https://insolarance.com/digital-melancholy/> (дата обращения 30.11.2025).

¹⁸⁵ Sh. Turkle. Alone together Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. NY.: Basic Books, 2011. 379 p.

симуляциями близости, он обнаруживает фундаментальную недостаточность этих связей для удовлетворения глубинной человеческой потребности во встрече с другими.

Политические импликации этого парадокса для посткапитализма значительны. Одиночество способно стать не только масштабной психологической и экзистенциальной проблемой, но и серьезным политическим вызовом. Атомизированные, изолированные субъекты, несмотря на их формальную связанность, затрудняют формирование подлинной солидарности, необходимой для коллективного политического действия. Посткапитализм рискует сгенерировать иллюзию участия и сообщества, которая фактически подрывает возможность реальной политической мобилизации. Это чревато тем, что активный гражданский и политический потенциалы трансформируются в индивидуальные практики потребления и самоидентификации, не угрожающие системным противоречиям.

Наконец, мы должны отметить, что формирование посткапитализма разворачивается сегодня не в абстрактном глобальном пространстве, а в условиях географических, исторически и культурно обусловленных различий между регионами, государствами и цивилизационными общностями. Эти различия, а также феноменология ГКТС, порождают серию глобальных антагонизмов, которые определяют траектории посткапиталистической трансформации и ландшафт геополитических процессов:

1. Противоречия между глобальными технологическими платформами и национальными государствами.
2. Новые формы цифрового колониализма и борьба за технологический суверенитет.
3. Экологические антагонизмы.

Первые характеризуется тем, что посткапиталистический переход обусловлен фундаментальным противоречием между транснациональной природой цифровых платформ и территориально ограниченным

суверенитетом национальных государств. Формирование ГКТС не представляет собой линейный и бесконфликтный процесс. Напротив, концентрация дата-центричной власти в руках транснациональных платформ неизбежно порождает новый тип конфликтов, обусловленных фундаментальным противоречием между детерриториализированной логикой функционирования платформ и территориальной логикой национального государства. Это противоречие не отрицает тенденцию формирования ГКТС, но представляет собой имманентную форму ее существования и развития через конфликты различных институциональных моделей политик цифровой трансформации. Глобальные технологические компании создают новую форму власти – платформенный суверенитет, конкурирующий с традиционным государственным в следующих аспектах:

Таблица 7

Противоречия между глобальными технологическими платформами и национальными государствами¹⁸⁶

Аспект противоречия	Интересы глобальных платформ	Интересы национальных государств
Налоговое и регуляторное поле	<ol style="list-style-type: none"> 1. Минимизация налоговой нагрузки через транснациональную структуру; 2. Избегание жестких регуляторных ограничений; 3. Унификация правил для глобального масштабирования. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Защита национальной налоговой базы; 2. Сохранение регуляторного суверенитета; 3. Адаптация законодательства к цифровой экономике.
Управление данными	<ol style="list-style-type: none"> 1. Централизованный контроль над данными; 2. Трансграничное перемещение информации; 3. Защита конфиденциальности пользователей как конкурентное преимущество. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Широкий доступ к данным в целях защиты системы национальной безопасности; 2. Локализация систем хранения данных граждан; 3. Информационный суверенитет.
Системы управления	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание собственных механизмов регулирования (модерация, рейтинги, разрешения споров); 2. Алгоритмическое управление цифровыми взаимодействиями. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сохранение государственной монополии на правоприменение; 2. Демократический контроль над управленческими механизмами.

¹⁸⁶ Составлено на основе: Ушаков Д.С., Подольская Т.В. Экономика потока против экономики территории исторические корни современного конфликта государств и платформ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2026. № 1. С. 7-24; Байгулов Р.М. Цифровая геополитика данных: как инструменты искусственного интеллекта определяют границы экономического влияния и государственного суверенитета // Вестник Университета мировых цифровизаций. 2025. № 4 (49). С. 94-100; Кузьмин В.А., Портанский А.П. Влияние глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике на примерах ряда развитых и развивающихся стран // Вестник международных организаций. 2022. № 4. С. 148-175.

Информационное пространство	<ol style="list-style-type: none"> 1. Глобальные стандарты модерации контента; 2. Максимизация вовлеченности пользователей; 3. Минимизация репутационных рисков. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Защита национального информационного пространства; 2. Продвижение государственных нарративов; 3. Контроль над политическим дискурсом.
-----------------------------	---	--

Составлено автором.

В попытке разрешить эти противоречия формируются различные модели взаимодействия: от конфронтационных (цензура, блокировки, штрафы) до кооперативных (цифровое государственно-частное партнерство, совместное регулирование, технологические альянсы, диверсификация отношений государства и сферы BigTech до тенденции симбиоза в ГКТС).

Помимо этого, посткапиталистическая трансформация воспроизводит и модифицирует колониальные отношения в цифровой форме. Цифровой колониализм представляет собой систему технологических, политико-экономических и культурных отношений, при которой технологические центры планеты (США, Китай, ЕС) доминируют над периферией, извлекая данные, контролируя цифровую инфраструктуру и формируя технологическую зависимость:

Таблица 8

Основные направления цифрового колониализма¹⁸⁷

Направление цифрового колониализма	Содержание направления
Экстракция данных	Сбор и использование данных пользователей из стран Глобального Юга без адекватной компенсации и контроля со стороны национальных правительств
Инфраструктурная зависимость	Контроль центров над ключевыми компонентами цифровой инфраструктуры (облачные сервисы, подводные кабели, ОС, платежные системы)
Технологическая монокультура	Распространение гомогенных технологических решений, разработанных в соответствии с ценностями и потребностями технологических центров,

Составлено автором.

¹⁸⁷ Кубанцева Е.В. Искусственный интеллект как ресурс цифрового неоколониализма и его влияние на цифровой суверенитет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2026. № 1. С. 101-109; Бучинская О.Н. Цифровая колонизация – новое явление мировой экономики // Экономическая наука современной России. 2024. № 3 (106). С. 78-92

В ответ на цифровой колониализм сегодня формируются движения за технологическую независимость и цифровой суверенитет, принимающие различные формы: государственные инициативы по развитию собственных технологических и национальных инновационных систем, национальные модели регулирования ИИ, региональные альянсы для создания альтернативных технологических стандартов.

Последний вид социально-политических антагонизмов, которые подлежат анализу – экологические антагонизмы. Посткапитализм формируется на фоне обостряющегося экологического кризиса, вызванного агрессивными формами капиталистической индустриализации и чрезмерным потреблением, создавая сложные противоречия между технологическим развитием и экологической устойчивостью. Цифровые технологии одновременно выступают как источник экологических проблем и как потенциальное средство их решения:

Таблица 9

Содержание экологических антагонизмов

Экологический антагонизм	Содержание антагонизма
Противоречие между цифровой дематериализацией и материальной инфраструктурой	Несмотря на видимую виртуальность, цифровая экономика требует масштабной материальной инфраструктуры (дата-центры, сети, устройства), потребляющие значительные ресурсы и энергию. Например, дата-центры потребляют 1,5-2 % мировой электроэнергии ¹⁸⁸ , а производство микроэлектроники (необходимой для ИИ) связано с добычей редкоземельных металлов и других ресурсов.
Напряжение между эффективностью и «эффектом отскока»	Цифровые технологии позволяют оптимизировать использование ресурсов (умные сети, оптимизация логистики, энергоэффективные системы), но данная оптимизация часто приводит к увеличению общего потребления из-за снижения стоимости и расширения доступности услуг – «эффект отскока».
Напряжения между экономикой роста и экологическими ограничениями	Цифровая экономика ориентирована на новые формы непрерывного роста, требующих непрерывного увеличения производства устройств, инфраструктуры, выработки энергии, что противоречит планетарным границам. Возникает фундаментальный вопрос о возможности устойчивого цифрового развития или необходимости перехода к цифровой достаточности.

¹⁸⁸ «К 2026 году потребление электроэнергии дата-центрами, ИИ и криптовалютами вырастет вдвое» - Overclockers. URL: <https://overclockers.ru/blog/Fantoci/show/134451/K-2026-godu-potreblenie-elektroenergii-data-centrami-II-i-kriptovaljutami-vyrastet-vdvoe> (дата обращения 02.12.2025).

Противоречия между экологическими проблемами и фрагментированным управлением	Экологические последствия цифровизации (электронные отходы, повышенное энергопотребление) имеют глобальный характер, однако управление цифровой трансформацией остается фрагментированным между национальными государствами, корпорациями, международными организациями.
--	--

Составлено автором.

Таким образом, посткапиталистическая трансформация радикально перекодирует матрицу социально-политических антагонизмов: на смену бинарной вертикальной оппозиции «труд-капитал» приходит многомерная топология конфликтов, где когнитивно-информационные противоречия переплетаются с технополитическими, биополитическими и глобальными антагонизмами. Эти четыре типа противоречий не заменяют традиционные формы эксплуатации и неравенства, но встраивают их в качественно иную систему власти – дата-центричную, где объектом присвоения становится сама жизнь во всей ее полноте: когнитивные способности, биологические данные, эмоциональное состояние, социальные связи. Ключевая специфика этих антагонизмов заключается в их имманентности архитектуре ГКТС: они не внешние препятствия системной трансформации, а внутренняя форма ее существования и развития, через которую посткапитализм одновременно конституирует новые субъектности и механизмы подчинения, создавая принципиально иное поле политической борьбы, где традиционные категории классового анализа, безусловно, требуют радикального переосмысления.

2.3. Идеологические (нормативные) проекты легитимации и институционального ограничения дата-центричной власти

Формирование государственно-корпоративного техно-субъекта и становление дата-центричной власти, описанные в предыдущих параграфах, представляют собой не только технологический или институциональный феномен, но и фундаментальный политико-идеологический вызов. Возникновение нового гибридного субъекта власти, аккумулирующего беспрецедентные возможности контроля, прогнозирования и модификации человеческого поведения на основе больших данных и алгоритмических

систем, неизбежно порождает вопрос о легитимности, целях и границах такой власти.

Этот вопрос, по нашему мнению, не является абсолютно философским относительно политического устройства ближайшего будущего. От ответа на него вполне зависят конкретные траектории институционального развития политических систем в условиях посткапиталистической трансформации, стратегии регулирования ИИ и больших данных, архитектура цифровых платформ, статус алгоритмических систем управления, распределение контроля над информационно-коммуникационными ресурсами.

На самом деле цифровые платформы очень сложно назвать нейтральными (в политическом смысле) техническими инфраструктурами. Все же каждая крупная платформа, которой мы сегодня пользуемся, будь то Яндекс, VK, Сбер в России, WeChat в Китае, YouTube или X в США воплощает в себе определенный политический проект, пакет ценностей или идеологическую установку. Аналогичным образом, ГКТС, как новая форма политической организации, не может быть нейтральным техническим феноменом – его формирование сопровождается столкновением различных идеологических интерпретаций, каждая из которых предлагает собственное видение того, каким должен быть посткапитализм, какова роль государства и корпораций в нем, каковы границы цифрового контроля и механизмы демократического участия.

В современной научной литературе можно выделить четыре основных идеологических проекта, предлагающих различные ответы на вызовы, формируемые ГКТС и дата-центричной властью: технолибертарианство, цифровой социализм, технореакционизм и технопрогрессивизм. Рассматриваемые идеологические направления, конечно, не используют термин «государственно-корпоративный техно-субъект» или «дата-центричная власть», однако именно они структурируют современные политические дебаты о соотношении государственной и корпоративной власти в условиях цифровизации, формулируя альтернативные ответы на

вопросы о легитимности концентрации данных, допустимости и эффективности алгоритмического управления и желаемой институциональной архитектуре системы, отличной от индустриального капитализма. При этом данная идеологическая борьба не ограничивается академическими дискуссиями – она находит отражение в конкретных политических требованиях, регуляторных инициативах, технологических проектах и социальных движениях.

Считаем важным сделать методологическое уточнение. Современность примечательна тем, что ее общественно-политические противоречия приобретают многомерный и гибридный характер, пересекая традиционные идеологические границы и образуя новые, иногда ситуативные, иногда устойчивые коалиции¹⁸⁹. Трансформация ресурсной базы политической власти и формирование антагонизмов дата-центричной власти (как ее разновидности) создают принципиально новый контекст для идеологической борьбы. Если классические идеологические противостояния XX века (либерализм vs. социализм, капитализм vs. коммунизм) разворачивались вокруг вопроса о контроле над материальными средствами производства и распределения, то современная идеологическая борьба концентрируется вокруг контроля над нематериальными ресурсами власти. Это означает, что традиционные идеологические категории (например, рынок, государство, труд, класс, свобода, собственность) требуют фундаментального переопределения в контексте цифровой онтологии власти. В результате происходит как переосмысление классических идеологий эпохи модерна (либерализма, социализма, консерватизма), так и формирование принципиально новых идеологических конфигураций, отражающих специфику посткапиталистических противоречий и возможностей. Иными словами, происходит рекомбинация идеологических элементов.

¹⁸⁹ Макаров А.С. Европейский социум: социальная проблематика через идеологическое отражение // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-sotsium-sotsialnaya-problematika-cherez-ideologicheskoe-otrazhenie> (дата обращения 12.12.2025).

Традиционные идеологические пакеты распадаются, а их идеологические элементы рекомбинируются в новые конфигурации.

Рассмотрим последовательно каждый из четырех идеологических проектов, уделяя особое внимание их отношению к ГКТС, предлагаемыми стратегиям трансформации дата-центричной власти и конкретным примерам политической реализации.

Технолибертарианство представляет собой идеологический синтез классического либертарианства, основными ценностями которого являются свободный рынок, рыночная координация, индивидуальная свобода¹⁹⁰ и технологический утопизм¹⁹¹ – современная вера в то, что технологии способны решить политические проблемы, которые не удалось преодолеть институциональными методами социальной организации.

В отличие от традиционного либертарианства, критикующего исключительно государство, технолибертарианцы видят проблему в слиянии государственной и корпоративной власти – симбиозе, при котором корпорации становятся инструментами наблюдения, обеспечения цензуры и социального контроля. Однако их критика корпораций носит ограниченный характер: проблематичны не корпорации как таковые, а сотрудничество с государством. Для технолибертарианства с момента выхода в 1988 году «Манифеста криптоанархизма» под авторством компьютерного инженера Тимоти С. Мэй, новой движущей силой политической мысли о построении общества без государства стали информационные технологии¹⁹². Так, Тимоти Мэй пишет: «Подобно тому, как технология печати изменила и уменьшила власть средневековых гильдий и структуру социальной власти, точно так же криптологические методы фундаментально изменят природу корпораций и государственного вмешательства в экономические операции»¹⁹³.

¹⁹⁰ Ремизов В.А., Тихонова В.А., Садовская В.С. Либертарианство как постмодернистский социопроект // Вестник МГУКИ. 2024. № 3 (119). С. 14-20.

¹⁹¹ Равочкин Н.Н., Сухов Ю.П. Трансформация идей утопистов в современном мире: социально-философский анализ // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2025. № 1. С. 179-189.

¹⁹² Волков В.В. Глубинное государство и революция технооптимистов // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 4. С. 27–37.

¹⁹³ Тимоти С. Мэй. Криптоанархический манифест. URL: <https://janberg.by/kriptoanarxicheskiy-manifest/>

Из этой мысли вытекает ключевая стратегия технолибертарианства: не политическая борьба за ограничение межакторных симбиозов государств и частных технологических компаний через законы и институты, а своеобразный технологический подрыв – создание децентрализованных систем, которые сделали бы государственно-корпоративный контроль технически невозможным. В такой парадигме криптография и блокчейн важнее конституции, а протокол важнее закона.

Эту политическую философию можно систематизировать через несколько базовых принципов:

Таблица 10

Ключевые принципы технолибертарианства и отношение идеологии к ГКТС

Принцип	Содержание	Отношение к ГКТС
Информационный индивидуализм	Центральной ценностью информационного индивидуализма является автономия индивида в информационной среде, его право на приватность и контроль за своими данными	ГКТС нарушает приватность через массовую слежку (посредством государства) и извлечение данных (через корпорации), превращая индивидов в объекты контроля
Технологический детерминизм	Технологические инновации есть первичная движущая сила социально-политических изменений, ведущая к более свободному и процветающему обществу	Новые технологии неизбежно разрушат централизованный контроль, ГКТС – лишь временное препятствие
Рыночный сетевизм	Будущее основывается не на атомарных индивидах и собственности, а на сетевом рынке, состоящем из распределенных сетей и управляемом протоколами и алгоритмами вместо централизованных институтов	ГКТС основывается на централизованных иерархиях, пытающихся казаться сетевыми, но децентрализованные сети и протоколы делают его архитектурно неэффективным
Криптоанархизм	Создание и использование криптографических технологий для создания приватных, защищенных от государственного контроля пространств обмена и коммуникации	ГКТС – враг, которого необходимо подрывать через криптографию и анонимные сети, делающие наблюдение и контроль невозможными
Меритократический элитизм	Технологическая компетентность рассматривается как легитимная основа для системы формирования политических элит, принятия решений и социальной стратификации в целом	Амбивалентное отношение к ГКТС в том смысле, что критика политической легитимации симбиоза возможна, но корпоративное крыло технологических компаний фактически интегрируется в корпоративные иерархии ГКТС

Составлено автором.

По сути, технолибертарианство воплощает свои принципы в трех ключевых, однако не лишенных противоречий, направлениях, атакующих различные компоненты ГКТС. Первое такое направление – это создание криптовалют и DeFi (децентрализованных финансов). Оно подрывает государственную монополию на эмиссию денег и финансовых посредников. Так, появившийся в 2008 году Bitcoin создавался как деньги, независимые от государства, где блокчейн-технология делала транзакции необратимыми без доверенных посредников¹⁹⁴. А всевозможные DeFi- протоколы обещали финансовые услуги без банков и регуляторов через особые смарт-контракты. Однако здесь возникают противоречия. Оказалось, что децентрализованные финансы (по типу Terra LUNA) воспроизводят и усиливают финансовую нестабильность неолиберального капитализма¹⁹⁵, а криптовалюты оказались централизованы на практике – майнинг Bitcoin контролируется несколькими пулами, а торговля криптовалютами – централизованными биржами (например, Binance).

Второе направление – зашифрованные коммуникации. Такие проекты, как мессенджеры Signal, Matrix, анонимная сеть для обхода цензуры Tor, а также ранее считавшийся технолибертарианским (идеологически) мессенджер Telegram – атакуют или атаковали наблюдательный компонент ГКТС, делая перехват сообщений технически сложным или вообще невозможным. Однако технолибертарианцы не учитывают того, что подобными технологическими решениями пользуются как всевозможные радикальные диссиденты, так и преступники, включая террористов. Государства по всему миру сегодня требуют «бэкдор», но технолибертарианцы отказывают в подобном доступе (любой бэкдор, гипотетически, может быть взломан). Таким образом, конфликт остается неразрешимым и напрямую угрожает системам национальной безопасности.

¹⁹⁴ «История биткоина в цифрах: как менялась стоимость и курс криптовалюты по годам». Совкомблог. URL: <https://journal.sovcombank.ru/investitsii/istoriia-bitkoina-v-cifrax> (дата обращения 12.12.2025).

¹⁹⁵ Разбор Terra LUNA: от взлета до краха. Подробнее на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6847d6c39a79477637dee417?from=copy#p3> (дата обращения 12.12.2025).

Третье же направление – это децентрализованные автономные организации (DAO)¹⁹⁶ и Web3, которые создают альтернативу корпоративному контролю над интернетом. Эти технологии обещают пользователям владение собственными данными, вместо передачи их крупным коммерческим платформам. Однако и здесь имеются определенные противоречия. Как упоминалось ранее, любая технологическая инфраструктура не является нейтральной в политическом смысле. Так, DAO контролируются держателями токенов (цифровых активов, наделяющих пользователей правом участвовать в управлении и развитии проекта), Web3-платформы зависят от традиционной инфраструктуры, а NFT-токены, на которые ранее возлагались большие надежды, превратились в спекулятивный пузырь. Поэтому децентрализация часто остается фиктивной.

Очевидные технополитические противоречия отражают сегодня глубокий идеологический раскол в технолибертарианстве. Условное корпоративное крыло в лице таких крупных предпринимателей и «идеологов», как акселерациониста П. Тилья¹⁹⁷ или технооптимиста М. Андрессена¹⁹⁸, является набором случайных и противоположных (зачастую) политико-идеологических импульсов. Например, П. Тиль критикует государственное регулирование технологических корпораций, но при этом является создателем компании по сбору данных Palantir, тесно сотрудничающей с правительством США, поддерживает авторитарных политиков и критикует демократию. Тиль проповедует индивидуализм, но его философия порождает структуру, где личность растворяется в системе данных. Он выступает против бюрократии, но строит инфраструктуры, которые контролируют больше, чем любые институты¹⁹⁹.

¹⁹⁶ DAO простыми словами: модели управления, инструменты и роль токенов. Подробнее на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6926e1739a7947304f1cc662?from=copy> (дата обращения 12.12.2025).

¹⁹⁷ «Политическая философия Питера Тилья». Катехон. URL: <https://katehon.com/ru/article/politicheskaya-filosofiya-pitera-tilya> (дата обращения 12.12.2025).

¹⁹⁸ «Манифест технооптимиста Марка Андрессена». Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/771996/?ysclid=mkmdsp6xvw353841936> (дата обращения 12.12.2025).

¹⁹⁹ «Питер Тиль. Техноархитектор новой Америки». VC.RU. URL: <https://vc.ru/future/2297427-piter-til-ideolog-kontrolya-i-tehnoarhitektor-novoy-epokhi> (дата обращения 12.12.2025).

Крипто-анархистское крыло, например, разработчики криптовалюты Monero²⁰⁰ с бесконечной эмиссией (поскольку она не ограничена в выпуске)²⁰¹ критикуют как государство, так и корпорации, настаивая на радикальной децентрализации и приватности даже ценой конфликта с национальными правовыми системами стран. Ключевой императив этого направления – вопрос о том, как минимизировать государство и защититься от корпоративной власти? Они исключают монополизм и политическое перераспределение, однако не учитывают главного заблуждения либертарианцев, когда якобы свободный рынок ведет к справедливой конкуренции. Однако это идеологическое положение оспаривается тем, что, например, компания Meta²⁰² доминирует на рынке благодаря сетевым эффектам и контролю над данными, что объясняется как-раз свободным рынком и отсутствием регулирования в неолиберальной экономической политике США. Рынок без регулирования тяготеет к монополизации. Поэтому крипто-анархисты хоть и предлагают технологическую децентрализацию, практика показывает, что подобные меры не предотвращают централизации богатства и влияния. Без механизмов перераспределения неравенство усиливается.

Стратегия подрыва ГКТС сталкивается с фундаментальными проблемами: устранение государственной власти не приведет к свободе, а лишь заменит ее корпоративной и технологической властью (всевозможные «контрактные демократии» по этому принципу невозможны). Глобальные вызовы, такие как изменение климата или новые пандемии требуют коллективного действия, которое нельзя заменить индивидуальными технологическими решениями. К тому же влиятельные технолибертарианцы, такие как П. Тиль или И. Маск открыто поддерживают авторитарных

²⁰⁰ «Monero: За кулисами анонимности. Как работает криптовалюта нового поколения?». URL: <https://getblock.net/knowledgebase/monero-behind-the-scenes-of-anonymity-how-does-the-new-generation-cryptocurrency-work> (дата обращения 12.12.2025).

²⁰¹ Monero XMR – криптовалюта, обзор монеты, что это за валюта и ее особенности. URL: <https://crypto.ru/monero/> (дата обращения 12.12.2025).

²⁰² Meta признана экстремистской организацией в России

политиков, обнажая классовый характер движения: свобода понимается как отсутствие ограничений и барьеров для капитала, а не как эмансипация человека. Поэтому вряд ли посткапитализм в представлении технолибертарианства будет обществом справедливости, скорее это будет пролонгация эволюции системы в русло платформенного капитализма. Современный союз корпоративного крыла с правым популизмом означает отказ от либертарианских принципов. Технолибертарианство демонстрирует: технологический подрыв без политической трансформации воспроизводит те же структуры доминирования, против которых выступает.

Цифровой социализм представляет собой идеологическую антитезу технолибертарианству. Цифровой социализм не видит решения проблем в рынке (даже сетевом), напротив, это направление критикует корпоративную компоненту ГКТС и требует обобществления платформ, данных и алгоритмов.

Как не сложно понять, идеологическое отношение цифрового социализма к ГКТС критическое, но не отрицающее. По логике вещей, формирование гибридного субъекта является закономерным этапом развития позднего капитализма, создающего материальные предпосылки для посткапиталистической трансформации. Централизация данных, развитие вычислительных мощностей, сетевая инфраструктура и социальные платформы²⁰³ – все это может стать основой для демократического планирования и коллективного управления, если найти подход к изменению отношений собственности и власти.

Ключевая стратегия цифрового социализма – демонтаж корпоративной компоненты ГКТС через привычный инструментарий – национализацию и обобществление платформ с последующей передачей контроля демократическим институтам, например, советам работников, общественным советам, открытым алгоритмам принятия решений.

²⁰³ Делягин М.Г. Технологический социализм. Метод сохранения разума и прогресса в обществе социальных платформ //Свободна мысль. 2023. № 2. С. 5-24.

Основное содержание цифрового социализма можно отразить в следующем виде:

Таблица 11

Ключевые принципы цифрового социализма и отношение идеологии к ГКТС

Принцип	Содержание	Отношение к ГКТС
Коллективная собственность на средства производства данных	Платформы, алгоритмы и данные должны находиться в общественной собственности, а не в руках корпораций	Требование национализации или обобществления корпоративной компоненты ГКТС
Демократическое планирование	Алгоритмические системы могут обеспечить координацию экономики без рынка;	Преобразование ГКТС в инструмент демократического управления экономикой
Цифровые общие ресурсы	Данные, знания, код должны быть доступны всем как общественное благо	ГКТС не должно коммодифицировать данные
Равенство доступа	Преодоление цифрового неравенства через государственное обеспечение	Использование государственной компоненты ГКТС для обеспечения универсального доступа
Подчинение технологий социальным целям	Необходимо подчинить технологии и их развитие демократически определенным социальным приоритетам	Трансформация ГКТС из инструмента контроля и извлечения данных в средство эмансипации

Составлено автором.

Цифровой социализм сегодня предлагает широкий спектр стратегий в рамках глобальных трансформаций – от реформистских (платформенные кооперативы в рамках позднего капитализма) до радикальных (полная национализация сектора BigTech и переход к кибернетическому планированию). Так, например, идейные сторонники платформенного кооперативизма Т. Шольц²⁰⁴ и Н. Шнайдер²⁰⁵ предлагают создавать альтернативные коммерческим платформы, которые могли бы принадлежать работникам и пользователям. Яркими примерами таких кооперативов являются: Stocksy United – глобальный кооператив фотографов и видеооператоров, которые продают свои бесплатные стоковые изображения и

²⁰⁴ Trebor Scholz's New Report on Platform Cooperativism. URL: <https://www.bollier.org/blog/trebor-scholz-s-new-report-platform-cooperativism> (дата обращения 18.12.2025).

²⁰⁵ Nathan Schneider's "Everything For Everyone" Brings Cooperative Revolution to Life. URL: https://www.occupy.com/article/nathan-schneider-s-everything-everyone-brings-cooperative-revolution-life?qt-article_tabs=3#sthash.3J5Rw844.hltLkVQ2.dpbs (дата обращения 18.12.2025).

видео на платформе, которой они коллективно владеют и управляют; Fairbnb.coop – совместная платформа, которая предлагает путешественникам краткосрочную аренду жилья, одновременно поддерживая местные сообщества и социальные проекты; Resonate – это совместная платформа, предлагающая услуги потоковой передачи музыки независимым исполнителям и слушателям²⁰⁶.

Кооперативизм в рамках цифрового социализма не требует никакого революционного слома политического строя, но масштаб кооперативных проектов очень ограничен, они не могут конкурировать всерьез с корпоративными платформами из-за эффектов сетевой экономики и доступа к капиталу.

Идеи о масштабных процессах национализации сектора BigTech и перевода технологических корпораций в государственную собственность являются более радикальными. Они заключаются в том, что крупные IT-компании уже выполняют функции публичной инфраструктуры, но управляются частными интересами. Следовательно, необходимо национализировать их и перевести демократическое управление. Такая стратегия выглядит сегодня безумной и маловероятной в силу того, что требует полноценной политической революции и сталкивается с двумя проблемами: где найти субъект революции в эпоху крайне поляризованного социума и как избежать бюрократизации и превращения государственных платформ в инструмент тотального контроля?

Кибернетическое планирование – еще один постулат цифрового социализма. Использование больших данных и ИИ для координации и управления экономической политикой без рыночных кризисов выглядит привлекательно²⁰⁷. Например, если компании по типу Amazon, Wildberries,

²⁰⁶ Кооперативизм платформ: создание платформ сотрудничества: расширение возможностей стартапов в эпоху цифровых технологий. Faster Capital. URL: <https://fastercapital.com/ru/content/Кооперативизм-платформ-создание-платформ-сотрудничества--расширение-возможностей-стартапов-в-эпоху-цифровых-технологий.html#Примеры-и-лучшие-практики-существующих-платформ-сотрудничества> (дата обращения 18.12.2025).

²⁰⁷ Хватит болтать об экономике! Киберпланирование – единственный выход. URL: <https://iarex.ru/articles/80422.html> (дата обращения 18.12.2025).

крупные продуктовые сети способны координировать миллионы товаров в режиме реального времени, почему это не может делать демократически управляемая экономика посредством алгоритмов и ИИ?

Существенные политические и технологические проекты, которые отражали бы на практике идею цифрового социализма, на данный момент выделить сложно. Есть некоторые проекты, ориентированные на интерпретацию знаний и открытого кода в качестве общественного достояния (например, Википедия как коллективно создаваемая энциклопедия, браузер Mozilla Firefox, ОП Linux или некоторые платформенные кооперативы развлекательного характера). Концептуально цифровой социализм в последние годы развивается в России, например, интернет-предпринимателем Г. Копаневым, автором концепции нового «кибернетического государства» и «Общегосударственной Автоматизированной Системы 2.0»^{208,209}.

Однако, несмотря на некоторую привлекательность концепции в условиях нарастающего кризиса позднего капитализма с его платформами-монополистами цифровых рынков, радикальный переход к новой модели социализма выглядит сегодня сложным по нескольким причинам. Во-первых, в процессе трансформации капитализма в социализм усиливаются политические риски формирования тоталитаризма, что уже имело место в недавней истории человечества. Во-вторых, несмотря на все преимущества и возможности тотальной автоматизации, остаются незакрытыми вопросы о практической реализуемости алгоритмического планирования в масштабах национальных экономик без серьезных информационных искажений и бюрократических деформаций. В-третьих, как показывает история, централизованное планирование уступает рынку в способности генерировать инновации. В-четвертых, в лагере современных левых политических сил не решена проблема раскола на этатистов (использующих государство для

²⁰⁸ Копанев Г. Новое кибернетическое государство. Концепция. М., 2020. 38 с.

²⁰⁹ Копанев Г. Политическая экономия цифрового социализма. В авторском издании, 2025. 184 с.

социализации) и либертарных социалистов (считающих государство такой же угрозой, как и цифровые корпорации).

Технореакционизм (или неореакционизм, NRx – neoreaction) представляет собой наиболее провокационную и контринтуитивную идеологию в спектре ответов на природу ГКТС, дата-центричной власти и посткапиталистического горизонта. В отличие от рассмотренных выше направлений, критикующих ГКТС с разных позиций, технореакционизм вполне себе легитимирует тенденции авторитарного симбиоза государства и корпораций, отвергая демократический контроль как источник неэффективности и нестабильности.

Это течение сформировалось, преимущественно (как и все новые политические течения) в блогосфере и интернет-форумах, имевших популярность в 2000-е и 2010-е гг. Технореакционное направление представляет собой радикальную критику современных либерально-демократических обществ с антиэгалитарных и антипрогрессистских позиций в эклектичном сочетании с симпатией к акселерационизму. Центральный тезис технореакционизма строится на двух ключевых идеях²¹⁰: «наивный маккиавелизм» и «наивный утилитаризм». Первый тезис подразумевает видение основного политического вопроса будущего, которым задается К. Ярвин²¹¹. Он заключается не в выявлении того, кто что должен иметь, а в определении того, кто чем реально владеет. Политика рассматривается как крайне автономная от этики сфера (собственно, с этим связано смысловое сопряжение с маккиавелизмом в классическом понимании). Нравственные ценности, важные, например, для леволиберальных и правоконсервативных сил, рассматриваются неореакционерами в качестве самых незначительных факторов в политике. Моральные суждения отрицаются в качестве наблюдательных панелей политических процессов и событий.

²¹⁰ Морозов К. Неореакция: запутавшись в противоречиях. Insolarance. URL: <https://insolarance.com/nrx-contradictions/> (дата обращения 18.12.2025).

²¹¹ Ярвин К. Манифест формалиста. Мировой кризис. Хроника и комментарии. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3505282> (дата обращения 18.12.2025).

Неореакционизм предлагает иную оптику рассмотрения политических вопросов – простой анализ выгод и издержек. Политика оценивается в категориях «эффективно» или «неэффективно».

Отсюда вытекает второй тезис об утилитарности неореакционизма. Прежние политические парадигмы выдвигали в качестве своих идеологических ядер нравственные универсальные идеалы. Неореакционеры «приземляют» политику до простой оценки ее эффективности в достижении наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Однако при более глубоком изучении «эффективности» у неореакционеров выясняется, что эта категория не лишена такой же ценностно нагруженной концепции, как, например, индивидуальная свобода у либералов.

По сути, технореакционизм является формой политической и идейной реакции на долгое превалирование либерально-демократической повестки в глобальной политике и размывание минархистских идей о государстве – ночном стороже. Это своеобразное технологически обновленное видение возможных форм авторитаризма, призванное защищать интересы и привилегии технологической элиты от требований демократического контроля и политического перераспределения. Его политическим идеалом будущего является технократическая автократия, а экономическим – технокапиталистическая сингулярность в понимании философа Н. Ланда^{212,213}.

Идеологически технореакционизм принимает и даже усиливает централизацию власти в руках формирующегося ГКТС, но требует при этом отказа от демократической легитимации. Решения должны приниматься государственной или корпоративной элитой, неограниченной демократическими процедурами и нормами. ГКТС гипотетически может рассматриваться как прототип более эффективной формы управления –

²¹² Шуленберг Дж. Ник Ланд. Его вера. Центр политического анализа. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/nik-land-ego-vera> (дата обращения 18.12.2025).

²¹³ «Кремниевые танки. Ник Ланд: правое лицо акселерационизма». Forklog. URL: <https://forklog.com/exclusive/kremnievye-tanki-nik-land-pravoje-litso-akseleratsionizma> (дата обращения 18.12.2025).

корпоративного государства или технологической диктатуры. Рассмотрим ключевые принципы технореакционной идеологии:

Таблица 12

Ключевые принципы технореакционизма и отношение идеологии к ГКТС

Принцип	Содержание	Отношение к ГКТС
Критика демократии	Демократия ведет к популизму, краткосрочному мышлению и зачастую к некомпетентным решениям	ГКТС в перспективе может быть освобожден от демократического контроля и давления гражданского общества
Технократическая элита	Управление должно осуществляться компетентной элитой (технические специалисты, предприниматели), а не выборными политиками	Легитимация субъекта возможна без проведения выборов и общественно-политической подотчетности
Государство как корпорация	Идеальное государство функционирует как эффективная корпорация с СЕО и акционерами	ГКТС как вполне вероятная модель будущего государства, где корпоративная компонента превалирует в принятии решений
Естественная иерархия и биологический детерминизм	Неравенство естественно и продуктивно, а попытки его преодоления контрпродуктивны	Дата-центричная власть должна служить интересам элиты, а не политическому перераспределению
Радикальный акселерационизм	Ускорение технологического развития без каких-либо социальных ограничений, капитализм должен исчерпать сам себя, чтобы возникла новая система	Снятие этических, правовых, демократических ограничений с ГКТС для максимизации технологических инноваций

Составлено автором.

Таким образом, технореакционную стратегию в отношении ГКТС, гипотетически, можно было бы обобщить как легитимацию и институционализацию авторитарной модели управления, освобожденной от демократических барьеров в цифровую эпоху.

На практике ярким примером реализации технореакционистских проектов, как ни странно, является модель социального кредита в современном Китае, интегрирующая данные государственных органов, корпораций, систем видеонаблюдения для оценки благонадежности граждан – это контрастный пример управления через сбор больших данных, который технореакционеры рассматривают как успешную модель.

Технореакционизм, таким образом, представляет собой идеологию принятия и усиления ГКТС и дата-центричной власти в наиболее

авторитарных форматах. Это единственная идеология, которая не критикует симбиоз государства и корпораций; напротив, ее идейные установки стремятся довести этот симбиоз до логического завершения. Несмотря на определенную маргинальность, технореакционизм остается влиятельным направлением среди технологической элиты, что делает его реальной политической силой, находящей подпитку в самом технологическом прогрессе.

Наконец, технопрогрессивизм (или левое трансгуманистическое направление) занимает сегодня умеренную, промежуточную позицию между критикой ГКТС и его принятием. Технопрогрессивизм (как идейно близкая, но не столь радикальная как цифровой социализм концепция) соединяет в себе социально-прогрессивную политическую ориентацию с проактивным подходом к научно-технологическому развитию в плане активного использования ИИ, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивных улучшений. В отличие от своего антипода – технолибертарианства, технопрогрессивизм настаивает на необходимости демократического контроля и социально-ответственного развития технологий.

Современные принципы технопрогрессивизма складываются фрагментарно под переосмыслительной силой эпохи постмодерна, однако также основываются на ключевой идее технооптимизма и трансгуманистических преобразований. Сегодня некоторые ученые считают²¹⁴, что концептуальным основателем этого направления в XXI веке является американский социолог Дж. Хьюз, автор термина «демократический трансгуманизм»²¹⁵. Нынешняя стадия развития технопрогрессивизма основана, преимущественно, на мысли о нравственном фундировании технологического прогресса²¹⁶, законодательном закреплении этических

²¹⁴ Хвастунова Ю.В. «Демократический киборг проект» Джеймса Хьюза // *Russian Studies in Culture and Society*. 2022. № 4. С. 26-143.

²¹⁵ Hughes, J. *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. Cambridge, MA: Westview Press, 2004. 294 p.

²¹⁶ Батурина И.В. Трансгуманистические перспективы политико-правовых трансформаций в контексте интенсификации развития систем искусственного интеллекта // *Социум и власть*. 2023. № 1. С. 51-60.

начал и социальной адаптированности новых технологий и открытий. Научно это закреплено в работах Д. Коррико²¹⁷, считавшего, что прогресс должен нести первоначальный этический и социальный характер, и лишь затем, непосредственно, научный и технический.

Таблица 13

Ключевые принципы технопрогрессивизма и отношение идеологии к ГКТС

Принцип	Содержание	Отношение к ГКТС
Технологический прогресс вкупе с социальной справедливостью	Технологии могут и должны служить общественному благу, но это требует сознательного политического выбора	ГКТС как политический субъект может быть полезен, если направлен на социальные цели и контролируется демократически
Регулирование как необходимость	Рынок и технологические корпорации не могут саморегулироваться, необходимо государственное и международное регулирование	Жесткое регулирование корпоративной компоненты ГКТС, например, антимонопольное, налоговое, этическое
Права на данные и цифровое достоинство	Люди должны иметь контроль над своими данными; приватность – базовое право, а не товар	Ограничение возможностей ГКТС по сбору, обработке и коммодификации данных
Алгоритмическая подотчетность	Алгоритмы, принимающие значимые решения, должны быть прозрачны и подлежать аудиту	Требование раскрытия принципов работы алгоритмов ГКТС
Инклюзивность и преодоление цифрового неравенства	Технологический прогресс не должен углублять социальное неравенство	Политика универсального доступа, инвестиции в цифровую инфраструктуру для всех

Составлено автором.

Анализ ключевых положений технопрогрессивизма показывает, что ключевая стратегия этого направления – создание регуляторных рамок, институтов общественного контроля и подотчетности для ГКТС. Это наиболее реалистичная и влиятельная в современной политической практике позиция, находящая свой отклик в Европейском Союзе. Попытки ЕС регулировать монополизм цифровых гигантов привели к тому, что Еврокомиссия оштрафовала компании Apple и Meta Platforms (признана экстремистской и запрещена в РФ) за несоблюдение требований Закона о цифровых рынках²¹⁸. Более того, в ЕС впервые в мире в 2024 году был принят нормативный акт

²¹⁷ Carrico, D. Technoprogessivism Beyond Technophilia and Technophobia. The Technoprogessive. 2006. URL: <http://technoprogessive.blogspot.com/2006/08/technoprogessivism-beyond.html> (дата обращения 18.12.2025).

²¹⁸ ЕС оштрафовал Apple и запрещенную Meta на €700 млн. Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7676511> (дата обращения 18.12.2025).

EU AI Act²¹⁹, целью которого является создание общей нормативной базы для использования ИИ.

Также революционное регулирование за счет GDPR (General Data Protection Regulation) – Общего регламент по защите данных, начавшееся в 2018 году имеет на сегодняшний день экстерриториальный эффект. В регламенте зафиксировано следующее: «Для обеспечения согласованного и высокого уровня защиты физических лиц и устранения препятствий для движения потоков персональных данных в рамках Евросоюза, уровень защиты прав и свобод физических лиц в отношении обработки таких данных должен быть одинаковым во всех государствах-членах»²²⁰.

Технопрогрессивизм дает свои плоды и в сфере борьбы за права платформенных работников. Так, в 2021 году Верховный суд Великобритании постановил, что водители Uber – наемные работники, а не самозанятые подрядчики. Британским таксистам, которые работают на корпорацию, теперь положены оплачиваемый отпуск и минимальная зарплата²²¹. К слову, в РФ летом 2025 года был принят Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ»²²², который вводит правовое регулирование в сфере платформенной занятости.

Однако технопрогрессивизм не лишен недостатков. Его антирадикализм (не затрагивание капиталистических отношений собственности), захват регуляторов корпорациями (закон GDPR хоть и регулирует сбор данных, но легализует его через формальное «согласие»), фрагментация юрисдикций и технологический солюционизм (вера в регулирование как в панацею, по сути, игнорирует глубину социальных противоречий) делают это направление слишком уязвимым для более радикальных идеологических пакетов. Тем не

²¹⁹ AI Act. European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai> (дата обращения 18.12.2025).

²²⁰ Перевод Регламента General Data Protection Regulation (GDPR) Европейского Союза. URL: https://rpra.pro/_media/world/gdpr.pdf (дата обращения 18.12.2025).

²²¹ Британских водителей Uber признали наемными работниками, но они всё равно недовольны. Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/547980/> (дата обращения 18.12.2025).

²²² Федеральный закон от 31 июля 2025 г. N 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации". Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1837651/> (дата обращения 18.12.2025).

менее, технопрогрессивизм предлагает достаточно важную альтернативу как технофобским реакциям на технологии и прогресс, так и технолибертарианскому дерегулированию, настаивая на возможности и необходимости социально ответственного направления технологического развития.

Исход идеологической борьбы определит, в какую форму эволюционирует ГКТС и какой институциональный порядок будет доминировать в посткапиталистическую эпоху. В целом, подводя итог, можно выделить четыре основных сценария, соответствующих рассмотренным идеологиям:

1. Технолибертарианская децентрализация и корпоративный феодализм – ослабление государственной компоненты ГКТС, доминирование децентрализованных корпоративных платформ, криптоэкономики и блокчейн-сетей (государство потеряет монополию на эмиссию денег из-за криптовалют и коммуникацию из-за распространения зашифрованных мессенджеров). Оцениваем вероятность такого сценария, как низкую с силу того, что государства вряд ли откажутся от контроля добровольно. Однако элементы этого сценария смогут быть реализованы в зонах слабого государственного присутствия (даркнет, криптовалюты, офшорные юрисдикции).

2. Цифровой социализм и риски нового тоталитаризм – национализация или обобществление платформ, данных и алгоритмических систем даже при декларируемой демократичности сохраняет за собой определенную тенденцию к централизации власти, что может сосредоточить контроль над информационной инфраструктурой в руках технократической элиты или партийной бюрократии. Вероятность такого сценария оценивается нами как низкая в глобальном масштабе, но возможная в отдельных странах после системных кризисов (например, после коллапса финансовой системы, экологической катастрофы или революции). При этом сценарий также сохраняет положительный вариант развития событий, когда систему удастся трансформировать в социалистическую под демократическим управлением.

3. Технореакционная цифровая автократия – усиление авторитарной компоненты ГКТС, когда государство и корпорации объединятся в единый и тотальный субъект контроля и управления населением. В таком исходе технологии используются для максимизации эффективности управления и подавления инакомыслия. Вероятность подобного сценария достаточно высока в авторитарных странах Юго-Восточной Азии, Персидского Залива. При этом отдельные аспекты усиления цифрового контроля вполне реальны в демократических режимах (как, например, отслеживание контактов, QR-коды, пропуски во время пандемии COVID-19).

4. Технопрогрессивное регулируемое общество – обозримый вариант развития событий, при котором ГКТС сохраняется как субъект, но подчиняется жестким демократическим, этическим и правовым рамкам. По сути, это желаемый вариант развития событий в контексте баланса между инновациями и социальной ответственностью, эффективностью управления и соблюдением прав человека. Вероятность развития – высокая, особенно в развитых демократиях при условии противостояния корпоративному влиянию и адаптации к ускоряющимся технологическим изменениям.

Таким образом, идеологическая борьба вокруг определения будущих контуров политики, ГКТС и дата-центричной власти представляет собой не просто академическую дискуссию интеллектуалов, а реальное поле столкновения альтернативных проектов посткапиталистического будущего, где каждая идеология предлагает радикально различные ответы на вопрос о том, кто должен контролировать цифровую инфраструктуру, данные и алгоритмы, определяющие жизнь миллиардов людей.

Критически важно, что ни один из рассмотренных идеологических проектов не реализуется в чистом виде – реальные траектории посткапиталистической трансформации формируются через гибридизацию элементов различных идеологий и практик, адаптированных к национальным контекстам, историческим траекториям и геополитическим позициям конкретных государств. Именно поэтому анализ глобальных идеологических

проектов должен быть дополнен изучением конкретных национальных моделей посткапиталистической трансформации, среди которых российская модель представляет особый интерес как попытка синтеза государственного суверенитета, технологической модернизации и цивилизационной идентичности в условиях геополитической конфронтации и санкционного давления.

Глава 3. Институциональная адаптация системы политического управления в России к посткапиталистическим тенденциям

3.1. Цифровизация политического управления: формирование «государства-платформы» и контуры российской версии ГКТС

Глобальные процессы формирования ГКТС, трансформация социально-политических антагонизмов и идеологической борьбы за контроль над дата-центричной властью, рассмотренные в предыдущей главе, приобретают специфические формы в различных национальных контекстах. Российская Федерация представляет собой особый случай, где процессы цифровизации политического и государственного управления разворачиваются в условиях геополитической конфронтации, санкционного давления и стратегического курса на достижение технологического суверенитета. Российская модель посткапиталистической трансформации не вписывается полностью ни в один из теоретических или идеологических проектов, описанных нами ранее.

Это обусловлено тем, что Россия оказалась вовлеченной в глобальный посткапиталистический переход, минуя стадию зрелого капитализма в его классическом понимании исходя из известных исторических событий. Российская система 1990-х-2000-х гг. представляла собой гибридную модель с элементами рыночной экономики, но сохранением значительной роли государства, некоторых признаков патримониальных отношений и специфических институциональных решений. Это создало к настоящему времени уникальную ситуацию, когда страна одновременно завершила процесс постсоциалистической трансформации и адаптировалась к новым глобальным технологическим реалиям, однако столкнулась с беспрецедентным санкционным давлением, заставляющим переосмыслить стратегии политического и экономического развития, минуя стабильность классической капиталистической державы.

Посткапиталистические тенденции в российском контексте следует понимать не как преодоление страной стадии зрелого или позднего капитализма, а как специфическую траекторию развития в условиях

глобального кризиса неолиберальной модели. Россия оказалась сегодня в ситуации «опережающего развития», когда цифровизация, платформизация, государственное регулирование цифровых процессов развиваются параллельно с формированием базовых рыночных институтов. «Цифровой прыжок» минует зрелый капитализм, встраивая посткапиталистические механизмы (платформы, большие данные, алгоритмы) в незрелую капиталистическую структуру. Это позволяет нам рассматривать российский опыт как уникальную альтернативную модель адаптации к посткапиталистическим вызовам, которая вынуждено возникает, не позволяя в полной мере реализоваться классическим формам социально-экономического и политического развития, экстренно синтезируя традиционные и инновационные элементы в рамках единой институциональной системы.

Ключевым драйвером быстрой институциональной адаптации России к структурным изменениям политических процессов, является цифровизация. Цифровизация политического управления представляет собой системный процесс трансформации традиционных властно-административных практик, выходящий за рамки технологической модернизации и определяющий дальнейшие направления институциональных преобразований, влияющих на ход политических процессов. В контексте посткапиталистического перехода российская модель такой трансформации также тяготеет к формированию цифрового государства-платформы, или, иными словами, ГКТС, однако с национальными особенностями.

Формирование российской модели ГКТС происходит через тесное взаимодействие государственных структур и крупных технологических корпораций. Экосистемы компаний Сбера, Яндекса, Вконтакте, МТС функционируют не просто как коммерческие платформы, но как инфраструктурные элементы ГКТС, обеспечивающие сбор данных и формирование информационной среды. Государство, в свою очередь, предоставляет этим компаниям регуляторные преференции, гарантированный

спрос через госзаказ и защиту от иностранной конкуренции, создавая симбиотические отношения, характерные для ГКТС.

Процесс построения российского ГКТС демонстрирует специфический подход к преодолению ограничений бюрократической модели управления через интеграцию алгоритмических механизмов принятия решений с сохранением централизованного контроля. Концептуальные основы российской цифровизации политического управления были заложены в крайне важной для своего времени программе «Цифровая экономика Российской Федерации»²²³ и получили практическое развитие в одноименной национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»²²⁴, реализация которой проходила в период с 2018 по 2024 гг. Концептуальным продолжением и обновлением комплексного процесса цифровизации сегодня выступает национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»²²⁵, утвержденный в рамках нового пакета национальных проектов на период 2024-2030 гг. Нацпроект призван повысить качество жизни граждан и эффективность практически всех ключевых отраслей социальной сферы, государственного и муниципального управления и ключевых сфер российской экономики, обеспечить переход к сбалансированному росту отраслей под влиянием цифровых технологий. Также Министерством экономического развития РФ внесен важный законопроект, призванный усилить регулирование государством деятельности цифровых платформ в области безопасности граждан. Новый Федеральный закон № 289-ФЗ от 31.07.2025 г. «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» определяет правовые основы платформенной экономики в Российской Федерации и регулирует

²²³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 18.02.2026).

²²⁴ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 24.12.2018 № 16. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlKw3M5cNL0bgczMkPF.pdf> (дата обращения 18.02.2026).

²²⁵ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения 18.02.2026).

отношения, возникающие между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в связи с продажей товаров, выполнением работ, оказанием услуг.²²⁶

Ключевой особенностью российского подхода к процессу политики цифровой трансформации является стремление к созданию комплексной экосистемы цифрового взаимодействия между государством, бизнесом и гражданами при сохранении государственного контроля над критически важными цифровыми инфраструктурами (без допуска чрезмерного контроля со стороны корпоративной элементы ГКТС). За все время цифровой трансформации России наиболее значимым институциональным новшеством стало конструирование универсальной цифровой платформы государственных и муниципальных услуг (портал «Госуслуги»), которая радикально изменила характер взаимодействия граждан с государственными органами. По словам заместителя председателя Правительства РФ Д.Н. Чернышенко, число пользователей платформы «Госуслуги» к концу 2023 года составило 109 млн. человек, при этом число пользователей с 2019 года выросло в 2 раза²²⁷. В свою очередь, в 2024 году число россиян, пользующихся платформой, выросло до 112 млн. человек²²⁸. Ежедневно через портал подается 2 млн заявлений и задается 1,5 млн вопросов цифровому ИИ-помощнику роботу Максиму. За 15 лет работы количество доступных услуг выросло с 20 до 1,6 тыс. За время работы портала пользователи оформили более 180 млн записей к врачу и почти 60 млн электронных полисов ОМС. Через портал также было подано 2,3 млн заявлений о записи в первый класс, более 9 млн заявлений в вузы и получено 33 млн выписок из ЕГРН. На платформе создано 91,6 млн личных кабинетов избирателей и проведено более 623 млн платежей.

²²⁶ ФЗ №289-ФЗ от 31.07.2025 г. «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52331> (дата обращения 18.02.2026).

²²⁷ Стало известно, сколько россиян пользуются «Госуслугами». Газета. Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/01/17/22129909.shtml?updated> (дата обращения 18.02.2026).

²²⁸ Аудитория и статистика портала госуслуг. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Аудитория_и_статистика_портала_госуслуг (дата обращения 19.02.2026).

Последние тенденции в развитии платформы и ее гармоничной интеграции в мессенджеры, банковские приложения, системы верификации свидетельствуют о том, что институциональная значимость цифровой платформизации государства заключается не только в преодолении привычной бюрократической волокиты и повышении эффективности предоставления услуг, но и в формировании качественно новой модели гражданства, основанной на цифровой идентичности и алгоритмическом взаимодействии с государством.

Следовательно, мы видим, что Россия постепенно берет курс на активное построение особого цифрового государства-платформы, гармонично вписывающего в концептуальные рамки ГКТС. Концептуально под цифровым государством-платформой мы понимаем модель политического управления, при которой государственные институты функционируют как единая цифровая экосистема, объединяющая граждан, бизнес и органы власти через централизованные цифровые платформы с использованием данных, алгоритмов и ИИ для принятия управленческих решений и обеспечения стабильного взаимодействия между всеми участниками политической системы. Иными словами, видится сценарий интенсивного развития цифровых экосистем для модернизации и перевода коммуникации гражданского общества и власти в новые форм-факторы.

Перераспределение ресурсов и благ в цифровом государстве представляется, преимущественно, централизованным через госаппарат, но с привилегированным положением IT-компаний, обеспечивающих стабильную работу платформ и процессов сбора, обработки и хранения данных. Государство будет вынуждено гарантировать рост ежегодного уровня дохода и упрощенный доступ к общественным благам, но при этом получит больший контроль над экономикой и планированием, которое, скорее всего, будет осуществляться с применением алгоритмов ИИ, упрощая механизмы реализации стабилизационной политики в условиях глобальных бифуркаций.

Фокус деятельности платформенное государство (российский аналог ГКТС) перемещает на обеспечение стабильности, безопасности, сглаживание социального неравенства, решение глобальных вызовов, но не на развитие политической конкуренции, которую трудно культивировать в условиях, когда власть данных ускоряет отчуждение граждан от принятия политических решений. Иными словами, ожидается приоритет эффективности политического управления, а не идеологических различий. То есть, в таком платформенном устройстве выборность парламента, подотчетность правительства, политическая конкуренция уходят на второй план, уступая место технократичности, централизации, унификации и безопасности. Легитимность власти в цифровой конъюнктуре обеспечивается через перераспределение ресурсов между социальными группами, поддержание уровня жизни, а не через процедурную демократию. Это не плохо и не хорошо одновременно: дозированное свертывание политического плюрализма, установление более однородной идеологической и ценностной среды, отказ от традиционных систем сдержек и противовесов в пользу новых властных конфигураций приведет к более стабильной и спокойной политической конъюнктуре, одновременно увеличивая вероятность сворачивания некоторых демократических практик и индивидуальных свобод. Возможно, именно в этой противоречивой тенденции и заложены фундамент и драйверы развития ранее не существующих моделей политического устройства, необходимые России в условиях глобальных изменений²²⁹.

По оценкам Минцифры РФ, по состоянию на май 2025 года, уровень «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, а также ключевых отраслей социальной сферы составляет 15,97 % при плановых показателях в 15,07 %, отраженных в нацпроекте «Экономика данных и цифровая трансформация государства», а 57,05% государственных услуг и сервисов, оказываемых в электронном виде, оцениваются пользователями

²²⁹ Айрапетян Д.А. Институциональные перспективы перехода к посткапитализму: трансформация государства как субъекта власти в эпоху цифро-сетевых технологий // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 7 (107). С. 2347-2358.

выше 4,5 баллов (план 50%)²³⁰. Также 99,01% массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг оказывается в электронной форме (план 95%). В целом же, по данным совместного статистического сборника Минцифры РФ, Федеральной службы государственной статистики и ВШЭ «Цифровая экономика 2024: краткий статистический сборник»²³¹, вклад государственного управления и системы социального обеспечения в развитие сектора ИКТ в экономике России в 2022 году составил 7,1 % от ВВП.

Особую роль в институциональных изменениях играет внедрение системы «суперсервисов» - комплексных цифровых решений, объединяющих различные государственные функции в рамках единого пользовательского опыта. Например, суперсервис «Рождение ребенка»²³² интегрирует процедуры регистрации рождения, получения свидетельства о рождении и т.д. Суперсервис автоматически запускает целый цикл связанных услуг, таких как регистрация в Социальном фонде, оформление СНИЛС, оформление сертификата на материнский капитал. Другим популярным суперсервисом становится «Поступление в ВУЗ онлайн». Суперсервис помогает абитуриентам отправлять документы в вузы, узнавать о сроках зачисления и отслеживать статус своих заявлений. В сервис интегрированы более 1700 вузов, в 2024 году им воспользовались почти 700 тысяч человек²³³. Модели интеграции суперсервисов, таким образом, представляют собой качественно новый подход к организации государственных функций, основанный на принципах клиентоориентированности и межведомственного взаимодействия.

²³⁰ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <https://digital.gov.ru/target/naczionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения 21.02.2026).

²³¹ Цифровая экономика 2024: краткий статистический сборник. URL: <file:///Users/davidayrapetan/Downloads/2024%20Цифровая%20экономика.%20Краткий%20статистический%20сборник%202024,%20ВШЭ.pdf> (дата обращения 21.02.2026).

²³² Что такое суперсервис «Рождения ребенка» или как зарегистрировать рождение ребенка через ЕПГУ. URL: https://shatrovskij-r45.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_1789.html (дата обращения 21.02.2026).

²³³ Суперсервис «Поступай в вуз онлайн»: проводник в мир высшего образования. Рособrnadzor. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/superservis-postupaj-v-vuz-onlajn-provodnik-v-mir-vysshego-obrazovaniya/> (дата обращения 21.02.2026).

Цифровизация активно подвергает трансформации процесс формирования гибридной модели политического управления, которая в российском контексте проявляется в сочетании традиционных вертикалей власти, выстроенных в 2000-е годы, с горизонтальными цифровыми платформами координации. Система «Платформа обратной связи» (ПОС)²³⁴, интегрированная с порталом «Госуслуги», создает новые механизмы взаимодействия между гражданами и органами власти, позволяя обрабатывать миллионы обращений ежегодно с использованием алгоритмов автоматической категоризации и распределения. За время своей работы и по состоянию на 2025 год, платформа дала 22 283 873 ответов на гражданские обращения. Существование ПОС способствует конструированию специфической и вполне соответствующей посткапиталистическим трендам модели политической коммуникации, в рамках которой иерархические каналы дополняются сетевыми механизмами обратной связи, функционирующими через цифровые технологии.

Традиционная капиталистическая модель политической коммуникации основана на конкуренции элит и лоббировании частных интересов. Складывающаяся гибридная российская модель, объединяющая вертикали и горизонтали политической власти и управления, создает возможность для более сбалансированного учета общественных интересов. ПОС, обрабатывая массовые обращения граждан, потенциально снижает риски влияния узких групп интересов и повышает роль общественного мнения в принятии решений.

Использование алгоритмов автоматической категоризации и распределения обращений может стать основой для более рационального и справедливого перераспределения ресурсов, что является ключевым элементом при переходе к посткапиталистическим моделям экономической политики. При этом, учитывая тенденции формирования в России ГКТС, подобные обратные каналы связи могут стать факторами формирования и

²³⁴ Платформа обратной связи. URL: <https://pos.gosuslugi.ru/landing/> (дата обращения 22.02.2026).

новой модели легитимности власти. Ранее отмечалось, что в посткапиталистическом смысле (отдающем смысловым наполнением технореакционного утилитаризма) легитимность политической власти в платформенном государстве должна основываться на электоральной конкуренции и экономическом успехе только второстепенно. Первоначальным признаком легитимности, вероятнее всего, станет способность эффективно решать проблемы граждан в условиях переходной турбулентности. Гибридная модель, обеспечивающая постоянную обратную связь через цифровые каналы, создает механизмы непрерывной легитимации через результативность ее работы. К тому же государственные цифровые платформы коммуникации позволяют преодолевать одну из ключевых проблем капиталистической системы – неравный доступ к информации и каналам влияния. Массовая обработка гражданских обращений через каналы обратной связи помогает создавать более справедливое распределение политического капитала между различными группами граждан.

Институционализация технологий ИИ в системе политического управления современной России представляет собой одну из наиболее значимых трансформаций административного аппарата, знаменующую переход к качественно иному этапу цифровизации публичной политики. Этот процесс сегодня не ограничивается простым внедрением технических решений, а предполагает кардинальную перестройку административных процедур, методов принятия политико-управленческих решений и взаимодействия государства с гражданами и бизнес-сообществом.

Согласно Индексу зрелости искусственного интеллекта федеральных органов исполнительной власти РФ (Индекс зрелости ИИ ФОИВ РФ)²³⁵, подготавливаемым ежегодно ВШГУ РАНХиГС, самое раннее ИИ-решение в ФОИВ было внедрено еще в 2005 году в каталоге «Система выявления лесных пожаров». В целом, регулярное внедрение ИИ-решений начинается в 2018

²³⁵ Индекс зрелости ИИ ФОИВ РФ. URL: <https://gspm.ranepa.ru/doc/departments/ai-research/report.pdf> (дата обращения 22.02.2026).

году и достигает пика в 2022 году. Основные виды технологий ИИ, внедряемых ФОИВ, отражены на рисунке 2:

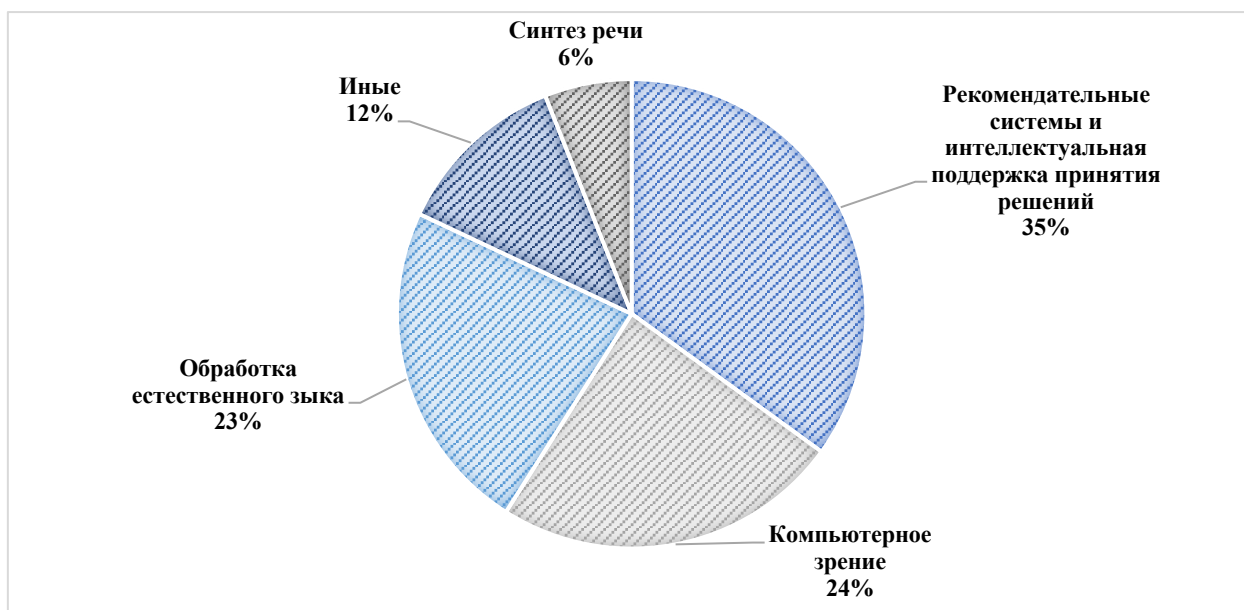

Рис. 2. Виды технологий ИИ, применяемые в ФОИВ²³⁶

Составлено автором.

Портал «Искусственный интеллект Российской Федерации»²³⁷ приводит список основных ИИ-технологий, которые планируют внедрять и уже внедряют ФОИВ, среди которых проекты по выявлению серийных преступлений (МВД); ИИ-помощники и виртуальные системы экспертизы нормативных актов (Минюст); проекты по выявлению термических аномалий, прогнозирования уровня воды и разрушений по фото (МЧС); ИИ-системы для разработки персональных планов развития молодежи (Росмолодежь) и многое другое.

Индекс интеллектуальной зрелости отраслей экономики, секторов социальной сферы и системы государственного управления Российской Федерации за 2023 год подчеркивает²³⁸, что по состоянию на 2023 год в 40 ФОИВ внедрено 86 решений, 26 находятся в процессе внедрения, и 37 –

²³⁶ Там же.

²³⁷ Искусственный интеллект Российской Федерации. URL: <https://ai.gov.ru/ai/implementation/> (дата обращения 22.02.2026).

²³⁸ 2023 Индекс интеллектуальной зрелости отраслей экономики, секторов социальной сферы и системы государственного управления Российской Федерации, НЦРИИ при Правительстве РФ. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2023_indeks_intellektualnoy_zrelosti_otrasley_ekonomiki_sektorov_socialnoy_sfery_i_sistemy_gosudarstvennogo_upravleniya_rossiyskoy_federacii_ncrii_pri_pravitelystve_rf/ (дата обращения 22.02.2026).

запланированы к внедрению. В 22 федеральных ведомствах используются или планируются к использованию только отечественные ИИ-решения. В целом на федеральном уровне 34 органа исполнительной власти используют ИИ-решения, большая часть которых (29 ведомств) используют отечественные ИИ-решения, тогда как в 21 ведомстве из числа обследованных никакие ИИ-решения не применяются.

Также, согласно Индексу, в 27 субъектах более 20% региональных органов исполнительной власти используют технологии искусственного интеллекта, в 28 субъектах это число варьируется от 10 до 20 %, а в 29 субъектах уровень использования ИИ в деятельности региональных органов исполнительной власти (РОИВ) меньше 10%. Лидерами использования ИИ в системе государственного управления (помимо Москвы) являются Ханты-Мансийский АО и Московская область – уровень внедрения ИИ в РОИВ этих субъектов превышает 50%. В частности, Ростовская область показывает хорошие показатели по использованию ИИ (от 10% до 20 %).

В 5% субъектов РФ не менее чем в 50% региональных ведомств ИИ используется во всех типах процессов: основных, управленческих и обеспечивающих. При этом региональные ведомства чаще используют ИИ в основных административных процессах (5%), чем в управленческих (3%) и обеспечивающих (3%).

Также Индекс фиксирует текущий средний уровень использования ИИ в системе муниципального управления пилотных муниципальных образований Российской Федерации, который составляет 6,3%, при этом в лидирующих городах, например, в Казани, значения показателя достигают 37,5%.

Интеграция ИИ в процессы политического управления (например, через проект «ГосТех»²³⁹) создает реальные возможности для быстрого перехода от реактивного к проактивному управлению. По состоянию на 2025 год, на базе

²³⁹ Платформа «ГосТех». Минцифры. URL: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/czifrovaya-transformacziya/czifrovyje-platförmu-i-resheniya-dlya-gosorganov/platföрма-gosteh> (дата обращения 22.02.2026).

платформы «ГосТех» функционирует 27 государственных информационных систем, включая витрины данных. Архитектура платформы позволяет быстро готовить сервисы к запуску и масштабировать ГИСы без существенного увеличения затрат.

Формирование гибридной модели политического управления, где человеческое суждение сочетается с алгоритмическими рекомендациями, по нашему мнению, создает принципиально новую парадигму властно-административной деятельности. В этой парадигме государственные служащие выступают не просто исполнителями стандартных процедур, а становятся аналитиками, интерпретирующими результаты работы ИИ-систем и принимающими окончательные решения на основе комплексного анализа и экспертной оценки. Однако по данным расчетам РАНХиГС в Индексе интеллектуальной зрелости отраслей экономики, секторов социальной сферы и системы государственного управления Российской Федерации за 2023 год, обеспеченность федеральных ведомств ИИ-специалистами вызывает обеспокоенность (см. рис. 3).

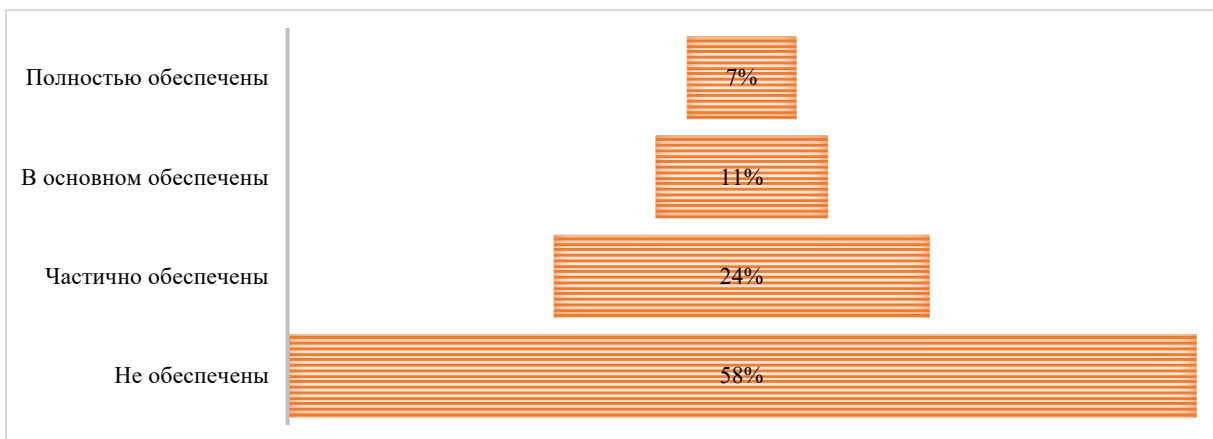

Рис. 3. Обеспеченность федеральных ведомств ИИ-специалистами²⁴⁰

Составлено автором.

Следовательно, для эффективного формирования гибридной модели необходимо поэтапно устранять возникающее «проседание» в кадровой политике политического управления на всех уровнях власти.

²⁴⁰ Там же.

Одним из ключевых политических факторов, определяющих процесс цифровой трансформации в России и построения ГКТС, является специфика обеспечения цифрового суверенитета страны, а также создание независимых цифровой инфраструктуры и регулятивных механизмов. Многочисленные дискуссии вокруг «закона о суверенном интернете» – неформальном названии Федерального закона от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁴¹, а также практическое его утверждение, привели к созданию национальной системы доменных имен, развитию отечественных облачных платформ и ОС, формируя тем самым институциональную основу для независимого от глобальных акторов (в лице транснациональных IT-гигантов) развития цифровых государственных сервисов и цифровой безопасности. Это закономерно создает уникальную модель суверенной трансформации государства, которая сочетает в себе глобальные технологические стандарты с национальными институциональными решениями, однако, стоит отметить, не без рестриктивных перегибов в определенных случаях (общественные возмущения по поводу неясной природы замедления видеоплатформы YouTube в России, ограничение звонков в иностранных мессенджерах, слишком директивный перевод граждан на национальные цифровые продукты). Несмотря на это, закон «о суверенном интернете», по нашему мнению, не является изоляционистской мерой, а представляет собой нормативно-правовую и концептуальную основу институциональной трансформации государства для обеспечения стабильности цифровой инфраструктуры в условиях геополитической и геоэкономической неопределенности²⁴².

²⁴¹ ФЗ от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44230> (дата обращения 24.02.2026).

²⁴² Кочетков А.П., Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 2. С. 31-45.

Политика достижения цифрового суверенитету к настоящему моменту привела к тому, что требования по локализации данных российских пользователей на территории страны стали жестче. Однако они же являются драйверами построения новой архитектуры национальной цифровой экономики. Эти требования кардинально изменили стратегии глобальных технологических компаний, лишив их возможности использовать имплицитные механизмы цифрового колониализма, и стимулировали развитие отечественной индустрии центров обработки данных.

Создание и успешное развитие национальной платежной системы представляет один из наиболее успешных примеров реализации политики цифрового суверенитета. Внедрение системы «Мир» и Национальной системы платежных карт (НСПК) обеспечило независимость российской платежной инфраструктуры от международных платежных систем, доступ к которым критически ограничен для России в условиях санкционного давления.

Таким образом, российская модель цифрового суверенитета характеризуется стремлением к балансированию между обеспечением национальной безопасности и поддержанием открытости для международного технологического сотрудничества. Формирование институтов цифрового суверенитета в России отражает более широкие тенденции трансформации глобального порядка в эпоху посткапиталистического перехода. Российский опыт может рассматриваться как альтернативная модель развития цифровой государственности.

Вопрос о полном цифровом суверенитете в России на данный момент не стоит. Собственно, дискуссионной является сама возможность тотального суверенитета в цифровом политическом пространстве. Некоторые эксперты утверждают, что достигать технологический суверенитет можно за счет создания геотехнологических альянсов с дружественными России странами. Здесь стоит отметить, что суверенитет – это не изоляция, подразумевающая полный отказ от зарубежных решений. Эффективно себя показывает практика, когда дружественные страны поставляют друг другу необходимые ресурсы на

определенных условиях. Проблема состоит лишь в том, достаточно ли развиты цифровые инфраструктуры дружественных для РФ государств, чтобы быть политически и рационально полезными для обмена ресурсами и опытом.

Несмотря на выделенные успехи в цифровизации системы политического управления, мы не можем не рассмотреть и проблемную сторону данного процесса. Несмотря на то, что Россия сегодня находится на пути к достижению цифрового суверенитета и активному внедрению ИИ в государственные системы, стране приходится сталкиваться с серьезными проблемами²⁴³:

- Пробелы в цифровой грамотности граждан, вызывающие частое недоверие к технологическим инновациям и их медленную диффузию;
- Нехватка квалифицированных IT-специалистов;
- Достаточно медленное формирование нормативно-правовой базы относительно темпов технологического прогресса;
- Значительные затраты на создание, развитие и внедрение передовых решений;
- Некоторые черты мобилизационного типа экономики, которые при директивном планировании, приоритете тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса, а также ограничениями международного сотрудничества и бюрократическими барьерами структурно противоречат требованиям IT-сектора к творческой свободе, гибкости, международной и транснациональной интеграции, что делает удержание высококвалифицированных кадров и создание конкурентоспособных продуктов крайне затратным при низкой эффективности.

Также нельзя забывать про тонкую грань между безопасностью и чрезмерным цифровым надзором в условиях формирования ГКТС. Основные угрозы скатывания в цифровую диктатуру или государство больших данных для России состоят в чрезмерной централизации всех данных о гражданах в

²⁴³ Что такое цифровой суверенитет России, какие меры предпринимаются государством для его достижения. Росатом. Цифровые решения. URL: <https://digitalrosatom.ru/blog/179> (дата обращения 24.02.2026).

едином государственном контуре без независимого общественного контроля; в автоматизации принятия решений о правах граждан алгоритмами без возможности апелляции; использовании цифрового профилирования для превентивного ограничения свобод на основе только лишь предполагаемых рисков поведения, что ведет к созданию института цифровых и нейрональных репрессий. Критическую опасность несет объединение систем видеонаблюдения с распознаванием лиц, геолокационных и биометрических данных, финансовых транзакций и интернет-активности в единую систему тотального мониторинга без судебного контроля.

Иными словами, возможным является поэтапное наращивание потенциала и ужесточение контролируемости и управляемости граждан при помощи новых технологических инструментов. В таких условиях виртуальные границы становятся столь же важными, как и физические, поскольку доступ к данным и их интерпретация определяют возможности контроля над обществом (со стороны компаний – это невиданные ранее возможности манипуляции спросом, со стороны государства – удаленное управление поведением). Эти тенденции ставят под вопрос традиционные понимания суверенитета и права на частную жизнь, требуя переосмысления понятий безопасности, свободы и ответственности. В условиях распространения и генерирования дата-центричной власти границы между демократическими и недемократическими режимами могут стать менее очевидными, так как контроль над информацией становится главным рычагом власти, а сама власть вызывает, как минимум, две серьезные этические проблемы недалекого будущего: манипуляцию обществом через нейрональное насилие и цифровую биополитику

Следовательно, в процессе становления модели «государства-платформы» нельзя допускать чрезмерную цифровую «полицизацию» политического управления в России для справедливого и демократичного будущего.

Предотвращение таких рисков требует законодательного закрепления принципов целевого использования персональных данных с запретом их агрегирования между ведомствами без судебного решения; создания независимых институтов контроля за цифровыми правами граждан, а также обеспечение права на цифровую анонимность. Ключевое значение имеет поддержание баланса между эффективностью цифрового государства-платформы и конституционными правами граждан через независимые институты гражданского общества и повышенный парламентский контроль.

Цифровизация системы политического управления современной России представляет собой не просто технологическую модернизацию властно-административного аппарата, а фундаментальную институциональную трансформацию, формирующую качественно новую модель политической системы – цифровое государство-платформу. Российская траектория цифровой трансформации демонстрирует уникальный путь адаптации к посткапиталистическим вызовам, при котором традиционные вертикали власти интегрируются с горизонтальными цифровыми платформами координации, создавая гибридную модель управления, сочетающую централизованный контроль с алгоритмическими системами принятия решений. Масштабное внедрение цифровых платформ взаимодействия, развитие суперсервисов и систем обратной связи, институционализация технологий ИИ и формирование архитектуры цифрового суверенитета через национальные платежные системы и локализацию данных свидетельствуют о системном характере происходящих в стране изменений, выходящих за рамки простых административных реформ и затрагивающих принципы организации политической власти, легитимности и гражданства в цифровую эпоху.

3.2. Трансформация политических институтов и механизмов легитимации: сдвиг к результативной эффективности и элементы цифрового участия

Посткапиталистический переход в России осуществляется через комплексную трансформацию политических институтов, которая выходит за

рамки простой модернизации существующих структур и представляет собой формирование качественно новой институциональной архитектуры. Данная трансформация характеризуется не столько разрушением традиционных политических форм, сколько их функциональной адаптацией к условиям цифровой экономики и новым механизмам социальной интеграции, что создает гибридную модель политической организации, сочетающую в себе элементы либерально-демократической, административно-государственной и технократической систем управления с акцентом на цивилизационную уникальность российской политической системы.

Институциональная архитектура нового типа конструируется путем интеграции цифровых технологий в традиционные механизмы государственного управления, что приводит к появлению новых форм взаимодействия между властью и гражданским обществом. Ключевой особенностью данного процесса является сохранение базовых конституционных рамок при одновременном внедрении алгоритмических методов принятия решений, системы больших данных для мониторинга социально-политических процессов и платформенных решений для предоставления государственных и муниципальных услуг.

Функциональная адаптация политических институтов, в свою очередь, проявляется в трансформации их операционных механизмов без кардинального изменения формальной структуры. Парламентские процедуры дополняются системами электронного голосования и цифрового участия граждан, судебная система активно интегрируется с информационными базами данных и системами автоматизированного документооборота, а исполнительная ветвь власти все сильнее опирается на ИИ, данные Big data-аналитики и предиктивные модели при выработке политических решений.

Таким образом, гибридная модель политической организации, формирующаяся в результате выделенных процессов, представляет собой сложное сочетание различных управленческих логик. Так, либерально-демократические элементы сохраняются и функционируют в виде

избирательных процедур, публичных консультаций и механизмов обратной связи, реализуемых теперь, преимущественно, в цифровом формате. Административно-государственная составляющая проявляет себя в усилении координирующей роли центральных органов власти в управлении цифровой трансформацией и выстраивании новых платформенных отношений, а также в сохранении принципов иерархического подчинения в цифровой среде. Технократические же аспекты выражаются в возрастающей роли экспертного знания, использовании научно обоснованных подходов к управлению.

Кризис позднего капитализма, выражающейся в комплексной эрозии неолиберальной модели политического управления и демократической парадигмы в целом²⁴⁴, приводит к тому, что характерная для капитализма и институционально оформленная в виде парламентских дебатов конкуренция и конфронтация между группами интересов перестает быть релевантной в том виде, в котором она сегодня реализуется. Следовательно, на примере России мы видим, что ключевым вектором институциональной трансформации политических процессов является эволюция механизмов политической легитимации от процедурно-электоральной модели к модели результативной эффективности. Традиционная вестминстерская логика легитимации через конкурентные выборы и смену политических элит постепенно дополняется в России механизмами технократической легитимации, основанными на измеримых показателях качества государственного управления, эффективности предоставления публичных услуг и способности системы гибко адаптироваться к стремительным макроэкономическим и геополитическим переменам. Это совсем не означает отказа от электоральных процедур, но существенно изменяет их функциональную роль в политической системе: выборы становятся механизмом подтверждения эффективности системы, а не средством ее радикального изменения. В некотором роде такие

²⁴⁴ Черкасова Т.П., Айрапетян Д.А., Бобровнич А.А. Трансформация демократической модели в условиях перехода к посткапитализму // Власть. 2025. Т. 33. № 5. С. 24-35.

тенденции соответствуют определенным положениям технореакционного направления посткапиталистической трансформации.

Процедурно-электоральная модель легитимации, доминировавшая в либерально-демократических странах на протяжении последних столетий, базировалась на принципе формального равенства политических субъектов и их способности конкурировать за право управления государством через регулярные избирательные циклы. Однако в условиях усложнения управленческих задач, требующих высокой профессиональной компетентности и долгосрочного планирования, а также фактического (хоть и временного) кризиса демократии, данная модель демонстрирует определенные ограничения, связанные с краткосрочностью электоральных циклов и популистскими искажениями в принятии стратегических решений.

Модель результативной эффективности предполагает оценку легитимности не столько через соблюдение формальных процедур демократического участия, сколько через реальные результаты деятельности политических институтов. В рамках такой модели ключевыми индикаторами могут быть качество жизни граждан, темпы экономического развития, эффективность социальной политики, уровень технологической модернизации и доступность новых технологий для населения, способность государства обеспечивать национальную безопасность и суверенитет.

Технократическая составляющая новой модели легитимации проявляется в возрастающей роли экспертного знания, а также в научной обоснованности политических решений и использовании объективных данных для оценки результативности государственного управления. Цифровые и аналитические технологии предоставляют инструменты для непрерывного мониторинга эффективности государственных программ, исследования общественного мнения в режиме реального времени и корректировки политического курса на основе обратной связи от граждан и бизнеса. В этом плане государство во многом полагается на отечественные эпистемологические сообщества и экспертные организации. Примерами таких

организаций в России являются «Изборский клуб»²⁴⁵, формирующий доклады и аналитику, направленные на формирование обновленной патриотически ориентированной государственной политики во всех сферах национальной жизни в контексте идеологической платформы социального консерватизма; интеллектуальный и дискуссионный клуб «Валдай»²⁴⁶, ориентированный на работу по формированию глобальной повестки дня, квалифицированной и объективной оценки мировых политических и экономических проблем; Российская ассоциация политической науки (РАПН)²⁴⁷, объединяющая российских политологов и выступающая в качестве центра-ответственности; Совет по внешней и оборонной политике (СВОП)²⁴⁸, чьей задачей является содействие выработке и реализации стратегических концепций развития России, ее внешней и оборонной политики; Российский совет по международным делам (РСМД)²⁴⁹, ориентированный на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций в интересах российских органов государственной власти, бизнеса и иных организаций, нацеленных на внешнеполитическую деятельность.

Трансформация роли электоральных процедур в данном контексте не означает их полной девальвации, но предполагает переосмысление их функционального назначения. Выборы в России перестают быть единственным источником политической легитимности и становятся одним из элементов более сложной системы обратной связи между обществом и властью. Электоральные политические процессы сохраняют значение как механизм периодического подтверждения общественной поддержки взятого политического курса, но утрачивают функцию радикального изменения парадигмы управления.

²⁴⁵ Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/about> (дата обращения 26.02.2026).

²⁴⁶ Что такое Валдай? URL: <https://ru.valdaiclub.com/about/valdai/> (дата обращения 26.02.2026).

²⁴⁷ РАПН. URL: <https://rapn.ru/pages/about> (дата обращения 26.02.2026).

²⁴⁸ О Совете СВОП. URL: <https://svop.ru/about/> (дата обращения 26.02.2026).

²⁴⁹ РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/> (дата обращения 26.02.2026).

В условиях расширенного доступа к образованию, роста креатосферы и инновационной предпринимательской активности, быстрого развития информационных технологий, изменений в экономических отношениях зарождаются возможности для возникновения новых детерминантов элитообразования и элитного позиционирования, отличных от капиталистических, а также условия формирования и поддержания властных позиций. В мире, где информация и знания становятся одними из главных производственных ресурсов, творческие и креативные способности оказываются наиболее ценными; они создают целостный тип субъекта, способный совершить переход от капитализма к следующей формации эволюционно, а не революционно (в отличие от пролетарской революции и позиционирования рабочих в качестве субъекта формационной смены).

В современной российской политике происходит осознание и оценка важности творческого подхода к решению политико-административных проблем. Творческие кадры, способные находить нестандартные и инновационные решения, управлять сложными процессами, уметь применять последние достижения технологического прогресса и быстро адаптироваться к изменяющимся условиям являются предпочтительными для государственных институтов. Именно творческие личности постепенно становятся эффективными лидерами в своих областях и обеспечивают себе высокий социальный статус. Роль привычной классовой принадлежности, которая ранее с высокой долей вероятности определяла стратификационное положение человека в обществе постепенно минимизируется под воздействием творческих способностей отдельных индивидов, которые характеризуются обладанием востребованных в креативной и высокотехнологичной экономике компетенциями, навыками и способностями.

На практике поиск творческих личностей, способных генерировать ценные знания, начинает реализовываться во всевозможных конкурсах, проектах и стартапах по выявлению крупными компаниями, государственными

органами и иными заинтересованными субъектами потенциальных кадров для управленческих должностей. Например, в России уже не один год активно и масштабно реализуются проекты «Лидеры России», «Россия – страна возможностей», «Открываем Россию заново», «Твой ход», «Школа молодого политика», всероссийская олимпиада студентов «Я – профессионал» и т.д. Логика этих проектов во многом строится на принципе антрепренерской системы рекрутирования элит из области молодежной политики, общественно-политической деятельности и научной сферы²⁵⁰. Примечательно также то, что запрос на подобные кадры исходит от уже существующего кластера политических элит, заинтересованных в молодых, энергичных и креативных лидерах. Этот запрос продиктован очевидным кризисом политического управления неолиберального формата, который, так или иначе, успел институционализироваться в России за прошедшие десятилетия с момента падения СССР и сегодня, в условиях санкционного давления и геополитических сдвигов, проявляет свои слабые стороны в виде изоляционной уязвимости российской рыночной модели и резких поворотов в области государственной политики, переживающей уже третье смещение вектора за последние три десятилетия (сначала посткоммунистический, затем демократический, теперь – умеренно консервативный вектор)²⁵¹.

Можно предположить, что генераторы знаний, креаторы или когнитарии постепенно будут усиливать собственные позиции в то время, как творчество медленно, но верно замещает собой рутинный и профессиональный труд, за счет дискурсивной, политической, инвестиционной поддержки и формирования управленческого запроса кадровой политики на эффективных меритократов/технократов. Это обеспечит творческим личностям наиболее выгодные позиции в социальной стратификации и политическую протекцию,

²⁵⁰ Томаев А.Х. Социально-политические условия и факторы формирования молодежных политических лидеров в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 65-75.

²⁵¹ Айрапетян Д.А. Особенности элитогенеза и элитного позиционирования в посткапитализме: новые детерминанты обретения власти / Сборник «Перспективные проблемы современной политической науки в рамках исследований Ростовской научной элитологической школы». 2023. С. 93-99.

так как степень внедряемости когнитариев в политические круги будет увеличиваться со временем.

Однако, справедливости ради, стоит отметить, что современные политико-экономические условия, в которых вынуждена находится Россия в силу геополитических вызовов, пока не позволяют полноценно утверждать, что посткапиталистический тренд производства знаний и творческого способа деятельности активно институционализируется и гарантирует переход к новому типу элитогенеза (он только зарождается). Для того, чтобы это стало реальностью, необходима крайне высокая степень автоматизации труда и инновационно-ориентированная экономическая система. Пока что, в контексте политической повестки современной России, мы можем наблюдать некоторое превалирование подходов социально-ролевого консерватизма (в парадигме государства-цивилизации) над акцентуацией внимания на политических авангардистах при имплементации методов отбора и рекрутирования нового поколения управленцев.

Важной трансформацией политических институтов является также метаморфоза системы российского федерализма, демонстрирующая сегодня переход от дуалистической модели разделения полномочий к модели кооперативного федерализма с элементами административной централизации. Введение института федеральных округов, создание системы государственных корпораций с различными межрегиональными функциями, активное развитие национальных проектов (как механизма вертикальной координации между уровнями власти) свидетельствуют о формировании новой архитектуры политико-территориального управления. Цифровизация межбюджетных отношений через систему «Электронный бюджет»²⁵² и внедрение опций мониторинга эффективности региональных администраций создают условия для алгоритмического управления территориальным

²⁵² Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет». URL: <https://budget.gov.ru/Бюджетная-система> (дата обращения 26.02.2026).

развитием, где региональные элиты функционируют как управляющие локальными подразделениями единой государственной корпорации.

Дуалистическая модель федерализма предполагает четкое разграничение компетенций между федеральным центром и субъектами с минимальным пересечением полномочий. Российская модель 1990-х гг. во многом следовала этой логике, что приводило к значительной децентрализации и нередко к конфликтам между различными уровнями власти. Переход к кооперативному федерализму означает для России создание системы управления, где федеральный центр задает стратегические направления развития, а региональные власти выступают исполнителями федеральных программ с учетом местной специфики (исторической, этно-религиозной, географической, экономической и т.д.).

Институт федеральных округов играет важную роль в новой архитектуре территориального управления, выступая промежуточным звеном между федеральным центром и субъектами федерации. Полномочные представители Президента РФ координируют реализацию федеральной политики на макрорегиональных уровнях, обеспечивая тем самым единство правового пространства и согласованность действий региональных властей. Это закономерно создает еще один уровень административного контроля, который отсутствовал в классической модели федерализма.

Здесь же особое значение приобретают национальные проекты, выступающие неким механизмом вертикальной координации. Они представляют собой инновационную форму федерального управления, где цели и задачи формулируются на федеральном уровне, но их практическая реализация осуществляется уже через согласованные действия всех уровней власти.

Алгоритмическое управление территориальным развитием предполагает использование больших данных и ИИ для оценки эффективности региональных администраций. В этом ключе системы мониторинга социально-экономических показателей, рейтинги

эффективности деятельности органов власти, автоматизированные системы анализа общественного мнения создают объективную основу для принятия управленческих решений на федеральном уровне. Региональные элиты в этой системе функционируют как менеджеры, ответственные за достижение установленных федеральным центром целевых показателей.

Особое значение в контексте посткапиталистической трансформации приобретает эволюция института местного самоуправления. Активное муниципальное реформирование, протекающее в период 2010-2019 гг., предусматривало укрупнение муниципальных образований и передачу ряда полномочий на региональный уровень и сочеталось с активным внедрением цифровых платформ гражданского участия на локальном уровне. Такие платформы, как «Активный гражданин»²⁵³ и «Наш город»²⁵⁴ в Москве, а также аналогичные проекты в других регионах (например, «Активный ростовчанин»²⁵⁵ в Ростовской области) создают новую модель местного самоуправления, где традиционные представительные институты дополняются механизмами прямого цифрового участия граждан в принятии административных решений. Данная модель хоть и находится пока что в зачатках своего развития, но уже может рассматриваться как прототип посткапиталистической муниципальной демократии, где политическое участие осуществляется через цифровые платформы, а не через территориально-представительные институты.

Трансформации подлежит и партийная система России. В условиях посткапиталистического перехода и резких геополитических изменений, партийная система РФ отражает более широкие процессы деполитизации массового сознания и профессионализации политической деятельности. Переход от многопартийности периода посткоммунистических преобразований 1990-х гг. к доминантной партийной системе с «Единой Россией» в качестве партии власти создает институциональные

²⁵³ Активный гражданин. URL: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения 27.02.2026).

²⁵⁴ Москва наш город. URL: <https://gorod.mos.ru/> (дата обращения 27.02.2026).

²⁵⁵ Активный ростовчанин. URL: <https://ar.rostov-gorod.ru/> (дата обращения 27.02.2026).

условия для долгосрочного планирования и реализации крупномасштабных проектов развития.

Деполитизация массового сознания проявляется в снижении гражданского интереса к идеологическим дискуссиям и партийной борьбе в силу того, что основные парламентские партии почти не следуют декларируемым программам и идеологическим платформам, за исключением «Единой России» и «Новых людей», действующих в рамках своих программных установок. Идеологические паттерны, стоящие за историей создания, например, КПРФ или ЛДПР, остаются политическими символами, по которым партии дифференцируются. В целом же, КПРФ сегодня – партия артикуляции социальных интересов, связанных с государственным сектором экономики, обеспечивающая лишь преемственность коммунистических политических традиций. По сути, именно она должна представлять ключевой политический субъект посткапиталистических перемен, однако российских коммунистов очень сложно назвать политической силой, способной к масштабным политическим и технико-экономическим преобразованиям в русле цифрового социализма. ЛДПР выполняет функции политического клапана, но также расширяет свою программу включением вопросов национальной безопасности в киберпространстве и защиты традиционных ценностей в цифровую эпоху, имея при этом мало общего с либерально-демократической повесткой. «Справедливая Россия» позиционирует себя как представитель средних слоев населения и социал-демократических идей, пытаясь уделять внимание вопросам социальной справедливости в условиях цифровой экономики, однако партия размывает свое ключевое идейное поле через попытки одновременного апеллирования к патриотическим, левым и, отчасти, либеральным ценностям, что создает внутреннюю идеологическую противоречивость и затрудняет формирование устойчивой электоральной базы. «Новые люди» фокусируются на вопросах предпринимательства, инноваций и развития цифровых технологий, выступая в качестве наиболее молодой политической силы в России, ориентированной, преимущественно,

на технологические компании, стартап-сообщества, молодежь и граждан, симпатизирующим умеренно либеральным взглядам. Партия стремится занять нишу прагматичного либерализма, избегая острых политических вопросов. Однако до технолибертарианских проектов партии еще очень далеко.

В свою очередь, «Единая Россия» представляет собой партию власти с прагматичной идеологической платформой, сочетающей элементы государственного патернализма, консервативных ценностей и смешанной экономики, где государственное регулирование играет значительную и даже превалирующую роль над рыночными механизмами. Партия демонстрирует понимание глобального кризиса капиталистической системы через усиление государственного контроля над стратегическими отраслями экономики, развитие цифровой инфраструктуры под государственным управлением и внедрение широких программ социальной поддержки, которые выходят далеко за рамки неолиберальных рыночных отношений.

Отсутствие жесткой парламентской борьбы между партиями объясняется сегодня, преимущественно, тем, что геополитическая конкуренция трансформировала традиционные направления политической конкуренции в направлении консенсуса элит вокруг стратегических приоритетов развития, обеспечивая тем самым стабильность долгосрочного планирования и стратегическое целеполагание.

Политическая практика внутри России в последние годы демонстрирует не столько запрос на радикальную смену парадигмы политического управления, сколько на эффективное управление в принципе и обеспечение стабильности и безопасности. Это создает условия для формирования прагматического консенсуса, где легитимность власти определяется не идеологической поддержкой, а способностью обеспечить рост благосостояния и социальную стабильность. Профессионализация политической деятельности выражается в усложнении требований к политическим акторам и повышении роли экспертного знания в принятии решений. Не секрет, что современная политика требует глубокого понимания экономических, технологических и

социальных процессов, что, соответственно, приводит к формированию слоя профессиональных политиков и управленцев.

Существование КПРФ, ЛДПР, «Новых людей», «Справедливой России» как парламентских партий обеспечивает каналы артикуляции различных социальных интересов и создает механизмы внутрисистемной критики «Единой России» тогда, когда правящая партия претендует на политический монополизм. Функциональная роль оппозиционных партий в данной модели заключается не в борьбе за власть, а в обеспечении обратной связи между государством и обществом и в предотвращении системных рисков, связанных с информационной изоляцией правящей элиты.

Функция обратной связи между государством и обществом в ключевых партийной политики реализуется через комбинацию традиционных и цифровых каналов. Региональные отделения парламентских политических партий используют онлайн-платформы (например, сайт «Единой России»²⁵⁶ в Ростовской области) для сбора обращений и предложений граждан в качестве цифровых приемных, а также для мониторинга общественного мнения. Данные аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и цифровых сервисов (количество подписчиков, комментарии, репосты, лайки и реакции) политических партий постоянно анализируются для выявления актуальных проблем и настроений в обществе. Это же применяется в рамках электоральной конкуренции, которая в последние годы характеризуется высокой степенью технологической сложности. Партии активно используют цифровые инструменты для взаимодействия с избирателями. В какой-то мере усложнение технологических решений борьбы за электорат открывает новые возможности для политической мобилизации и повышает качество демократических процедур.

Качественные изменения происходят в сфере политической коммуникации и формирования общественного мнения. Государственные медиа в условиях последних лет трансформируются из инструментов

²⁵⁶ Единая Россия. Ростовская область. URL: <https://rostov.er.ru/> (дата обращения 27.02.2026).

идеологической пропаганды в полноценные механизмы координации коллективного действия и формирования консенсуса вокруг стратегических приоритетов развития страны и способов решения ее ключевых проблем. Развитие цифровых платформ государственных медиа (РТ²⁵⁷, «Россия сегодня»²⁵⁸, региональные медиагруппы) постепенно создают интегрированную информационную экосистему, способную конкурировать с глобальными медиакорпорациями и обеспечивать информационный суверенитет страны. Одновременное развитие социальных сетей и блогосферы способствуют формированию альтернативных каналов политической коммуникации, создающих полицентрическую модель общественного дискурса.

Определенные, хоть и дискуссионные, тренды институциональной посткапиталистической трансформации наблюдаются и в сфере гражданского общества, влияющего на политические институты. Не секрет, что уровень развития гражданского общества находится в России лишь на начальных этапах. Однако уже сегодня мы можем фиксировать постепенное административное снижение трендов формирования модели конфликтного взаимодействия с государством к модели партнерского сотрудничества. Введение статуса «иностранный агент» для некоммерческих организаций (НКО), получающих зарубежное финансирование, сочетается с активной поддержкой социально ориентированных НКО через систему президентских грантов и региональные меры поддержки. Развитие волонтерского движения, поддержка социального предпринимательства и создание условий для самоорганизации граждан в решении локальных проблем помогают формировать новую модель государственно-общественного партнерства.

Цифровизация последних лет кардинально изменила механизмы взаимодействия гражданского общества с государственными институтами через создание единых цифровых платформ для подачи общественных

²⁵⁷ РТ на русском. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения 27.02.2026).

²⁵⁸ Россия сегодня. URL: <https://россиясегодня.рф/> (дата обращения 27.02.2026).

инициатив и мониторинга их реализации. Развитие системы социальных инноваций получило новый импульс благодаря интеграции ИИ в процессы оценки социальных проектов и автоматизации распределения грантовых средств. Феномен «цифрового волонтерства»²⁵⁹ становится массовым явлением, когда граждане участвуют в решении общественных задач через специализированные мобильные приложения и онлайн-платформы, что значительно расширяет возможности гражданского участия. Формирование сетевых сообществ вокруг конкретных социальных проблем способствует созданию новой формы горизонтальной самоорганизации, в которой государству отводится роль координатора и поставщика ресурсов, а не директивного регулятора (например, такие организации, как АНО «Цифровые волонтеры»²⁶⁰).

Однако еще слишком рано напрямую утверждать о фактической институционализации подобной модели гражданской самоорганизации. Как отмечает С.В. Володенков²⁶¹, существующие на сегодняшний день технологии цифровой коммуникации между обществом и властью не являются гарантом качественного и эффективного общественно-политического взаимодействия. Интенсификация коммуникации между институтами власти и общества, появление инновационных способов взаимосвязи гражданина с государством не могут быть связаны напрямую с изменениями в качестве эффективности самой дискуссии между властью и гражданским обществом. Потенциалы цифровых технологий являются необходимыми, но недостаточными для обеспечения более высокого качества общественно-политической дискуссии.

К тому же, технологические изменения во взаимоотношениях между государством и обществом в современной России (как, собственно, и в любой

²⁵⁹ Башева О.А., Ермолаева П.О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 47-69.

²⁶⁰ АНО «Цифровые волонтеры». URL: <https://digital-volunteers.ru/> (дата обращения 27.02.2026).

²⁶¹ Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 6-24.

другой стране) имеют определенные риски для демократического политического процесса. В условиях посткапиталистической трансформации национальное государство конкурирует с корпорациями за информационный монополизм и сбор данных, поэтому в силу интенсивной цифровизации государственного контроля за обществом, возникают риски формирования системы тотального наблюдения, где каждое действие гражданина в общественной сфере может быть зафиксировано и проанализировано, что потенциально ограничивает спонтанность и аутентичность гражданских инициатив. Создание детализированных цифровых профилей и централизация всех личных данных граждан через всевозможные реестры сбора информации и анализ гражданского участия в общественных инициативах, политических акциях формирует основу для потенциальной дискриминации и селективного применения административных мер в зависимости от уровня лояльности и социальной активности. Концентрация данных о гражданской активности в руках государственных органов создает возможности для манипулирования общественным мнением через селективное информирование и создание искусственных трендов в социальных сетях. Цифровое профилирование и система цифрового рейтингования может трансформироваться в институт социального принуждения, где доступ к различным возможностям и ресурсам становится зависимым от показателей социальной ответственности и чрезмерного требования к предоставлению сбора данных, а также соответствия официально одобряемым моделям поведения.

Также потенциальная уязвимость цифровых систем к сбоям и злоупотреблению создает риски массового нарушения прав граждан при технических неисправностях или несанкционированном доступе к персональным данным. А постепенное сужение пространства для критической рефлексии и альтернативных точек зрения может привести к атрофии критического мышления в обществе и снижению качества общественно-политического диалога.

Все это приводит к неминуемому формированию в России соответствующих институциональной природе ГКТС социально-политических антагонизмов. Так, например, в контексте когнитивно-информационных антагонизмов, мы можем выделить борьбу за цифровой суверенитет, блокировки западных сервисов, цифровое неравенство между регионами страны. В сфере технополитических противоречий, выделяются проблемы обеспечения информационной открытости и чрезмерного контроля (блокировки Telegram, YouTube, сервисов компании Meta²⁶²). Биополитические антагонизмы также прослеживаются в требованиях QR-кодов во время пандемии COVID-19, биометрии в системах метрополитена, спорных аспектах функционирования системы ЕБС.

Цифровизация, протекающая в основном через реализацию национальных проектов, изменяет логику и функционал властных институтов вместе со всей системой политического управления. Активное развитие индустрии данных создает новые формы политической власти, основанной на информационном превосходстве и способности к предиктивному управлению. Цифровые экосистемы по типу «Сбера», «Яндекса», «Вконтакте», МТС или «Т-Банка» функционируют как полуполитические акторы, участвующие в формировании общественного мнения и предоставления услуг, схожих с государственными, что размывает четкие границы между государственным и частным секторами.

Государственные корпорации также играют весомую роль в процессе посткапиталистической трансформации. «Ростех», «Роскосмос», «Росатом», а также полугосударственный «Газпром» представляют собой институциональную инновацию, сочетающую в себе элементы государственного планирования и рыночных механизмов. Эти структуры, функционируют как политико-экономические институты, способные аккумулировать ресурсы для решения стратегических задач развития при сохранении гибкости в принятии оперативных решений. Системы ключевых

²⁶² Meta признана экстремистской организацией в России

показателей эффективности (КПЭ) для госкорпораций интегрируют их деятельность в общую систему государственного управления, создавая модель «управляемого рынка», где государство выступает не только регулятором, но и активным участником экономических процессов.

Подводя итог, подчеркнем, что системная трансформация российских политических институтов в условиях посткапиталистического перехода представляет собой комплекс формирования принципиально новой модели политической организации, которая синтезирует элементы различных управленческих парадигм в единую синтезированную систему ГКС. Ключевой особенностью данной трансформации является не революционная смена институциональных форм, а их эволюционная адаптация к требованиям цифровой эпохи при сохранении и одновременном расширении функциональной преемственности.

Фундаментальным вектором происходящих изменений является переход от процедурно-электоральной легитимации к модели результативной эффективности, что отражает более широкую тенденцию кризиса традиционных демократических институтов в условиях, когда усложнению подлежат управленческие задачи и необходимым является обеспечение суверенитета в силу интенсификации глобальной конкуренции. Цифровая трансформация политических процессов создает качественно новые возможности и уровни для взаимодействия между государством и обществом, однако одновременно порождает риски формирования системы тотального контроля, надзора и ограничения пространства для критической рефлексии государственной политики.

Трансформация федеративных отношений в направлении кооперативного федерализма с элементами административной централизации, эволюция партийной системы к модели доминантной партии с функциональной оппозицией, а также формирование новых механизмов гражданского участия свидетельствуют о складывании институциональной архитектуры, способной обеспечивать долгосрочную стабильность и

эффективность управления в условиях глобальной неопределенности с точечным урезанием демократических процедур.

Однако, вместе с тем, незавершенность процесса институционализации новых форм политического участия, а также сохраняющиеся риски цифрового авторитаризма и недостаточная разработанность механизмов эффективной обратной связи между обществом и государством указывают на необходимость дальнейшего совершенствования и корректировки складывающейся системы для обеспечения ее легитимности и устойчивости в долгосрочной перспективе.

3.3. Сценарные векторы институциональной адаптации российской модели политического управления к условиям посткапиталистического перехода: направления государственной политики

В условиях посткапиталистического перехода пока не прослеживается образ ни торжества «истинного царства свободы», ни появления «творческого универсального существа» в качестве массового социального типа²⁶³, ни общества настоящей демократии, обеспеченной через цифровые технологии. Горизонты посткапитализма выглядят сегодня крайне противоречивыми, содержащими в себе как реальные инструменты освобождения человека от труда, капиталистической эксплуатации и драйверы движения к политической справедливости и прозрачности, так и механизмы генерации новых антагонизмов и форм управления и контроля, работающих на более сложных технологических уровнях.

Россия, находясь в непростых геополитических условиях, демонстрирует, с одной стороны, реальные попытки адаптироваться к глобальным политико-экономическим изменениям через процесс цифровизации. Но, с другой стороны, сохраняется противоречие между декларируемыми целями технологического суверенитета и реальными возможностями создания самодостаточной инновационной экосистемы в

²⁶³ Новиков С.Г. «Заря посткапитализма» и стратегия российского образования // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 65-77.

условиях международных ограничений. Наблюдаемые в настоящее время в России политические и технико-экономические трансформационные процессы носят, преимущественно, адаптационный характер, направленный на сохранение социально-политической стабильности в переходный период, нежели чем на радикальное преобразование общественных отношений, которого, к слову, не наблюдается пока нигде в мире. Ведь, как мы выяснили ранее, посткапитализм зарождается через внутренние процессы-мутации (особенно через политические процессы), протекающие внутри еще прежних систем, но уже с намечающимися очертаниями будущего мира²⁶⁴.

В этой связи, прогнозирование траекторий эволюции российских политических институтов в контексте посткапиталистического перехода требует комплексного анализа внутренних противоречий складывающейся модели и внешних вызовов, с которыми сталкивается страна. Формирующаяся в России гибридная система управления, сочетающая элементы ГКТС и традиционные политические механизмы, находится сегодня в стадии активного становления и содержит в себе множественные потенциальные векторы развития.

Российская модель политического управления, как уже было выделено ранее, сочетает в себе конструкты централизованных административно-политических иерархий и сетевые цифровые платформы, находясь в процессе динамического развития, характеризующегося постоянным поиском оптимального баланса между различными управленческими логиками. Прогнозный анализ, который мы можем предпринять, указывает на несколько гипотетических сценариев эволюции данной модели, каждый из которых определяется особой спецификой взаимодействия технологических возможностей, актуальных политических приоритетов и общественных запросов.

²⁶⁴ Давыдов Д.А. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций // Антиномии. 2020. Т. 20. № 1. С. 75-103.

Первый сценарий – усиление централизации. Учитывая резкое ужесточение российского законодательства в области цифровизации и информационных технологий, можно предположить, что возможным является постепенное расширение роли федеральных органов власти в координации цифровых процессов и управленческих решений на базе единых алгоритмических систем. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»²⁶⁵, несмотря на прорывные для экономики России цели, может привести к созданию централизованной системы управления данными, где региональные и муниципальные платформы функционируют как элементы единой федеральной системы. Такие задачи национального проекта, как «Модернизация ГИС, бесшовное взаимодействие и эффективный обмен данными между ведомствами» и «Обеспечение защищенности ключевых ГИС и безопасности российского сегмента сети «Интернет», с одной стороны, призваны оптимизировать процесс цифровизации государства, но, с другой – могут привести к созданию жестко контролируемого цифрового пространства, где обеспечение безопасности становится инструментом ограничения информационных потоков и усиления государственного контроля над цифровой активностью граждан и организаций.

В этом сценарии плавная интеграция систем ИИ в процессы стратегического планирования создает перспективы более точного прогнозирования социально-экономических процессов и оперативного реагирования на возникающие вызовы. Федеральные алгоритмические модели будут обеспечивать стандартизацию процедур принятия решений на всех уровнях управления, что позволит достигать большей согласованности в реализации государственной политики, значительно уменьшать бюрократическую нагрузку и нивелировать риски региональных диспропорций.

²⁶⁵ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения 27.02.2026).

Ключевым элементом данного сценария мы видим создание единой цифровой платформы, интегрирующей в себя все уровни власти в рамках общего для страны информационного пространства. Такая платформа, которая могла бы стать квинтэссенцией самой парадигмы цифрового развития, может обеспечить беспрецедентную прозрачность управленческих процессов для федерального центра и позволить осуществлять мониторинг региональных и муниципальных администраций в режиме реального времени. Система централизованного планирования получила бы новые возможности благодаря использованию больших данных и машинного обучения для анализа общественных потребностей и оптимизации распределения и перераспределения ресурсов.

Однако чрезмерная централизация несет и недостатки. Она может спровоцировать снижение адаптивности системы к локальным условиям и специфическим региональным потребностям. Унификация алгоритмических решений может и не учитывать особенности социально-экономического развития отдельных территорий, что непременно создаст риски снижения эффективности управления. Кроме того, концентрация управленческих функций в федеральном центре способна привести к перегрузке централизованных систем и замедлению процессов принятия решений по вопросам, требующих оперативного реагирования.

Существенным вызовом уже сегодня становится обеспечение кибербезопасности государственных информационных систем, а при условии внедрения централизованной платформы ее резистентность и устойчивость к кибернетическим угрозам обеспечит новую критически важную проблему, поскольку концентрация уязвимых данных в единых цифровых платформах повышает риски системных сбоев и внешних угроз. Необходимость поддержания высокого уровня защищенности потребует значительных инвестиций в развитие соответствующих технологических решений и подготовку квалифицированных кадров. Однако концентрация механизмов защиты в руках федеральных органов власти обернется снижением

технологической автономии регионов и создаст условия для избыточного мониторинга всех цифровых процессов под предлогом обеспечения безопасности.

Социальные аспекты такого сценария связаны с вероятным снижением роли гражданского участия в общественно-политических процессах местного самоуправления, поскольку основные решения будут приниматься на федеральном уровне с использованием алгоритмических систем. Постепенно это приведет к отчуждению граждан от процессов управления и снижению их мотивации к участию в общественной жизни. Но, вместе с тем, централизованная система в силах обеспечить более равномерное распределение и справедливое перераспределение государственных услуг и социальных благ между различными регионами, что будет способствовать технологическому укреплению принципов социальной справедливости.

Альтернативный первому сценарий предполагает оппозиционное усиление сетевых элементов управления через активное развитие горизонтальных связей между различными уровнями государственной власти и параллельное этому расширение механизмов общественного участия в процессе принятия решений. Эволюция имеющихся платформ в сторону все более сложных систем коллективного взаимодействия, гипотетически, может привести к формированию новых форм цифровой демократии, где именно граждане, а не узкий круг политических элит получают реальные возможности влияния на государственную политику, что соответствует некоторым направлениям технопрогрессивистского взгляда на посткапитализм и ГКТС.

Данный сценарий характеризуется созданием децентрализованных сетевых структур управления, основанных, в первую очередь, на принципах субсидиарности и партисипативности. Цифровые платформы в рамках такой модели будут функционировать как открытые экосистемы, обеспечивающие многоуровневое взаимодействие между государственными органами, общественными организациями, бизнес-структурами и самими гражданами. Актуальные технологические инновации по типу распределенных реестров и

блокчейна в перспективе могут стать основой для создания прозрачных и защищенных систем голосования и принятия коллективных решений.

Здесь развитие межрегиональных платформ сотрудничества станет ключевым элементом данного сценария. Регионам нужно обеспечить возможность самостоятельно инициировать и реализовывать совместные проекты, обмениваться опытом и ресурсами под координирующей функцией федерального центра без директивного давления. Создание специализированных цифровых пространств для межрегионального диалога крайне важно для федеративного устройства России. Оно позволит формировать гибкие коалиции территорий для решения общих задач в сфере экологии, развития и модернизации транспортной инфраструктуры и координации социальной политики.

Если принять вероятность развития подобного сценария как высокую, можно предположить, что цифровые платформы участия граждан постепенно эволюционируют от простых инструментов обратной связи к сложным системам полноценной делиберативной демократии. Граждане получают возможность участвовать в структурированных онлайн-дискуссиях по важным общественным вопросам, где их мнения смогут обрабатываться с использованием алгоритмов ИИ и анализа больших данных для выявления консенсусных позиций и альтернативных точек зрения.

Локальные органы власти в рамках данного сценария получают значительно большее количество автономии нежели, чем сегодня. В их руках будет выбор инструментов и методов управления, что позволит им лучше адаптироваться к специфическим потребностям территорий и экспериментировать с инновационными подходами. Это можно сравнить с созданием своеобразных региональных и муниципальных «песочниц» для тестирования новых управленческих технологий.

Отметим, что развитие систем открытых данных и прозрачности государственного управления станет неотъемлемой частью данного сценария. России придется отказаться от стратегии сокрытия многих государственных

баз данных. Граждане и общественные организации получают доступ к широкому спектру правительственной информации, что позволит осуществлять более эффективный контроль за деятельностью органов власти и участвовать в независимом контроле качества государственных услуг.

Однако риски развития такого сценария связаны с возможной, а то и полной фрагментацией управленческих процессов и усложнением координации стратегических решений. Множественность участников процесса принятия решений приведет к замедлению административных процедур и снижению оперативности реагирования на кризисные ситуации. Различие в подходах к управлению в регионах может создать новые формы межрегиональных диспропорций социально-экономического развития и качества государственных услуг. Здесь же серьезным вызовом встает вопрос обеспечения качества самого общественного участия. Необходимо адекватно относиться к тому и признавать, что не все граждане обладают достаточными знаниями и компетенциями для принятия обоснованных решений по сложным вопросам государственной политики. Это автоматически порождает риски популистского влияния на политические процессы и манипулирования общественным мнением через цифровые каналы.

Учитывая это, а также реальные условия, в которых сегодня находится Россия, наиболее вероятным представляется развитие в сторону динамического баланса – третьего сценарного вектора, при котором происходит дифференциация сфер применения централизованных и сетевых механизмов управления в зависимости от характера решаемых задач. Например, стратегические вопросы национальной безопасности, макроэкономического планирования и обеспечения технологического суверенитета должны оставаться в компетенции централизованных структур, использующих возможности ИИ для анализа данных и прогнозирования. В свою очередь, тактические задачи социального развития, городского планирования и предоставления государственных услуг могли бы перейти в

сферу сетевых платформ с активным включением гражданского участия и местных сообществ.

Критическим же вызовом для всех сценариев, безусловно, является риск доминирования технократических алгоритмов над человеческим фактором в процессах принятия решений. Алгоритмические системы, основанные в том числе на анализе исторических данных, при всех их производственных преимуществах, могут воспроизводить существующие социальные неравенства и ограничивать возможности для инновационных решений, не укладывающиеся в рамки статистических закономерностей и холодных машинных расчетов. Иными словами, высока вероятность механистического подхода к сложным социально-политическим процессам.

Эволюция российской политической системы в направлении посткапиталистической модели сопровождается фундаментальными изменениями в механизмах обеспечения легитимности власти. Мы уже обозначали, что традиционная процедурно-электоральная модель постепенно дополняется и частично замещается моделью результативной эффективности, что создает новые возможности и риски для политической стабильности. Усиление модели результативной эффективности проявляется в возрастающей роли цифровых сервисов как механизмов демонстрации государственной компетенции. Рейтинги удовлетворенности граждан порталом «Госуслуги», эффективность цифровых платформ предоставления государственных услуг населению и успешность реализации национальных проектов становятся ключевыми индикаторами легитимности власти. В идеале цифровые технологии позволяют в режиме реального времени отслеживать общественную реакцию на государственные инициативы и корректировать политический курс в соответствии с запросами граждан. Однако чрезмерная зависимость от технологических решений может привести к некоторой эрозии традиционных механизмов политического участия и полному отходу от процедурно-электоральной легитимности.

Сама же процедурно-электоральная легитимность в условиях посткапиталистической трансформации политических процессов, скорее всего, претерпит серьезные изменения. Электронное голосование, цифровые избирательные кампании, онлайн-дебаты и т.д. создают новые возможности для политического участия, одновременно порождая вопросы о прозрачности и безопасности избирательных процедур. Риск манипулирования общественным мнением через алгоритмические системы, политический нейромаркетинг и персонализированную рекламу могут подорвать доверие к электоральным действиям (как это уже было в США с использованием микротаргетинга в процессе президентской кампании 2020 года²⁶⁶) и привести к их формализации.

Формирование общественных запросов на прозрачность, безопасность и контроль над алгоритмическими системами и в целом цифровыми технологиями является закономерной реакцией на возрастающую роль ИИ во всех сферах общественной жизни. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в мае 2024 года были зафиксированы главные недостатки электронных услуг²⁶⁷. Возможные проблемы с безопасностью данных отмечают 46 % опрошенных, 40% отмечают невозможность оценить качество товара/услуги до его приобретения и трудности в случае отсутствия интернета или сбоев в работе системы. В целом, можно утверждать, что граждане требуют понимания принципов работы алгоритмов, влияющих на их жизнь, права на объяснение автоматизированных решений и возможности их обжалования. В этом ключе развитие института цифровых прав и создание механизмов общественного контроля над алгоритмическими системами становятся крайне необходимы для того, чтобы поддерживать легитимность ГКТС в России.

²⁶⁶ РБК. Тренды. Большие данные и большая политика: как технологии влияют на выборы. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ef4c3299a7947db501485f8> (дата обращения 27.02.2026).

²⁶⁷ Наша цифровая повседневность. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost> (дата обращения 27.02.2026).

Как и в случае с эволюцией политического управления, потенциальные риски делигитимации модели результативной эффективности тесно связаны с цифровым неравенством, которое пока что не удалось разрешить, а также с техническими сбоями в работе платформ. Неравный доступ к цифровым технологиям может создать не существующие ранее формы политического исключения, когда часть граждан оказывается лишенной возможности полноценного участия в политических процессах. Технические сбои в критически важных системах, ошибки или галлюцинации со стороны ИИ, кибератаки на государственные платформы являются мощными факторами утраты доверия к цифровым механизмам политического участия и могут актуализировать традиционные формы протестной активности.

Следовательно, будущее форматов, обеспечивающих легитимность власти, зависит от возможностей самой власти нивелировать основные угрозы, которые несут с собой внедряемые в работу государственных институтов алгоритмические системы, а также в обеспечении максимально широкого доступа населения к цифровым технологиям. При этом необходимо понимать, что институционализация модели результативной эффективности не должна отменять демократию и выборы как драйверы политической эволюции России, однако она сместит фокус факторов легитимации с идеологических аспектов на более утилитарные и практические результаты политико-административной деятельности.

Трансформация институтов гражданского общества будет напрямую зависеть от изменений в системах политического управления и механизмов легитимации. Перспективы развития цифрового гражданского общества во многом определяются способностью найти баланс между эффективностью информационных технологий и сохранением пространства для критической рефлексии и альтернативных точек зрения.

Безусловно, рост цифрового волонтерства и развитие платформ гражданского участия демонстрируют потенциал цифровых технологий для мобилизации общественной активности. Использование мобильных

приложений для координации волонтерских инициатив, создание онлайн-платформ для краудфандинга социальных проектов и создание цифровых сообществ вокруг общественных проблем расширяют возможности граждан для участия в решении социальных задач. Однако, как отмечалось ранее, массовое использование цифровых платформ для общественно-политической деятельности генерирует риски тотального контроля через социальное рейтингование и цифровое профилирование активистов, правозащитников, местных оппозиционных политиков.

В этом смысле перспективы законодательной защиты цифровых прав граждан становятся критически важными для будущего обеспечения баланса между эффективностью ГКТС и конституционными свободами. Ведь цифровое «государство-платформа» хоть и преобразует существующие форм-факторы управления и оказания услуг в платформенные решения и суперсервисы²⁶⁸, оно испытывает те же фундаментальные проблемы соотношения политической власти и ее подотчетности гражданскому обществу, что и бюрократическое, реальное государство эпохи индустриального капитализма, однако, с особым фактором. Этот фактор Е.О. Гаврилов называет цифровой «деформацией конституционного строя государств и ослаблением порождаемых ими правовых систем»²⁶⁹. Цифровые технологии вторгаются в охраняемые конституциями области публичного и частного права и вступают в противоречие с утвержденными высшими нормативными основами современных государств. В итоге цифровые инструменты контроля и надзора превалируют над конституционными гарантиями тайны частной жизни. Это требует разработки, как глобальных, так и национальных цифровых прав и обязанностей граждан и политических институтов²⁷⁰.

²⁶⁸ Мирошниченко М.А., Городничая Д.И., Хейшхо М.Ю. Государство как платформа: к чему ведет цифровая трансформация госуправления // Вестник академии знаний. 2023. № 2 (55). С. 450-458.

²⁶⁹ Гаврилов Е.О. Перспективы развития государства в XXI веке // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 27-45.

²⁷⁰ Дроздова А.М. Некоторые аспекты соотношения общества и государства на современном этапе // Юридический вестник ДГУ. 2023. № 2 (66). С. 9-12.

Именно поэтому в будущем крайне важно обеспечить закрепление права на цифровую анонимность, рамочное ограничение возможностей агрегирования персональных данных между ведомствами и создание независимых механизмов контроля за использованием алгоритмических систем. Все это в перспективе становится базовыми элементами принципа цифрового правового государства в контексте ГКТС. Однако реализация таких мер требует политической воли и создания соответствующих институциональных механизмов.

Дальнейшее обеспечение цифрового суверенитета в условиях глобальной технологической конкуренции и санкционного давления становится одним из ключевых факторов, определяющих перспективы развития российской модели посткапиталистических институтов. Стратегия достижения технологической независимости будет требовать от России уверенного балансирования между необходимостью международного сотрудничества и задачами обеспечения безопасности.

В ракурсе внутренней политики основной константой политического управления должно стать понимание того, что активизация чрезмерно рестриктивного законодательного инструментария для россиян, ограничивающего их свободу на получение информации из альтернативных источников, запрещающего пользование иными цифровыми продуктами, за исключением отечественных и формирование изолированного от глобального сегмента российского интернета являются сомнительными шагами к обеспечению цифрового суверенитета. Подлинный цифровой суверенитет должен строиться на базе развития конкурентоспособных российских технологий и создания привлекательных цифровых экосистем без чрезмерного контроля государства над таковыми, способных органично интегрироваться в глобальное информационное пространство при сохранении национальной идентичности и защиты ключевых отечественных интересов. Жесткие ограничения же могут привести к ощутимому технологическому отставанию, снижению инновационного потенциала и формированию

цифрового разрыва между российским обществом и глобальными тенденциями развития информационных технологий. Такой подход рискует создать замкнутую цифровую среду, которая не только ограничит доступ граждан к передовым знаниям и технологическим решениям, но и затруднит интеграцию российских разработок в международные стандарты и рынки. Поэтому любые ограничения в работе цифровых сервисов должны обосновано сопоставляться с необходимостью защиты критически важной цифровой инфраструктуры и оперативно замещаться альтернативными сервисами и продуктами с минимально возможной потерей функционала и качества.

Во внешнеполитическом треке развитие геотехнологических альянсов с дружественными странами представляет собой перспективную альтернативу изоляции в условиях ограничений доступа к западным технологиям. Сотрудничество с ключевыми российскими партнерами в области создания международной цифровой инфраструктуры, возможные совместные проекты стран ЕАЭС по созданию единого цифрового пространства и инициативы БРИКС в рамках конструирования новой региональной цифровой экономики создают возможности для формирования альтернативной технологической экосистемы. Однако важно отметить, что эффективность подобных альянсов зависит от способности участников обеспечивать взаимодополняемость технологических инноваций и компетенций и преодолевать различия в национальных подходах к цифровому регулированию. Следовательно, внешняя политика в данной области должна быть именно реальной, строго отвечающей на вопрос о том, необходим ли России партнер, не имеющий возможности взаимодополнить ее технологические потребности и, в принципе, не обладающий необходимой инфраструктурой для технологического обмена. Иначе заключение альянсов с технологически не развитыми странами станет политически убыточным с точки зрения геотехнологических и репутационных издержек.

Зависимость от дружественных стран в производстве чипов и других важных компонентов, например, для стабильного развития национальных ИИ-

систем создаст новые формы технологической зависимости, которые наверняка будут использоваться в геополитике ближайшего будущего аналогично тому, как сегодня для политического давления применяются глобальные пути транзита углеводородов и энергоресурсов. Развитие собственных производственных мощностей в области микроэлектроники требует значительных инвестиций и длительного времени, что, к сожалению, генерирует сегодня временные окна уязвимости для российской цифровой инфраструктуры. Так, уязвимость импортозамещения в условиях санкций особенно остро проявляется в сфере производства полупроводников и высокотехнологичного оборудования. По словам руководителя аналитического агентства Content Review Сергея Половникова, озвученным в 2022 году, России понадобится лет 15 на это (на налаживание системы изготовления полупроводников), если такая задача вообще стоит²⁷¹.

Анализ перспектив развития российской модели посткапиталистических политических институтов выявляет несколько критических факторов, которые могут определить успешность или неуспешность данной трансформации.

Кадровый вопрос представляет собой один из наиболее острых вызовов для развития цифрового «государства-платформы». Дефицит специалистов в области ИИ, данных и цифровых технологий в государственном и частном секторах создает серьезные ограничения для эффективного внедрения технологических решений. По данным Forbes, дефицит кадров, работающих с инструментами на базе ИИ в промышленности, к 2030 году составит от 2 млн до 3 млн человек²⁷². Назревает необходимость фундаментальной реформы системы высшего образования для подготовки нового типа кадров, способных работать на стыке технологий и государственного управления, также

²⁷¹ России потребуется 15 лет на импортозамещение полупроводников. Прогноз руководителя аналитического агентства Content Review Сергея Половникова. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/05/12/rossii-potrebuetsja-15-let-na-importozameshenie-poluprovodnikov.html> (дата обращения 01.03.2026).

²⁷² Дефицит промышленных кадров со знанием ИИ к 2030 году достигнет 3 млн человек. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/535907-deficit-promyslennyh-kadrov-so-znaniem-ii-k-2030-godu-dostignet-3-mln-people> (дата обращения 01.03.2026).

требующая значительных инвестиций и времени. Одновременно существует риск продолжения «утечки мозгов» из-за различий в оплате труда и условиях работы между государственным и частным секторами, особенно в условиях международных санкций. При этом мы фиксируем, что незавершенность в стране индустриализации (как наследие советского прошлого, когда социализм не успел эффективно завершить этот процесс) оставляет и поныне высоким спрос на «синие воротнички»²⁷³.

Экономические противоречия между требованиями мобилизационной модели и потребностями IT-сектора могут создать структурные напряжения в экономической системе России. Военно-промышленный комплекс, получающий приоритет в условиях геополитической конфронтации, характеризуется директивными методами планирования и жесткой иерархией управления. IT-сектор, форсирующий генерацию корпоративной компоненты ГКТС, напротив, требует творческой свободы, гибкости организационных структур и открытости международному сотрудничеству.

Поиск баланса между технократической эффективностью, традиционным консерватизмом и запросом на индивидуальные свободы представляет собой фундаментальную задачу для будущей легитимации посткапиталистической модели. Институты должны возвращать и воспитывать в России индивидов, с одной стороны, как значимых самих по себе, и, с другой стороны, как субъектов, зависящих от общества. Это позволит избегать излишнего социоцентризма (в восточном понимании превалирования общественных интересов над индивидуальными) и антропоцентризма (в западном понимании первичности интересов личности над общественными). Это наиболее соответствует посткапиталистической постматериальной системе, и это поможет находить социально-политический баланс в антагонизмах и противоречиях будущих лет.

Формирование такого баланса требует создания новых форм политической культуры, основанных, преимущественно, на принципах

²⁷³ Красникова Е.В. Посткапитализм как реальность. Горизонты экономики. 2024. № 6 (87). С. 5-17.

взаимной ответственности и солидарности. Цифровые технологии могут способствовать этому процессу через создание всевозможных платформ обсуждения общественных проблем, коллективного принятия решений и систем обратной связи между гражданами и властью. Однако реален риск того, что технологические решения будут использованы для манипулирования общественным сознанием и подавления критических голосов.

Таким образом, перспективы посткапиталистического перехода в Российской Федерации во многом зависят от способности ее политической системы адаптироваться к быстро меняющимся условиям и находить оперативные инновационные решения для возникающих проблем. Для эффективного развития у России есть все необходимое в контексте технологически прорывного XXI века: искусственный интеллект и энергетические потенциалы. Говоря о «нежной сингулярности», основатель компании OpenAI С. Альтман отмечает, что «в 2030-х интеллект и энергия – идеи и возможности их реализовать – станут невероятно доступны... С изобилием интеллекта, энергии (и хорошим правлением) теоретически мы сможем достичь чего угодно»²⁷⁴. Беря на вооружение идеи американского предпринимателя, заключим, что успешность данной трансформации будет определяться не только технологическими возможностями, но и способностью сохранить человеческое измерение политики и обеспечить гармонию между эффективностью и результативностью управления и базовыми демократическими ценностями, не скатываясь в цифровой тоталитаризм.

Проведенный выше сценарный анализ позволяет нам заключить, что реализация приоритетного сценария динамического баланса, при котором централизованные и сетевые механизмы управления дифференцируются по сферам применения в зависимости от характера решаемых задач, попросту не может быть обеспечена «стихийным» развитием технологий. Данная реализация требует исключительной целенаправленности и

²⁷⁴ Альтман С. Нежная сингулярность. Insolarance. URL: <https://insolarance.com/the-gentle-singularity/> (дата обращения 01.03.2026).

последовательности государственной политики, основанной на комплексном учете выявленных в настоящем исследовании возможностей и рисков посткапиталистической трансформации. Следовательно, на основании проведенного анализа представляется возможным сформулировать и предложить несколько приоритетных направлений государственной политики, реализация которых создаст институциональные условия для устойчивого развития российской модели цифрового «государства-платформы».

Первое направление заключается в институциональном закреплении принципа дифференцированного управления. По сути, речь идет о нормативном разграничении сфер применения централизованных и сетевых механизмов принятия решений. Видится логичным, чтобы стратегические вопросы национальной безопасности, макроэкономического планирования и обеспечения технологического суверенитета оставались закрепленными за федеральными структурами, использующими алгоритмические системы анализа данных и прогнозирования. В свою очередь, различные тактические задачи социального развития, городского планирования, предоставления государственных и муниципальных услуг целесообразно было бы передавать в сферу платформ с активным включением гражданского участия и местных сообществ. Для такого подхода необходимыми видятся разработка и принятие нормативно-правового акта, устанавливающего критерии отнесения управленческих задач к централизованному и сетевому контуру, а также механизмы перехода задач между контурами (учитывая возможные изменения их стратегической значимости, что особо важно в условиях глобальной турбулентности и нестабильности).

Второе направление фокусируется на формировании правовой основы цифровых прав и цифрового правового государства. Как было показано в нашем исследовании, построение ГКТС в России сопряжено с рисками деформации конституционного строя под воздействием цифровых технологий, вторгающихся в охраняемые области публичного и частного

права. В связи с этим, мы видим необходимой разработку комплексного законодательного акта о цифровых правах граждан, включающего:

- право на цифровую анонимность в случаях, не связанных с обеспечением национальной безопасности;
- право на получение разъяснения при принятии в отношении гражданина автоматизированного решения и право на его обжалование;
- право на удаление персональных данных из государственных систем при истечении установленных сроков хранения.

Считаем, что законодательное закрепление указанных прав стало бы нормативным фундаментом принципа цифрового правового государства, способного обеспечивать баланс между эффективностью платформенного управления и конституционными гарантиями граждан. Оно также послужит важным фактором легитимации модели результативной эффективности.

Третье направление связано с созданием независимого института общественного контроля за алгоритмическими системами. Зафиксированная в диссертации интеграция ИИ в процессы политического управления на основании Индекса зрелости ИИ ФОИВ, симптоматично ставит вопрос о подотчетности алгоритмических систем, принимающих или рекомендующих управленческие решения. Считаем целесообразным создание специализированного органа (например, цифрового омбудсмана или комиссии по алгоритмической подотчетности), наделенного полномочиями по проведению аудита алгоритмических систем, применяемых в политическом управлении, по рассмотрению обращений граждан, связанных с автоматизированными решениями, а также, что важно, по выработке рекомендаций по обеспечению прозрачности работы ИИ. Здесь необходимо подчеркнуть, что данный институт должен обладать достаточной независимостью от федеральных органов исполнительной власти и обеспечивать связь между гражданским обществом и технократическими структурами цифрового «государства-платформы». Это поможет

предотвратить алгоритмические риски скатывания в цифровые формы неправомерного и чрезмерного контроля над гражданами.

Четвертое направление связано с кадровой политикой, а именно акцентирует внимание на ликвидации кадрового дефицита, существующего на стыке цифровых технологий и государственного управления. Проведенное исследование выявило определенное «проседание» в обеспеченности федеральных ведомств ИИ-специалистами, а также системный дефицит кадров, способных работать в сферах пересечения технологий и публичного управления. По нашему мнению, государственная политика в данной области должна включать реформирование образовательных программ «государственное и муниципальное управление» и «политология» с обязательным включением модулей по работе с данными, алгоритмическими системами и цифровыми платформами. Также необходимым видятся создание системы непрерывного повышения квалификации государственных служащих и политиков в сфере цифровых компетенций; разработка конкурентных механизмов привлечения и удержания ИТ-специалистов в государственном секторе, включая оплату труда, сопоставимую с частным сектором, и возможности для профессионального роста. Не менее важным является масштабирование кадровых проектов по выявлению и рекрутированию управленцев нового типа (по модели «Лидеры России» и аналогичных программ) с усилением технологической компоненты оценки компетенций участников. В этом ключе нужно понимать, что бездействие в решении кадровой проблемы приведет к тому, что формирование гибридной модели управления, где человеческое экспертное суждение сочетается с алгоритмическими рекомендациями, останется сугубо декларативным.

Пятое направление крайне важно с точки зрения политико-управленческих дилемм и диспаритетов. Сегодня для России критически важно выработать стратегию развития технологического суверенитета без изоляции от глобального информационного пространства. Как показано в исследовании, подлинный цифровой суверенитет должен основываться на

развитии, в первую очередь, конкурентоспособных отечественных технологий, а не на рестриктивном ограничении доступа граждан к альтернативным цифровым продуктам и источникам информации. Следовательно, государственная политика в данной области могла бы предполагать приоритетное инвестирование в развитие отечественных производственных мощностей в области микроэлектроники и полупроводников как критически важного условия независимости цифровых инфраструктур. Любые ограничения в функционировании зарубежных цифровых сервисов должны сопровождаться оперативным созданием альтернативных отечественных продуктов с минимальной потерей функционала и качества, и, что крайне важно, эффективной системой обеспечения пользовательской безопасности, не уступающей глобальным платформам. Здесь же нужно стимулировать конкурентную среду в отечественном IT-секторе при сохранении государственного контроля над критически важной цифровой инфраструктурой. Изоляционистский же подход, основанный на всевозможных запретах доступа, блокировках сервисов рискует привести к технологическому отставанию и цифровому разрыву между российским обществом и глобальными тенденциями, что, в конечном счете, только ослабит Россию и снизит доверие населения к власти, а не укрепит позиции страны в геотехнологической конкуренции.

Шестое направление связано с развитием платформ цифрового гражданского участия, начиная от утилитарных инструментов обратной связи к полноценным институтам делиберативной демократии (что означает акцент на институционализации публичных дискуссий и достижении консенсуса между гражданами, а не просто голосование за представителей отдельных социальных групп²⁷⁵). Существующие сегодня в России платформы продемонстрировали свою работоспособность как каналы коммуникации между гражданами и властью. Однако для реализации сценарного вектора

²⁷⁵ Черкасова Т.П., Айрапетян Д.А., Бобровнич А.А. Трансформация демократической модели в условиях перехода к посткапитализму // Власть. 2025. Т. 33. № 5. С. 24-35.

динамического баланса, по нашему мнению, необходима их качественная эволюция в сторону делиберативных институтов. Такая эволюция предполагает внедрение механизмов структурированных онлайн-дискуссий по общественно значимым вопросам с использованием алгоритмов выявления консенсусных позиций и альтернативных точек зрения. Здесь принципиально важно обеспечение реальной (а не номинальной) связи с результатами цифрового участия, с процессом принятия управленческих решений, включая нормативно закрепленную обязанность органов власти реагировать на итоги общественных обсуждений. Развитие платформ цифрового участия в этом направлении могло бы стать важнейшим институциональным механизмом непрерывной легитимации, компенсирующим ослабление процедурно-электоральной модели легитимации и способствующим структурно-институциональному развитию посткапиталистической формы демократии²⁷⁶.

Наконец, седьмое направление заключается в преодолении цифрового неравенства как условия будущей политической инклюзивности российского общества. Существующее цифровое неравенство между регионами, возрастными поколениями граждан и социальными группами представляет собой не только технологическую, но и политическую проблему. Она заключается в том, что в условиях перехода к платформенной модели управления неравный доступ к цифровым технологиям автоматически означает неравный доступ к политическому участию и государственным услугам, создавая при этом новые формы политического исключения. Для того, чтобы нивелировать данную угрозу, государственная политика должна включать ускоренное развитие цифровой инфраструктуры в регионах с низким уровнем цифровой зрелости; реализацию программ повышения цифровой грамотности (ориентированных, в первую очередь, на самые уязвимые группы населения); сохранение возможности получения государственных услуг в нецифровом формате в переходный период – это помогло бы исключить ситуации, когда граждане оказываются лишены

²⁷⁶ Там же.

доступа к базовым услугам и правам в силу отсутствия цифровых компетенций или технической возможности. Важно понимать: только при обеспечении широкого и равного доступа к цифровым платформам модель результативной эффективности сможет обрести массовую легитимность и не превратить ГКТС в цифрового Левиафана.

Предложенные направления государственной политики в совокупности формируют институциональный каркас приоритетного, с нашей точки зрения, сценария динамического баланса. Их последовательная реализация и имплементация позволит обеспечить переход от «стихийной» адаптации политической системы к целенаправленному институциональному строительству, учитывающему как глобальные закономерности посткапиталистической трансформации, так и, конечно же, специфику политического контекста современной России.

Формирование устойчивой модели посткапиталистических политических институтов будет требовать постоянного диалога между различными общественными группами, гибкости в корректировке институциональных решений и готовности к экспериментированию с новыми формами политического участия. Только при соблюдении этих условий российская модель может стать реальной альтернативой традиционными западным демократическим системам, терпящим кризис легитимности в силу неолиберального коллапса, и внести вклад в формирование нового типа политической организации, соответствующего вызовам XXI века.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование позволяет утверждать, что современная глобальная политическая система находится в процессе фундаментальной трансформации, выходящей за рамки традиционных циклических кризисов капитализма и знаменующей посткапиталистический переход к качественно новой системе общественно-политической организации. Данная трансформация характеризуется не революционным разрывом с прежними институциональными формами, а их глубокой функциональной мутацией под воздействием политико-перераспределительных аспектов, технологических, экономических и социально-политических факторов, среди которых ключевую роль играют цифровизация, платформизация экономики, развитие искусственного интеллекта и формирование принципиально новых механизмов осуществления политической власти.

Центральным результатом исследования является концептуализация государственно-корпоративного техно-субъекта как нового гибридного актора политических процессов, возникающего в результате симбиотического слияния государственных институтов и транснациональных технологических корпораций вокруг контроля над цифровой инфраструктурой, данными и алгоритмическими системами управления. Формирование ГКТС представляет собой не временную конъюнктурную аномалию, а структурную тенденцию посткапиталистического перехода, обусловленную логикой развития цифровых технологий и трансформацией ресурсной базы политической власти.

Фундаментальная трансформация ресурсной базы власти от материальных активов к нематериальным – данным, алгоритмам, вниманию, когнитивным способностям – порождает качественно новый тип властных отношений, который мы определили как дата-центричную власть. В отличие от традиционных форм политического господства, основанных на контроле над территорией, средствами производства или финансовыми потоками, дата-

центричная власть базируется на способности собирать, обрабатывать, анализировать и монетизировать данные о поведении, предпочтениях и социальных связях миллиардов людей, превращая саму жизнь во всей ее полноте в объект политического и экономического контроля.

Исследование выявило, что формирование ГКТС и становление дата-центричной власти радикально трансформируют матрицу социально-политических антагонизмов. На смену классическому противостоянию между трудом и капиталом приходит многомерная топография конфликтов, включающая когнитивно-информационные антагонизмы (борьба за контроль над знанием, информацией и вниманием), технополитические противоречия (конфликты, вокруг алгоритмической власти и определения архитектуры технологических систем), биополитические напряжения (контроль над телестностью, биоданными и режимами политической субъективации) и глобальные антагонизмы (противостояние между технологическими центрами и периферией, борьба за экологическую устойчивость цифровой экономики). Ключевая специфика этих новых антагонизмов заключается в их имманентности самой архитектуре ГКТС – они не являются внешними препятствиями системной трансформации, а выступают внутренней формой существования и развития посткапитализма.

Анализ идеологических проектов легитимации и институционального ограничения дата-центричной власти показал, что современное политическое пространство структурируется вокруг четырех основных идеологических направлений: технолибертарианства, стремящегося к децентрализации власти через криптографические технологии и блокчейн; цифрового социализма, требующего обобществления платформ и алгоритмов; технореакционизма, легитимирующего авторитарную модель технократического управления; и технопрогрессивизма, настаивающего на демократическом контроле над технологическим развитием. Критически важно, что ни один из проектов не реализуется в чистом виде, ведь реальные траектории посткапиталистической трансформации формируются через гибридизацию элементов различных

идеологий, адаптированных к национальным контекстам и геополитическим позициям отдельных государств.

Российская Федерация представляет собой уникальный случай посткапиталистической трансформации, где процессы цифровизации политического управления разворачиваются в условиях незавершенности классической капиталистической модернизации, геополитической конфронтации и стратегического курса на достижение технологического суверенитета. Российская модель характеризуется формированием «цифрового государства-платформы» – особой версии ГКТС, в которой государственные структуры сохраняют доминирующую роль в координации цифровой трансформации при тесном взаимодействии с национальными технологическими корпорациями (Сбер, Яндекс, ВК МТС). Масштабное внедрение платформы «Госуслуги», развитие суперсервисов, институционализация искусственного интеллекта в процессы политического управления и формирование архитектуры цифрового суверенитета через национальные платежные системы и локализацию данных свидетельствуют о системном характере происходящих институциональных изменений.

Ключевым вектором трансформации российских политических институтов является эволюция механизмов политической легитимации от процедурно-электоральной модели к модели результативной эффективности, где легитимность власти определяется не столько соблюдением формальных демократических процедур, сколько измеримыми показателями качества государственного управления, эффективности предоставления публичных услуг и способности системы адаптироваться к стремительным макроэкономическим и геополитическим переменам. Это не означает полного отказа от электоральных процедур, но существенно изменяет их функциональную роль – выборы становятся механизмом подтверждения эффективности системы, а не средством ее радикального изменения.

Сценарный анализ перспектив развития российской модели выявил три основных траектории: усиление централизации с созданием единой

федеральной платформы управления данными и алгоритмическими системами; усиление сетевых элементов управления с развитием горизонтальных связей и способов цифрового участия граждан; формирование динамического баланса с дифференциацией сфер применения централизованных и сетевых механизмов в зависимости от характера решаемых задач. Наиболее вероятным представляется третий сценарий, при котором стратегические вопросы национальной безопасности и технологического суверенитета остаются в компетенции централизованных структур, а тактические задачи социального развития и предоставления государственных услуг переходя в сферу сетевых платформ с активным гражданским участием.

Критически важным результатом исследования является выявление фундаментального противоречия между потенциалом цифровых технологий для создания более эффективных, прозрачных и инклюзивных систем политического управления и рисками формирования тотального цифрового контроля, эрозии приватности и подавления политических свобод. Разрешение этого противоречия объективно требует создания институциональных механизмов, обеспечивающих баланс между эффективностью управления и конституционными правами граждан: законодательного закрепления цифровых прав (право на цифровую анонимность, право на объяснение алгоритмических решений, право на удаление данных), создания независимых институтов контроля за использованием алгоритмических систем, обеспечения транспарентности работы ИИ процессах принятия политически значимых решений.

С учетом обозначенных возможностей и рисков посткапиталистической трансформации политических институтов в работе сформулированы приоритетные направления государственной политики, реализация которых создаст институциональные условия для устойчивого развития российской модели «государства-платформы» в рамках приоритетного сценария динамического баланса. Данные направления включают: институциональное

закрепление принципа дифференцированного управления с нормативным разграничением централизованного и сетевого контуров принятия решений; формирование правовой основы цифровых прав граждан; создание независимого института общественного контроля за алгоритмическими системами, используемыми в политическом управлении; ликвидацию проблемы кадрового дефицита на стыке цифровых технологий и публичного управления; развитие технологического суверенитета без изоляции от глобального информационного пространства; качественную институциональную эволюцию платформ цифрового гражданского участия в направлении делиберативной демократии; преодоление цифрового неравенства как ключевого условия инклюзивности модели управления.

Вместе с тем, исследование выявило ряд проблемных зон, требующих дальнейшего научного анализа. Остается открытым вопрос о долгосрочной устойчивости гибридных моделей, сочетающих элементы централизованного контроля и сетевого участия. Требуется дополнительное изучение проблема формирования новых типов политической субъектности в условиях алгоритмического управления и цифрового профилирования. Недостаточно исследованными остаются механизмы международного регулирования транснациональных технологических платформ и возможности создания глобальных институтов контроля над дата-центричной властью. Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ национальных моделей посткапиталистического перехода (китайской, европейской, американской, российской) с целью выявления универсальных закономерностей и специфических траекторий институционального развития.

Подытожим, что посткапиталистический переход не представляет собой линейного движения к заранее определенному будущему, как было отмечено в исследовании. Это открытый, конфликтный и многовариантный процесс, исход которого зависит от борьбы различных политических проектов, технологических выборов и институциональных решений. Россия, находясь на

пересечении глобальных тенденций и национальных особенностей, обладает потенциалом для формирования альтернативной модели посткапиталистического развития, способной сочетать технологическую эффективность с социальной справедливостью, цифровой суверенитет с открытостью и инновациями, централизованную координацию с механизмами гражданского участия. Реализация этого потенциала требует не только технологических инвестиций и институциональных реформ, но и формирования нового типа политической культуры, основанной на принципах взаимной ответственности, критической рефлексии технологического развития, осознания цивилизационной уникальности и защиты человеческого измерения политики в эпоху алгоритмического управления.

Успешность посткапиталистической трансформации будет определяться способностью найти баланс между императивами эффективности, безопасности и свободы, между потребностями технологического развития и сохранением пространства для человеческой автономии, между глобальной интеграцией и национальным суверенитетом. Только при соблюдении этих условий посткапитализм может стать не новой формой господства и контроля, а пространством реализации эмансипаторного потенциала технологий для создания более справедливого, устойчивого и человеческого общественно-политического порядка.

Список сокращений и условных обозначений

- ББД – безусловный базовый доход
- БЭТ-диктатура – биоэкотехнологической диктатура
- ВВП – валовой внутренний продукт
- ГАС – государственная автоматизированная система
- ГИС – государственная информационная система
- ГКТС – государственно-корпоративный техно-субъект
- ЕБС – единая биометрическая система
- ИИ – искусственный интеллект
- ИКР – информационно-коммуникационные ресурсы
- НСПК – национальная система платежных карт
- ПО – программное обеспечение
- РОИВ – региональные органы исполнительной власти
- СНИЛС – страховой номер индивидуального лицевого счета
- ТНК – транснациональная корпорация
- ФОИВ – федеральные органы исполнительной власти
- ДАО – децентрализованные автономные организации
- DeFi – децентрализованные финансы
- Е/асс – эффективный акселерационизм
- EGDI – E-Government Development Index
- GDPR – General Data Protection Regulation
- NBIC – нано-био-информационные и когнитивные технологии
- NFT – non-fungible token
- NRx – neoreaction
- VPN – Virtual Private Network

Библиографический список

I Нормативно-правовые акты

1. Федеральный закон от 31.07.2025 г. №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52331>
2. Федеральный закон от 01.05.2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44230>
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
4. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» от 24.12.2018 г. № 16. URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>

II Научные публикации

5. Аджемоглу Д. Джонсон Д. Власть и прогресс. М.: Издательство АСТ, 2024. 544 с.
6. Айрапетян Д.А. Горизонты социально-политического развития института государства в контексте перехода к посткапитализму // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6 (111). С. 1907-1918.
7. Айрапетян Д.А. Институциональные перспективы перехода к посткапитализму: трансформация государства как субъекта власти в эпоху цифро-сетевых технологий // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 7 (107). С. 2347-2358.
8. Айрапетян Д.А. Методологическое обоснование исследования современности в качестве посткапитализма: взгляд политолога / Сборник трудов пятой международной научно-практической конференции «SOCIAL

SCIENCE» «Стратегии развития общества и экономики в новой реальности». 2023. С. 31-48.

9. Айрапетян Д.А. Особенности элитогенеза и элитного позиционирования в посткапитализме: новые детерминанты обретения власти // Сборник «Перспективные проблемы современной политической науки в рамках исследований Ростовской научной элитологической школы». 2024. С. 123-128.

10. Айрапетян Д.А. Структурные метаморфозы политических процессов на пороге посткапиталистической эпохи: новые акторы, интеракции и феномены // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2. С. 165-172.

11. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.

12. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. М.: КомКнига, 2010. 384 с.

13. Байгулов Р.М. Цифровая геополитика данных: как инструменты искусственного интеллекта определяют границы экономического влияния и государственного суверенитета // Вестник Университета мировых цифровизаций. 2025. № 4 (49). С. 94-100.

14. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма». СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

15. Батурина И.В. Трансгуманистические перспективы политико-правовых трансформаций в контексте интенсификации развития систем искусственного интеллекта // Социум и власть. 2023. № 1. С. 51-60.

16. Башева О.А., Ермолаева П.О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 47-69.

17. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. 944 с.

18. Бетева Н.В. Социально-философское значение политической теории множеств П. Вирно // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 39-41
19. Болтански Л., Кьяпело Эв. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 976 с.
20. Бразевич С.С. Концепция транснациональной и транслокальной миграции как релевантная теоретическая рамка для анализа "цифровизации" этнических сетей мигрантов // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 3 (7). С. 6-13.
21. Брегман Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2018. 356 с.
22. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10-38.
23. Бузгалин А.В., Барашкова О.В. После рождение новой [пост]экономики // AlterEconomics. 2023. № 20 (4). С. 731-750.
24. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М.: ЛЕНЛАНД, 2015. 904 с.
25. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. № 2. С. 137-150;
26. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
27. Бучинская О.Н. Цифровая колонизация – новое явление мировой экономики // Экономическая наука современной России. 2024. № 3 (106). С. 78-92
28. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М: Товарищество научных изданий КМК, 2008 176 с.

29. Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2020. 440 с.
30. Варуфакис Я. Технофеодализм. М.: Ad Marginem, 2025. 340 с.
31. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол Классик, 2025. 292 с.
32. Веретенникова А.Ю. Потенциал сотрудничества цифровых платформ шеринг-экономики и органов государственной власти // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 169-176.
33. Волков В.В. Глубинное государство и революция технооптимистов // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 4. С. 27–37.
34. Володенков С.В. Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 6-24.
35. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике: учебник. – М.: Проспект, 2024. – 496 с.
36. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д. Социотехническая реальность цифрового пространства современной политики: структура и особенности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 3. С. 230-253.
37. Гавриленко О.В. Эпоха «надзорного капитализма»: новые формы власти цифровых платформ и манипулирования пользователями // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 74-79.
38. Гаврилов Е.О. Перспективы развития государства в XXI веке // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 27-45.
39. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Высшей экономики, 2010. 208 с.

40. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
41. Гундорица А.А. Развитие концепции секьюритизации как результата кризиса глобальной безопасности в XXI веке // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2023. № 3 (23). С. 6-14
42. Давыдов Д.А. Глобальная политическая перспектива: коммунизм, меритократия или социал-персонализм? // Полития. 2016. № 3 (82). С. 149-159.
43. Давыдов Д.А. Есть ли смысл в концепте посткапитализма? // Дискурс-Пи. 2018. № 2 (31). Т. 19. С. 114-122.
44. Давыдов Д.А. Идея коммунизма. Современная дискуссия о том, как построить новый мир. СПб.: Алетейя, 2026. 260 с.
45. Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. 218 с.
46. Давыдов Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической общественной формации. М.: ЛЕНАНД, 2020. 218. с.
47. Давыдов Д.А. Неоконченная дискуссия: к вопросу о принципах выделения общественных формаций // Антиномии. 2020. Т. 20. № 1. С. 75-103.
48. Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.
49. Давыдов Д.А. Революция личности или восхождение персоналиата // Полития. 2020. № 4 (99). С. 68-89.
50. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М.: НАУКА. СП ИКПА, 1991. 126 с.;
51. Даль. Р. О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. 208 с.
52. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 288 с.
53. Дарендорф Р. Тропы из утопии. М.: Праксис, 2002. 536 с.;

54. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С.142-147.
55. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
56. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2010. 895 с.;
57. Делягин М.Г. Технологический социализм. Метод сохранения разума и прогресса в обществе социальных платформ //Свободна мысль. 2023. № 2. С. 5-24.
58. Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Приоритеты социальной политики России в условиях глобальных социальных изменений // Социодинамика. 2024. № 3. С. 76-86.
59. Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.
60. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.
61. Дин Дж. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. № 6. С. 85-116.
62. Дин Дж. Коммуникативный капитализм: от несогласия к разделению // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 3. С. 152-165.
63. Дорская А.А. Вестфальская система и ее роль в становлении современного миропорядка // Образование и право. 2024. № 6. С. 13-18.
64. Дроздова А.М. Некоторые аспекты соотношения общества и государства на современном этапе // Юридический вестник ДГУ. 2023. № 2 (66). С. 9-12.
65. Дулатова Н.В. Неолуддизм: историко-правовое размышление // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 55-60.
66. Евстафьев Д.Г. Дискурс посткапитализма как отражение кризиса глобализации // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16 (6). С. 207-222.

67. Ельчичанов М.С. Эпоха глобальной бифуркации: эскалация хаоса // Свободная мысль. 2022. № 5. С. 75-90.
68. Жабров А.В. Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 28-45.
69. Жижек С. Неприятности в раю. От конца истории к концу капитализма. М.: Гонзо, 2021. 412 с.
70. Жижек С., Руда Ф., Хамза А. Читать Маркса. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 176 с.
71. Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? М.: Издательство института Гайдара, 2025. 360 с.
72. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
73. Игнатьева О.А. Концепция коммуникативной власти: синтез теорий // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 4 (85). С. 156-166;
74. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. II. 832 с.
75. Капелюшников Р. Приключения «неолиберализма» // Логос. 2022. № 4. С. 1-50.
76. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
77. Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества. М.: Альпина ПРО, 2022. 200 с.
78. Коваль Е.А. Новые алгоритмы власти в мире алгоритмов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 262-282.
79. Кондрашов П. Н. Посткапитализм как новая общественная inter/trans-формация // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 150-159.

80. Копанев Г. Новое кибернетическое государство. Концепция. М., 2020. 38 с.
81. Копанев Г. Политическая экономия цифрового социализма. В авторском издании, 2025. 184 с.
82. Коряковцев А.А. Современное капиталистическое общество: исторические пределы ближайших социальных перемен и их общественный субъект // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 5. С. 93-103.
83. Костогрызов П.И. Глобальный поворот от неолиберальной к постнеолиберальной правительности и контуры новой нормальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 84. С. 236-246.
84. Кочетков А.П., Маслов К.В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 2. С. 31-45.
85. Красникова Е.В. Посткапитализм как реальность. Горизонты экономики. 2024. № 6 (87). С. 5-17.
86. Крауч К. Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: Издательство Высшей школы экономики, 2016. 214 с.
87. Крауч К. Победит ли гик-экономика? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 144 с.
88. Крауч К. Постдемократия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
89. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма. М.: Дело, 2012. 272 с.
90. Крэри Дж. Поздний капитализм и цели сна. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 136 с.
91. Кубанцева Е.В. Искусственный интеллект как ресурс цифрового неокOLONIALИЗМА и его влияние на цифровой суверенитет // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2026. № 1. С. 101-109.

92. Кузьмин В.А., Портанский А.П. Влияние глобального технологического раскола на лидерство в мировой экономике на примерах ряда развитых и развивающихся стран // Вестник международных организаций. 2022. № 4. С. 148-175.

93. Лейн Д. Национал-капитализм против либерального глобализма? // Россия в глобальной политике. 2026. № 1 (137). С. 30-36.

94. Ленин В.И. Великий почин // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. 624 с.

95. Литвин Л.А. Политический процесс как основная характеристика политической системы // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2024. № 3. С. 22-30.

96. Литвинов А.А., Мазур О.Г., Звонок Н.С. Эволюция процесса цифровой трансформации современного общества: основные концептуальные подходы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 83-93.

97. Лифанов С.С. Кризис либеральной демократии в зеркале западных политических исследований: постановка проблемы // Дискурс-Пи. 2020. № 1 (38). С. 60-77.

98. Мангер М. Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

99. Маркс К. К критике политической экономии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 271 с.

100. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. 144 с.

101. Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии. М.: АСТ, 2024. 160 с.

102. Мартьянов В.С. Глобальный упадок капитализма: политические последствия // Полития. 2018. № 4 (91). С. 140-161.
103. Масгрейв Р., Масгрейв П. Государственные финансы: теория и практика. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
104. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
105. Миланович Б. Капитализм и ничего больше: будущее системы, которая правит миром. М.: Издательство Института Гайдара. 2022. 400 с.
106. Мирошниченко М.А., Городничая Д.И., Хейшхо М.Ю. Государство как платформа: к чему ведет цифровая трансформация госуправления // Вестник академии знаний. 2023. № 2 (55). С. 450-458.
107. Митрахович С.П. Эффекты цифровизации как вызовы для эффективности демократии и «массовой политики» на современном этапе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (5). С. 57-62.
108. Михайленок О.Г., Брега А.В., Зеленко Б.И., Люблинский В.В., Щенина О.Г. и др. Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 3. С. 297-339.
109. Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Н.: ФСПИ, 2006. 244 с.
110. Нафикова А.И. Ускорение темпа жизни как социально-философская проблема и «новая реальность» современного социального развития // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 22. С. 205-208.
111. Нестеров О.Г. Принципы новой этики труда позднего капитализма // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 1. С. 118-127.
112. Николаи Ф.В., Кобылин И.И. «Выиграть время» или темпоральные (за)стенки неолиберального капитализма // Социология власти. 2021. Т. 33. № 1. С. 84-102.

113. Новиков С.Г. «Заря посткапитализма» и стратегия российского образования // Проблемы современного образования. 2022. № 4. С. 65-77.
114. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
115. Норт Д., Уоллис Дж., Вейнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
116. Паскуале Ф. Новые законы робототехники: апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 448 с.
117. Перепелкин В.А., Крыштановская О.В. Цифровая элита и традиционные политики // Цифровая социология. 2025. № 2. С. 17-26;
118. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
119. Понеделков А.В., Айрапетян Д.А., Рябова М.С. Трансформация политических процессов в условиях глобальной реконфигурации капитализма 2020-х гг.: институциональные особенности / Сборник трудов четвертой международной научно-практической конференции «Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее». 2024. С. – 16-29.
120. Поярков С.Ю. Трансформация современного конституционализма и новые архитектуры публичной власти: гибридные, сетевые и нелинейные модели в условиях цифровой эпохи // Право и политика. 2025. № 7. С. 160-179.
121. Равочкин Н.Н., Сухов Ю.П. Трансформация идей утопистов в современном мире: социально-философский анализ // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2025. № 1. С. 179-189.
122. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Трансформация роли государства в международных экономических отношениях на современном этапе // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 5. С. 112-123.

123. Ремизов В.А., Тихонова В.А., Садовская В.С. Либертарианство как постмодернистский социопроект // Вестник МГУКИ. 2024. № 3 (119). С. 14-20.
124. Роллз Дж. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 536 с.
125. Сафаров С.И., Бобохужаев Ш.И. Исторический ракурс и основы кризисов современной рыночной экономической системы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 85. С. 117-122.
126. Сен А. Идея справедливости. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 520 с.;
127. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.
128. Серавин А.И. Технология как идеология: кто и зачем конструирует «дух сетей»? // Власть. 2025. № 6. С. 9-18;
129. Сорокопуд М.С. Роль медиатехнологий в конструировании власти: взгляд через призму цифровой антропологии // Наука. Искусство. Культура. 2025. № 2 (46). С. 194-207.;
130. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
131. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
132. Старк Д., Паис И. Алгоритмическое управление в экономике платформ // Экономическая социология. 2021. Т. 22. № 1. С. 71-103.
133. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
134. Танци В. Правительства и рынки: Меняющаяся экономическая роль государства. М.: Издательства Института Гайдара, 2018. 584 с.
135. Тернборн Й. От марксизма к постмарксизму. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 256 с.

136. Томаев А.Х. Социально-политические условия и факторы формирования молодежных политических лидеров в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 65-75.

137. Турчин П.В. Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада. М.: АСТ (Мировой порядок), 2024. 432 с.

138. Ушаков Д.С., Подольская Т.В. Экономика потока против экономики территории: исторические корни современного конфликта государств и платформ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2026. № 1. С. 7-24.

139. Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М.: Издательство АСТ: Corpus, 2020. 736 с.

140. Фишер М. Посткапиталистическое желание. Последние лекции. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 216 с.

141. Фишман Л.Г. Проблема «лишних людей» на сломе эпох: культура утилизации или культура развития? // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2023. № 2. С. 12-34.

142. Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

143. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина Паблишер, 2015. 261 с.

144. Фриман А. Всемирный креативный аудит: план предлагаемого исследования // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. 2023. Т. 2. № 4. С. 25–59.

145. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

146. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.

147. Хан Б.Ч. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху. М.: Издательство АСТ, 2025. 160 с.
148. Хан Б.Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: Издательство АСТ, 2025. 150 с.
149. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад, 2022. 496 с.
150. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: Прогресс, 2007. 288 с.
151. Харви Д. Право на город. Екатеринбург, 2019. 36 с.
152. Хаскел Дж., Уэстлейк С. Капитализм без капитала: Подъем нематериальной экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 408 с.
153. Хвастунова Ю.В. «Демократический киборг проект» Джеймса Хьюза // Russian Studies in Culture and Society. 2022. № 4. С. 26-143.
154. Хлыстунов С.Ю. Посткапитализм: фаза генезиса. М.: Издательский дом «Дело», 2025. 172 с.
155. Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 394 с.
156. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М.: Издательство Независимая газета, 2004. 632 с.
157. Хрипунов М.В. Государственное управление как правовая форма осуществления надзора в обществе // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. № 3. С. 75-82.
158. Черкасова Т.П., Айрапетян Д.А. Политика акселерации как трансформационный драйвер политических процессов в позднем капитализме // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 211-220.
159. Черкасова Т.П., Айрапетян Д.А., Бобровнич А.А. Трансформация демократической модели в условиях перехода к посткапитализму // Власть. 2025. Т. 33. № 5. С. 24-35.

160. Шастико А.Е., Моросанова А.А., Маркова О.А. Экономика внимания: вопросы применения // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 7-23.

161. Шваб К. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. М: Эксмо, 2022. 352 с.

162. Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: Кейсы и варианты решения этических проблем. М: Издательский дом Высшей школы экономики, 2024. 200 с.

163. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2023. 288 с.

164. Юнус М. Мир тех нулей: Как справиться с нищетой, безработицей и загрязнением окружающей среды. М.: Альпина Пабlishер, 2019. 275 с.

165. Юрченко Н.Н. Антропологические факторы трансформации социально-политических институтов под влиянием цифровизации // PolitBook. 2024. № 1. С. 6-14.

III Различные электронные источники

166. «5 случаев, когда система распознавания лиц едва не разрушила жизнь человека по ошибке». SkillBox Media. URL: <https://skillbox.ru/media/business/5-sluchaev-kogda-sistema-raspoznvaniya-lits-edva-ne-razrushila-zhizn-cheloveka-po-oshibke/>

167. «Monero: За кулисами анонимности. Как работает криптовалюта нового поколения?». URL: <https://getblock.net/knowledgebase/monero-behind-the-scenes-of-anonymity-how-does-the-new-generation-cryptocurrency-work>

168. «UN E-Government Survey 2024». URL: <https://desapublications.un.org/publications/un-e-government-survey-2024>.

169. «Заметки о принципах и постулатах эффективного акселерационизма» – Insolarance. URL: <https://insolarance.com/eacc/>

170. «История биткоина в цифрах: как менялась стоимость и курс криптовалюты по годам». Совкомблог. URL: <https://journal.sovcombank.ru/investitsii/istoriia-bitkoina-v-cifrax>

171. «К 2026 году потребление электроэнергии дата-центрами, ИИ и криптовалютами вырастет вдвое». Overclockers. URL: <https://overclockers.ru/blog/Fantoci/show/134451/К-2026-godu-potreblenie-elektroenergii-data-centrami-II-i-kriptovaljutami-vyrastet-vdvoe>
172. «Каранкевич М. Технологии биометрического контроля. Часть 1. Что предлагает рынок». Журнал «Системы безопасности». URL: <https://www.secuteck.ru/articles/tekhnologii-biometricheskogo-kontrolya-dostupachast-1-chto-predlagaet-rynok>
173. «Кремниевые танки. Ник Ланд: правое лицо акселерационизма». Forklog. URL: <https://forklog.com/exclusive/kremnievye-tanki-nik-land-pravoelitsso-akseleratsionizma>
174. «Манифест технооптимиста Марка Андриссена». Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/771996/?ysclid=mkmdsp6xvw353841936>
175. «Питер Тиль. Техноархитектор новой Америки». VC.RU. URL: <https://vc.ru/future/2297427-piter-til-ideolog-kontrolya-i-tehnoarhitektor-novoy-epokhi>
176. «Почему данные становятся новой нефтью – и готова ли к этому Россия». РБК. URL: <https://companies.rbc.ru/news/uDFaSnNS7D/pochemu-dannyye-stanovyatsya-novoj-neftyu---i-gotova-li-k-etomu-rossiya/>
177. «Прибыль любой ценой? Смелая позиция эффективного акселерационизма в отношении искусственного интеллекта и человечества». URL: <https://www.cryptopolitan.com/ru/effective-accelerationisms-stance-on-ai-and-humanity/>
178. «Темпы роста мировой экономики замедлятся до 2,4 процента – Новости ООН». URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448302>.
179. «Что сказал бы Маркс об интернет-экономике? Отвечает автор книги «Посткапитализм». URL: <https://daily.afisha.ru/culture/3812-chto-skazal-by-marks-ob-internet-ekonomike-otvechaet-avtor-knigi-postkapitalizm/>
180. «Что такое информационный пузырь, как он формируется и чем опасен?». Sdelano Media. URL: <https://sdelano.media/inforuzir/>.

181. 2023 Индекс интеллектуальной зрелости отраслей экономики, секторов социальной сферы и системы государственного управления Российской Федерации, НЦРИИ при Правительстве РФ. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2023_indeks_intellektualynoy_zrelosti_otrasley_ekonomiki_sektorov_socialnoy_sfery_i_sistemy_gosudarstvennogo_upravleniya_rossiyskoy_federacii_ncrii_pri_pravitelystve_rf/
182. AI Act. European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai>
183. Carrico, D. Technoprogessivism Beyond Technophilia and Technophobia. The Technoprogessive. 2006. URL: <http://technoprogessive.blogspot.com/2006/08/technoprogessivism-beyond.html>
184. DAO простыми словами: модели управления, инструменты и роль токенов. Подробнее на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6926e1739a7947304f1cc662?from=copy>
185. Monero XMR – криптовалюта, обзор монеты, что это за валюта и ее особенности. URL: <https://crypto.ru/monero/>
186. Nathan Schneider's "Everything For Everyone" Brings Cooperative Revolution to Life. URL: https://www.occupy.com/article/nathan-schneider-s-everything-everyone-brings-cooperative-revolution-life?qt-article_tabs=3#sthash.3J5Rw844.hltLkVQ2.dpbs
187. RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/>
188. Trebor Scholz's New Report on Platform Cooperativism. URL: <https://www.bollier.org/blog/trebor-scholzs-new-report-platform-cooperativism>
189. Активный гражданин. URL: <https://ag.mos.ru/home>
190. Активный ростовчанин. URL: <https://ar.rostov-gorod.ru/>
191. Альтман С. Нежная сингулярность. Insolarance. URL: <https://insolarance.com/the-gentle-singularity/>
192. АНО «Цифровые волонтеры». URL: <https://digital-volunteers.ru/>

193. Аудитория и статистика портала госуслуг. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Аудитория_и_статистика_портала_госуслуг
194. Британских водителей Uber признали наемными работниками, но они всё равно недовольны. Хабр. URL: <https://habr.com/ru/news/547980/>
195. Валдай: «Преодолеть цифровой колониализм». URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/preodolet-tsifrovoy-kolonializm/>.
196. Дефицит промышленных кадров со знанием ИИ к 2030 году достигнет 3 млн человек. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/535907-deficit-promyslennyh-kadrov-so-znaniem-ii-k-2030-godu-dostignet-3-mln-celovek>
197. Единая Россия. Ростовская область. URL: <https://rostov.er.ru/>
198. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет». URL: <https://budget.gov.ru/Бюджетная-система>
199. ЕС оштрафовал Apple и запрещенную Meta на €700 млн. – Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7676511>
200. Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/about>
201. Индекс зрелости ИИ ФОИВ РФ. URL: <https://gspm.ranepa.ru/doc/departments/ai-research/report.pdf>
202. Искусственный интеллект Российской Федерации. URL: <https://ai.gov.ru/ai/implementation/>
203. Кооперативизм платформ: создание платформ сотрудничества: расширение возможностей стартапов в эпоху цифровых технологий. Faster Capital. URL: <https://fastercapital.com/ru/content/Кооперативизм-платформ--создание-платформ-сотрудничества--расширение-возможностей-стартапов-в-эпоху-цифровых-технологий.html#Примеры-и-лучшие-практики-существующих-платформ-сотрудничества>
204. Макаров А.С. Европейский социум: социальная проблематика через идеологическое отражение // Гуманитарные, социально-экономические

и общественные науки, 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskiy-sotsium-sotsialnaya-problematika-cherez-ideologicheskoe-otrazhenie>

205. Морозов А.В. Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2019. № 2. Т. 1. С. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/navigatsiya-po-akseleratsionizmu-ot-nekapitalizma-k-postkapitalizmu-cherez-platformy>

206. Морозов К. Неорекция: запутавшись в противоречиях. – *Insolarance*. URL: <https://insolarance.com/nrx-contradictions/>

207. Москва наш город. URL: <https://gorod.mos.ru/>

208. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-czifrovaya-transformacziya-gosudarstva>

209. Наша цифровая повседневность. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasha-cifrovaja-povsednevnost>

210. О Совете СВОП. URL: <https://svop.ru/about/>

211. Перевод Регламента General Data Protection Regulation (GDPR) Европейского Союза. URL: https://rppa.pro/_media/world/gdpr.pdf

212. Платформа «ГосТех». Минцифры. URL: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/czifrovaya-transformacziya/czifrovye-platformy-i-resheniya-dlya-gosorganov/platforma-gosteh>

213. Платформа обратной связи. URL: <https://pos.gosuslugi.ru/landing/>

214. Политическая философия Питера Тиля». – Катехон. URL: <https://katehon.com/ru/article/politicheskaya-filosofiya-pitera-tilya>

215. Разбор Terra LUNA: от взлета до краха. Подробнее на РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6847d6c39a79477637dee417?from=copy#p3>

216. РАПН. URL: <https://rapn.ru/pages/about>

217. РБК. Тренды. Большие данные и большая политика: как технологии влияют на выборы. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5ef4c3299a7947db501485f8>

218. России потребуется 15 лет на импортозамещение полупроводников. Прогноз руководителя аналитического агентства Content Review Сергея Половникова. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/05/12/rossii-potrebuetsja-15-let-na-importozameshenie-poluprovodnikov.html>

219. Россия сегодня. URL: <https://россиясегодня.рф/>

220. РСМД: «Цифровой неокOLONIALИзм vs. цифровое неприсоединение». URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-kolonializm-vs-tsifrovое-nepri-soedinenie/>.

221. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/>

222. Слотер М., Маккормик Д. Данные – это власть // Россия в глобальной политике. – 2021. – № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/dannye-eto-vlast/>

223. Соловьев А. Капиталистический идеализм и рынок утопических микронарративов. – Insolarance. URL: <https://insolarance.com/capitalist-idealism/>

224. Стало известно, сколько россиян пользуются «Госуслугами». Газета. Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/01/17/22129909.shtml?updated>

225. Суперсервис «Поступай в вуз онлайн»: проводник в мир высшего образования. Рособнадзор. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/superservis-postupaj-v-vuz-onlajn-provodnik-v-mir-vysshego-obrazovaniya/>

226. Тимоти С. Мэй. Криптоанархический манифест. URL: <https://janberg.by/kriptoanarxicheskiy-manifest/>

227. Федорченко М. Цифровая меланхолия от «экспериментов Лэйн» до YEULE. – Insolarance. URL: <https://insolarance.com/digital-melancholy/>

228. Хватит болтать об экономике! Киберпланирование – единственный выход. URL: <https://iarex.ru/articles/80422.html>

229. Цифровая экономика 2024: краткий статистический сборник. URL: <file:///Users/davidayrapetan/Downloads/2024%20Цифровая%20экономика.%20Краткий%20статистический%20сборник%202024,%20ВШЭ.pdf>

230. Что такое Валдай? URL: <https://ru.valdaiclub.com/about/valdai/>

231. Что такое суперсервис «Рождения ребенка» или как зарегистрировать рождение ребенка через ЕПГУ. URL: https://shatrovskij-r45.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_1789.html

232. Что такое цифровой суверенитет России, какие меры предпринимаются государством для его достижения. Росатом. Цифровые решения. URL: <https://digitalrosatom.ru/blog/179>

233. Шольц Т. Платформенный кооперативизм. Бросая вызов корпоративной экономике совместного потребления. – Нью-Йорк: Фонд Розы Люксембург, 2016. URL: http://www.rosalux-nyc.org/wp-content/files_mf/scholz_platformcoop_5.9.2016.pdf

234. Шуленберг Дж. Ник Ланд. Его вера. – Центр политического анализа. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/nik-land-ego-vera>

235. Ярвин К. Манифест формалиста. – Мировой кризис. Хроника и комментарии. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/3505282>

IV Литература на иностранных языках

236. Drucker P. Post-Capitalist Society. Butterworth&Heinemann, 1993. 198 p.

237. Frayne D. The Refusal of Work: The Theory and Practice of Resistance to Work. London: Zed Books, 2015. 270 p.

238. Harvey D. The Enigma of Capital: And the Crises of Capitalism. Profile Books, 2010. 256 p.

239. Hughes, J. Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future. Cambridge, MA : Westview Press, 2004. 294 p.

240. Jan van Dijk. The Digital Divide. Cambridge: Polity, 2020. 208 p.

241. Kitchin, R. Thinking Critically About and Researching Algorithms // Information, Communication & Society. 2017. № 20 (1). P. 14-29;
242. Lassing L. Code and other laws of cyberspace. NY.: Basic Books, 1999. 297 p.
243. Reich Robert B., The system: who rigged it, how we fix it. New York: Alfred A. Knopf, 2020. 201 p.
244. Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. NY: Columbia University Press, 2013. 512 p.
245. Sassen S. Interactions of the Technical and the Social: Digital formations of the powerful and the powerless // Information Communication and Society. 2012. № 15 (4). P. 1-24
246. Sh. Turkle. Aline together Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. NY.: Basic Books, 2011. 379 p.
247. Truman D. The Governmental Process. NY: Alfred A. Knopf, 1960. 544 p.
248. Whitehead M., Jones R., Lilley R., Pykett J., Howell R. Neuroliberalism: Behavioural Government in the Twenty-First Century. Routledge, 2017. 236 p.
249. Zuboff S. Master or Slave?: The Fight for the Soul of Our Information Civilization. NY: PublicAffairs, 2017. 304 p.

Когнитивно-цифровые антагонизмы в тройственном измерении

Глобальное измерение: борьба за цифровую гегемонию			
Аспект конфликта	Характеристика	Практические примеры	Политические последствия
Цифровой колониализм	Ассиметричные отношения между странами – лидерами и странами – аутсайдерами в цифровой экономике	1. Доминирование американских цифровых платформ (Meta ²⁷⁷ , Google, Amazon и др.) в большинстве развивающихся стран; 2. Программа Starlink от компании SpaceX, обеспечивающая доступ к Интернету в регионах без развитой инфраструктуры	Возникновение новой формы зависимости, при которой развивающиеся страны теряют цифровой суверенитет и становятся поставщиками данных и потребителями технологий
Борьба за контроль над инфраструктурой	Конкуренция за физические и программные компоненты глобальной сети	1. Противостояние США и Китая по вопросу доминирования компании Huawei в области 5G-сетей; 2. Блокировка подводных кабелей между Китаем и США; 3. Создание Россией национального интернет-сегмента и системы DNS; 4. Китайская система «Великий файерволл».	Фрагментация сети Интернет на отдельные сегменты, повышение транзакционных издержек, формирование «цифровых блоков влияния»
Модели регулирования Интернета	Противостояние различных нормативных подходов к управлению цифровым пространством	1. Европейская модель (GDPR, DSA, DMA) с акцентом на защиту пользователей; 2. Американская модель саморегулирования платформ; 3. Китайская модель жесткого государственного контроля; 4. Российская модель «суверенного Интернета».	Несовместимость правовых режимов, возникновение «цифровых занавесов», конфликты юрисдикций
Институциональное измерение: открытые vs. закрытые знания			
Аспект конфликта	Характеристика	Практические примеры	Политические последствия
Открытый доступ к научным знаниям	Противостояние между моделью публичного доступа к научной информации и коммерческой монополизации	1. Проект Sci-Hub против издательств Elsevier, Springer и Wiley; 2. Трансформационные отношения университетов с издательствами (Plan S в Европе); 3. Судебное преследование в отношении А. Шварца после того, как он скачал миллионы научных статей из базы данных JSTOR.	Углубление неравенства в доступе к знаниям между богатыми и бедными учреждениями, странами, научными коллективами и отдельными исследователями
Движение за открытое ПО vs. проприетарное ПО	Конфликт между общественной разработкой и корпоративной моделью	1. Система Linux как альтернатива Windows; 2. Судебные иски компании Oracle против Google по поводу Java;	Возникновение двух параллельных экосистем разработки с разными ценностями, моделями развития и бизнес-подходами

²⁷⁷ Компания Meta (признана в РФ экстремистской организацией и запрещена)

		3. Приобретение GitHub компанией Microsoft; 4. Противостояние движения за открытый код крупным IT-монополистам.	
Патентные войны в цифровой среде	Использование интеллектуальной собственности в качестве оружия в конкурентной борьбе	1. Многолетние патентные споры компаний Apple и Samsung; 2. Возникновение феномена «патентных троллей»; 3. Патентование ИИ-решений (Google DeepMind, OpenAI); 4. Борьба за патенты на технологии редактирования генома CRISPR-Cas9	Замедление инновационной активности, рост транзакционных издержек, концентрация власти у технологических гигантов
Социальное измерение: размывание границ профессионализма			
Аспект конфликта	Характеристика	Практические примеры	Политические последствия
Профессионалы vs. любители	Разрушение традиционных барьеров входа в профессиональные сферы	1. Блогеры и инфлюенсеры vs. традиционные журналисты; 2. Контент-мейкеры на YouTube и телевизионные продюсеры; 3. Гражданская наука (Zooniverse, Foldit) vs. академические исследователи; 4. Криптовалютные энтузиасты vs. традиционные финансисты.	Демократизация производства информационного контента при одновременной прекариатизации труда профессионалов
Эксперты vs. алгоритмы	Замещение экспертного суждения автоматизированными системами	1. ИИ-диагностика в медицине vs. традиционные врачи-специалисты; 2. Алгоритмические рекомендательные системы vs. кураторы контента в медиа; 3. Правовые ИИ-ассистенты vs. традиционные юристы; 4. Системы автоматического перевода vs. профессиональные переводчики.	Перераспределение властных отношений, изменение статуса профессиональных сообществ, радикальная трансформация рынка труда
Создатели контента vs. платформы	Борьба за справедливое распределение ценности между производителями контента и владельцами цифровой инфраструктуры	1. Забастовки сценаристов в Голливуде из-за ИИ и стриминговых платформ; 2. Протесты авторов против использования их произведений для обучения генеративного ИИ; 3. Споры между музыкантами и платформой Spotify о размере выплат.	Усиление правовой и переговорной и позиции платформ, формирование новых профсоюзов цифровых работников

Составлено автором на основе анализа средств массовой информации